

Максимов Олег Ефремович

Родился в 1944 году в Кишиневе.
Пятилетним ребенком депортирован
в Кемеровскую область как
"сын врага народа".

В 1958 году амнистирован,
в 1989 - реабилитирован.

Автор многих книг лирики.

Член Союзов писателей СССР,
России, Молдовы, член Международного
сообщества писательских союзов.
Награжден медалью "За веру и добро".

ПЛОТ СУДЬБЫ

ПЛОТ

Олег Максимов

Олег
Максимов

ПЛОТ
СУДЬБЫ

Олег
МАКСИМОВ

Сергею Донбату -
Колечко и дружку -
с добротой.

О. Максимов

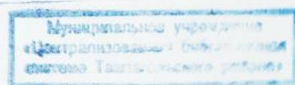
ПЛОТ
СУДЬБЫ

Книга стихов

Кемерово, 2009

Олег МАКСИМОВ

Окончил Литературный институт имени А.М. Горького в Москве. Автор книг «За журавлем», «Зона сердца», «Амнистия», «Закат скифов», «Слеза прощения» и др. Занимается профессиональной писательской деятельностью.

—67544—

ISBN 978-5-91797-005-9

© Текст: О. Максимов 2009.

© Иллюстрации: С. Сулин, С. Пальянов, 2009

ОСТРОВ НАДЕЖДЫ

Душа поет: вышла в свет новая книга моих стихов. Душа печалится: вместе с изданием книги отвалился в прошлое весомый пласт жизни, единственной и неповторимой. Но радость моя превыше печали: встреча с читателем всегда радостна и даже празднична.

А ведь встречи этой могло и не быть, если бы 18 лет назад не состоялась другая, знаменательная для меня встреча. Автор нескольких книг, член Союза писателей СССР, я, по известным обстоятельствам тех лет, сменил письменный стол поэта на очень прозаическую должность директора представительства крупной молдавской фирмы в Кузбассе. Тогда судьба и свела меня с заместителем главы Администрации г. Таштагола. Звали его Владимир Макута. Обладатель столь редкостной для Сибири фамилии, он и сам оказался редкостным человеком. Успев, несмотря на молодость, «поругать» на разных уровнях в условиях плановой экономики, он без особого напряжения вошел в рынок, органично срастив все лучшее из «того» и «этого» в стиль и методы своей административной деятельности.

— Я, конечно, не великий знаток поэзии, — сказал он как-то при встрече. — Но творчество и бизнес не шибко-то стыкуются, а?

— А кормить меня кто будет?

— Насчет «кормить» не скажу, но пропасть не дадим.

Из деликатности он не сказал тогда прямо: «Было бы куда полезней, если бы ты жил и работал в Таштаголе как писатель. А бизнесменов здесь и без тебя хватает».

Сбылось твое пожелание, Владимир Николаевич! Прогорев на форс-мажоре по вине родной фирмы, я вернулся в литературу и в удивительно короткий срок написал книгу «Закат скифов».

А Владимир Макута, получив самый высокий кредит доверия избирателей в Кузбассе, стал первым мэром Таштагола. Свидетельствую: этот мэр не давал пустых обещаний. Узнав от редактора местной газеты, что «есть такая рукопись», да нет издателя-спонсора, он взял все в свои руки, и в кратчайший срок книга вышла в свет.

Прошло еще десять лет. Скоро я отмечу 65 от рождения и 45 со дня первой журнальной публикации. А юбилейным подарком стала вот эта книга. И снова, как 10 лет назад, я говорю: «Спасибо тебе, Владимир Макута, глава Таштагольского района и добрый радатель за культуру.

Предвижу загодя: сыщется, непременно сыщется тот, кто, прочтя эти строки, скажет:

— Да ты, братец, знатный подхалим!

Нет, не прав ты, завистник! Если бы речь шла только о личной благодарности, я сделал бы это приватно и в куда более теплой обстановке. А ска-

зять я хочу о другом: с тех пор, как во главе здешней Администрации встал Владимир Макута, периодическая поддержка местных творческих людей стала устойчивым явлением культурной жизни района. Если говорить о родной мне литературе, то даже не всякий областной центр может похвастать изданием такого количества вполне качественных книг. Знаковым событием для здешних поэтов и прозаиков, да и для всего района, стали творческие семинары, проводимые под эгидой областного отделения Союза писателей России. А многие профессиональные писатели Кузбасса давно уже стали дорогими гостями и друзьями Таштагола.

Как хорошо отлаженный механизм, работает районное Управление культуры, ведомое Надеждой Согриной.

Особой строкой выделяю стремительное развитие горнолыжного спорта и туризма в районе, самого любимого детища главы Администрации. Кстати, команда сноубордистов России на минувших Зимних Олимпийских играх была укомплектована исключительно воспитанниками таштагольской горнолыжной школы, среди которых была и Катя Тудегешева, ставшая вскоре чемпионкой мира.

А сейчас, завистник, я и вовсе сразу тебя наповал. Я скажу, что Владимир Макута – достойный ученик своего учителя, губернатора Кузбасса Амана Тулеева. Только и это не банальная лесть, а констатация факта. Работа губернатора о развитии культуры края реально ощутима не только в городах, но и в самых отдаленных селениях. Да оно и понятно: державный человек думает о будущем державы.

Вот почему я говорю и даже кричу: есть в бескрайнем российском море остров, где развитие культуры стоит в ряду основных приоритетов. Знаю, есть такие острова и в других регионах. Верю, вырастут у нас и новые Третьяковы. Уже сегодня они спонсируют культуру, спорт, образование, медицину. В Таштаголе это в основном директора ведущих акционерных обществ: Юрий Векессер, Анатолий Попов, Александр Мерзляков, Андрей Безушков, Александр Чекрызов, Петр Рогалев, Сергей Новгородцев и др.

С легкой душой спонсировал мою книгу бизнесмен из Новокузнецка Денис Молчанов. А когда подобное становится не случайностью, но закономерностью, есть надежда, что не одичает Россия, явит миру свой светлый христианский лик. Именно это нашел я нужным сказать вместо стандартного предисловия к изданию. Что же касается самой книги, так она перед вами, дорогие мои читатели. Для вас пишу. Для вас живу. С вами остаюсь в радости и в горести.

Олег МАКСИМОВ

ВМЕСТО ПРОЛОГА

1

**Заплетутся в рассветной глуши
Ритмы сердца и рокот мотора.
И расширит пределы души
Ощущенье сквозного простора.
Кто воздвиг этот грозный простор –
Что за миру неведомый зодчий?
Чем стремительней тянет мотор,
Тем становится зрение зорче.
И уже вырастают крыла,
Унося от постылой тревоги,
Что опасные это дела –
Отдаваться на откуп дороге!**

**Ну, а что же в конечном итоге?
Будь что будет. Несите, крыла!**

2

**У гонщика – снова удача!
Он выиграл сложный заезд.
Так что же, едва ли не плача,
Глазами пространство он ест?**

О, есть отчего растеряться –
 Одно его мучит давно:
 Всю жизнь он таранит пространство,
 А все ж беспредельно оно.
 Безумно – от трассы до трассы –
 Он жаждет лишь одного:
 Свалить это иго пространства
 И стать господином его!

3

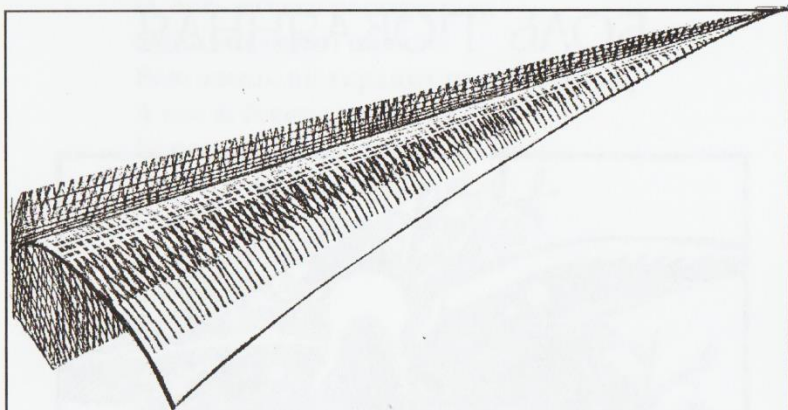
Неумная власть скоростей –
 С крутизною и голубизною!
 Но, лишь схлынут порывы страстей,
 Возникает желанье иное:
 Утомленно отпасть от руля,
 Тормознуть под раскрывшейся вишней
 И увидеть: прекрасна земля!
 И поверить: прекрасен твой ближний!

...А мотор – всё неспешней, неслышней...
 К черту скорость! Прекрасна земля.

Что ж есть правда – поди разберись! –
 Скорость иль состоянье покоя?
 Где она, настоящая жизнь? –
 Но попробуй ответь на такое.

БОЛЬ ПОКАЯННАЯ

Вот бы взять да упразднить
 Праздно прожитые годы!
 Возраст учит нас ценить
 И Отчизну, и свободу.

Но и с самых юных дней
 В радости и горькой боли
 Вы одни в душе моей:
 Мама, родина да воля.

* * *

Алый плат да простенькое платьице –
 Как-то греховодно молода,
 Говорила мама: «Все уладится!
 Вместе нам и горе – не беда».

Жизнь всю, как дальний поезд, катится.
 Ни годочка не вернуть назад.
 Застиралось, износилось платьице,
 Постарел да выцвел алый плат.

Нынче трактором, завтра по ухабушкам,
 Знай, струится наша колея.
 Как-то незаметно стала бабушкой
 Мама легкокрылая моя.

То грозой, то шариком раскрашенным
 Жизнь летит неведомо куда!
 Что ж с того? Сам черт и тот не страшен нам:
 Вместе нам и горе – не беда.

А сынок растет себе подсолнушком,
 Не стареет бабушка и мать...
 Что еще под тихим нашим солнышком
 Я б хотел на счастье пожелать?

Жить да жить бы нам под тихим солнышком,
 Только б знать, что будет так всегда, –
 Рос бы сын мой крепеньким подсолнушком
 Да была бы мама молода.

* * *

Стук колес. Людская смесь.
 На перроне грязь по пояс.
 Я уже извелся весь,
 Ожидая скорый поезд.

А в кармане пиджака
 Птицей бьется телеграмма,
 В ней всего одна строка:
 «Приезжай. Хвораю. Мама».

Самолеты, поезда
 Да еще пешком немного –
 Вот и весь мой путь сюда,
 К дому нашему дорога.

Самолеты, поезда –
 Всё знакомыми местами!
 Почему же я тогда
 Не бываю здесь годами?

День да ночь – всего-то дел!
 День да ночь – и вот я с нею!
 ...Слава Богу, я успел.

Вдруг однажды не успею?

* * *

Одеялко смятое откину,
 Вымету кручину из избы:
 – А пойдём-ка, мама, по малину!
 А пойдём, родная, по грибы.

Чуешь, мама, как дуреет мята?
 А вот здесь, со мною на плече,
 В бор сосновый шла ты по маслята,
 Рыжики собирала в пихтаче.

А вон там, где вышка буровая...
 А в ответ: Передохнем чуток...
 Я, сынок, давно здесь не бываю –
 Невеликий ныне я ходок.

Мама, мама! Господи, да что же
 Над тобой содеяли года?
 Стала ты на птенчика похожа,
 Что до срока выпал из гнезда.

Впрочем, нет! Конечно же, родная,
 Ты во всем поладила с судьбой.
 Так о чем же, что-то вспоминая,
 Давний спор ведешь сама с собой?

Что ты шелестишь, седое эхо
 Детства, что скатилось под уклон?
 – Сон мне был, что ты ко мне приехал,
 Видно, в руку был мне этот сон.

* * *

В логу ручей. По берегам –
Избушки. Дым над погребам.
И мама кличет к пирогам
С лесной малиной и грибами.

Сумерничаем. Тянет в сон,
Как в свежий стог. Густеют дали.
Часы пружинным колесом
Скрипят. И я на сеновале

Укладываюсь. Благодать!
И всхлипнула дверная рама.
И вижу я: заходит мать.
И слышу: тихо плачет мама.

Присела. Дышит у виска.
Морщинки гладит над губами.
...И сладко мамина рука
Малиной пахнет и грибами.

* * *

Полночь. У маминых ног
Тихо сижу, как во храме.

– Что ж ты так долго, сынок,
Не приезжал к своей маме?
Не передать на словах,
Как по тебе я сучала!

Сам обратил я во прах
Крепость родного причала.

Жизнь на последнюю треть
Катит годочки устало.
Что же я? Маму согреть
Времени мне не хватало!

Свет у соседей погас.
Льется мелодия вальса.

Господи, сколько уж раз
Я рассказать порывался,
Как без тебя я продрог
Рядом с кострами чужими!
Как на пределах дорог
Благословлял твое имя,
Как без тебя, но вдвоем,
Одолевал я барьеры...

Что же мы их предаем,
Тех, кто нас любит без меры?

Завтра сбегу на вокзал,
В путь по чужой телеграмме.
...Вот и опять не сказал
Самого главного – маме.

* * *

Что так жалобно птицы поют,
 Будто в чем-то себя виновата?
 ...Плачь, земля! В твой печальный приют
 Потихоньку спускается батя.

Беспощадную Книгу Судеб
 Зачитавши от корки до корки,
 Преломил ты последний свой хлеб
 В хладном чреве Тургеневской горки.

Вот и все. Вот и жизни венец!
 Стал ты частью всего мироздания.
 ...Я с тобой не прощаюсь, отец, –
 До свиданья, отец, до свиданья.

* * *

Уходят из дерева соки.
 Сухотные листья горят.
 Пришли неизбежные сроки –
 Свершается вечный обряд?

Нет, это не старости сроки:
 В земле горячо, как в золе,
 И древо последние соки
 Струит к воспаленной земле.

А люди? В минуты невзгоды
 Трагичнее нам и черней:
 Цари истощенной природы,
 Мы все же бессильны пред ней, –

Ведь сын, в роковом изголовье
 Смотря на иссохшую мать,
 Ей силы свои и здоровье
 Готов, но не может отдать!

* * *

Я скучаю об отце,
Боже, как же я скучаю!

...Вот присядем на крыльце,
Никого не замечая, –
Ты да я, да мы с тобой
Потолкуем на закате.

Всею жизнью и судьбой
Я с тобой сравнился, батя:

Если я, твое любя,
Побратавшись с белым светом,
Хоть немного стал поэтом, –
Значит, я пошел в тебя.

Знал я ад, бывал в раю,
Жил да жил, да пел, как птица!
За себя, за жизнь свою
Вроде нечего стыдиться.

Не окончена игра.
Я иду твоей стопою.
А придет моя пора,
Снова свидимся с тобою.

На заоблачном крыльце
Жахнем водки, выпьем чаю.
...Я скучаю об отце,
Боже, как же я скучаю!

* * *

Этот снег не растает уже никогда,
Этот снег не смахнешь ты рукою упрямой!
Это грустно, когда твоя мама седа, –
Значит, ты постарел вместе с мамой.

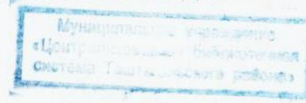
Босоногий пострел, что же ты постарел,
Что ж за мамой летишь ты вдогонку?
Сам седой до бровей, ты для мамы твоей,
Как и прежде, ребенок.

Это больно, когда на любимых руках
Жизни линия рвется, как в засуху реки!
Это значит, готов мамин дом в облаках,
Значит, время прощаться навеки.

Кинет мама назад ускользящий взгляд:
– Все здоровы? И ладно, ребята! –
А еще погода, насовсем уходя:
– Как же вы без меня-то?

Отстрадала душа, упокоилась плоть.
Не поспоришь с судьбой, в поднебесье бегущей!
Пожалей ты ее, сердобольный Господь,
Забери ее в райские кущи.

Буду Бога просить, буду в сердце носить
Мамин снег, что клубится, не тая.
И все видется мне, что в туманном окне
Плачет мама седая.

-64544-

* * *

Как собираемся долго мы –
 Дочери и сыны!
 Разными слухами, толками
 Мы узнаем о родных.
 А ведь одна только весточка
 Верною и была:
 Как одинокая веточка,
 Мама твоя умерла.

* * *

1

Ушла подруга. Прёдал друг.
 Растерянно гляжу вокруг,
 Плечо тяжелое горбятя.

И горестно поникли вдруг
 Ромашки на могиле бати.

Какой же светлой высотой
 Ты жил и т а м живешь поныне, –
 Что и за вечною чертой
 Вот так печалишься о сыне?!

2

И горячие мысли свиваются в жгут,
 Мозг измученный воском расплавленным жгут
 Да под сердце вползают, как змеи.
 Ты прости мне, отец! Ты прости меня, мать:
 Я так много за жизнь не сумел вам сказать!
 И уже никогда не сумею.

* * *

Зачем я прихожу сюда?
Здесь, в коммунальной тесноте,
Покоя вечного звезда
К небесной тянется звезде.

Здесь, в чаще розовых кустов,
Крылами ветхими шурша,
Витает ворон меж крестов,
Как чья-то черная душа.

Здесь, белый загасив полет
И струнным горлышком дрожа,
Младая горлинка поет,
Как чья-то светлая душа.

И тяжело – ну, хоть ты плачь! –
Над половодьем камыша
Скрипит горячий карагач,
Моя бессонная душа.

И стало ясно – что влечет
Меня к разливу древних вод,
Где это кладбище плывет,
Наш черно-белый пароход:

Здесь с просветлившимся лицом,
Растратив ветреную прыть,
Вослед за мамой и отцом
Мне самому однажды плыть.

ДОЧЕРИ ИНГЕ

Ах ты, девочка, малая птаха!
Так уж вышло, что ты не со мной.
Но и все ж принимаю без страха
Этот сумрачный жребий земной.

Жизнь уходит с привычного круга.
Что ж, уйду, коль настанет черед!
Только наша с тобою разлука
Все большее тревожит и жжет.

Пусть родник моей жизни повысох,
Лишь одно сознавать нелегко, –
Что в холодных заоблачных высях
Стану я н а в с е г д а далеко.

* * *

О, если бы имел такую власть я:
Хоть ненадолго от всего уйти,
Припасть, как в детстве, к маминой груди
И, может быть, расплакаться от счастья.

От счастья, что она поймет меня
И чем-то обязательно поможет,
Ведь, как и в детстве, мама много может
И защитит, любовь ко мне храня.

Я ей скажу, что дьявольски устал,
Что стал похож на тонущее судно,
Что у меня душа, а не металл,
Хотя и тот порой согнуть нетрудно.

Одним даны покой да благодать,
А мне вот эта смертная усталость,
И даже не желаю я желать
Того, о чем когда-то в дым мечталось.

А мама скажет: «Что? Совсем раскис?
Крепись, сынок, ведь ты уже мужчина!
Не для мужчин, сынок, дорога вниз,
И плакать вовсе не было причины».

Причина есть. Вот только мамы нет!
Душа болит и жаждет очищения.
Но тень вины печалит белый свет,
И не у кого мне просить прощения.

* * *

Когда во тьме осенней ты до костей продрог,
Приходит во спасенье рыбацкий костерок.

В глубинах листопада явление костра –
Светлейшая лампада покоя и добра.

Огня перемещение на сморщенном песке –
Как бы слеза прощения на маминой щеке.

* * *

Задули сизые ветра
В свои незримые валторны!
Любимая моя пора –
Морозно, ясно и просторно.

Блестит юная звезда,
Как ведрышко на коромысле...
Вокруг такая чистота,
Что ясные приходят мысли.

Антенны чуткая стрела
Весь мир свела на отчей хате!
Ночь глубока и так светла,
Что в небесах я вижу батю.

* * *

Распогодилось. Вдоль берегов
 Пароходы наладили сходни.
 Привечаю друзей и врагов!
 Я домой возвратился сегодня.

Снова след потянулся сюда,
 Где прошли мои лучшие годы,
 Где мои молодые года
 Скачут белками вольной природы.

Только здесь, у родного крыльца,
 Совесть выверишь точным аршином.
 Только здесь, на могиле отца,
 Всей Земле ты становишься сыном.

Здесь тебя не терзают уже
 Беспокойные темные «если», –
 Так светло и легко на душе,
 Словно батя и мама воскресли.

Здесь душа воспаряет в зенит,
 Окрыляется отчиной милой.
 Здесь литьем каждый мускул звенит,
 Наливаясь здоровьем и силой.

Знают руки весло и приклад,
 Под ногою надежное стремя.
 Только здесь, оглянувшись назад,
 Не жалею у ш е д ш е е время.

* * *

Здесь все осталось на местах,
 Как было много лет назад:
 Медуют пчелы на цветах
 И соловьем озвучен сад.

Зажглась рябина на бугре,
 С которой видно далеко.
 И так же утром во дворе
 Вскипает в кринках молоко.

И мой сынок бежит во двор,
 И пену пьет он с молока.
 И детский солнечный вихор
 Ласкает женская рука.

Под этим кровом с давних дней
 Не изменилось ничего.
 Вот только мамы нет моей!
 И нет здесь детства моего.

ПЕСНЯ ЗЕМЛИ

Уходят в небо старики,
 Всё оставляя в детях.
 А мы глядим из-под руки,
 Пытаясь разглядеть их.
 Мы окликаем их с земли –
 Они не слышат оклика.
 Летят они, как журавли,
 От облака – до облака.

Старики улетают,
 Улетают в свой вечный приют,
 В тот небесный чертог,
 Где ни зла, ни обиды, ни фальши.
 А с холодной земли
 Дети их все зовут и зовут,
 Но улетают все дальше.

Две тени падают в поля
 Со мною недалече.
 Да это ж матушка моя
 Летит к отцу навстречу!
 Я окликаю их с полей –
 Они не слышат оклика,
 Летят, как пара журавлей,
 Как два закатных облака.

Летят они, скрываясь с глаз,
 Летят в Господни веси.
 О как нам не хватает вас,
 Ушедших в поднебесье!
 Услышьте нас в печальной мгле,
 В заоблачной обители.
 Простите, если на земле
 Мы чем-то вас обидели.

Старики улетают,
 Улетают в свой вечный приют,
 В тот небесный чертог,
 Где ни зла, ни обиды, ни фальши.
 А с холодной земли
 Дети их все зовут и зовут,
 Но они улетают все дальше.

* * *

Восходят над лесом ночные светила.
И нет их начала, и нет им конца,
Такая живая таится в них сила,
Как будто горят человечьи сердца.

Едва ли. Откуда им быть в этой дали?
...Когда обрывалась последняя нить,
Сердца наших ближних туда возлетали,
Откуда им проще живущим светить.

Вот так же однажды, спокойно и просто,
Взойдет мое сердце неяркой звездой,
Взойдет и подсветит пихтач у погоста,
Поля, деревушку над тихой водой.

В проулках пустых поблукает немножко,
Поскачет к тебе, как Конек-Горбунок,
И чистой свечою замрет у окошка,
А там...засыпай поскорее, сынок!

И если, разбуженный странной тревогой,
Ты выйдешь и ступишь во тьму от крыльца,
Без страха иди. Над твоею дорогой
Горит путеводное сердце отца.

* * *

Дождались и мы! Пришел мороз.
Застучал веселым молотком.
Как ягненок, березняк оброс
Молодым курчавым куржаком.

Мой сынок, беги скорее в сад
И смотри, кровиночка, смотри:
Там по каждой веточке сквозят
Снегири – кровиночки зари!

Слышишь, ветки чутко шелестят?
Это значит – дерево растет!
...Как вот этот жизнестойкий сад,
Продлевать тебе наш древний род.

* * *

Вот это расходились холода –
 Ни облачка на небесах, ни тучки!
 Но хрусткая небесная слюда,
 Крошась, роняет сизые колючки.

Такой мороз, что дым примерз к трубе!
 Столбом торчит на задубевшей хате.
 А снегирек поет на городьбе –
 Взволнованно, тепло и очень кстати.

Затопим печь. Ликующей волной
 Вскипит огонь! И отворится книжка...
 И счастлив я, пока поет со мной
 Румяный мой, как снегирек, сынишка.

* * *

– Ну-ка, сынку, повернись!
 Экий вымахал детина!

Как причудливо сплелись
 Мальчик, юноша, мужчина, –
 Грозно как пересеклись
 В нем, едином, два начала!

...Понесла по кочкам жизнь,
 Понесла да раскачала, –
 От подножья до вершин
 Рысаки летят, не клячи!

...В жизнь большую рвется сын –
 Дай-то Бог ему удачи.

* * *

Как строптивый азартный щегол,
Ты покинул родное гнездовье.
Опустел без тебя Таштагол,
Поселилась тоска в изголовье.

Мне тоска эта жить не дает,
Даже, нет, не тоска, а тревога:
Чем одарит, куда приведет
Тебя эта большая дорога?

Щедро выцвела юность твоя,
Завязала богатую завязь.
И ползет за тобой, как змея,
Наша вечная русская зависть.

Ты находчив, удачлив, умен,
Как бы некой отмечен короной.
С незадачливых детских времен
Всем ты кажешься белой вороной.

Нет, не любят таких на Руси –
Здесь юродивых любят, увечных.
... Сохрани тебя Бог и спаси
В передрягах твоих бесконечных.

Я молюсь на тревожный рассвет,
Чтоб Всевышний услышал и спас нас,
Да ловлю твой запутанный след,
Как тот волк, что почуял опасность.

* * *

Бог мой, как это убит? Нет, не верю я! Не верю:
Не могла же так нелепо оборваться жизнь твоя!
Все мне кажется, сынок, что сейчас вот вскрикнут двери,
И метнешься ты с порога: «Здравствуй, батя! Вот и я».

Заждалась тебя изба, что с тобою мы срубили.
Правда, я в ней не живу. Одиноко там, сынок.
Не возьму никак я в толк: ну, за что тебя убили?
Ты же всем на белом свете помогал, чем только мог.

Все мне чудится, что ты, весь румяный от мороза,
Загребешь меня в охапку да утатишь за порог.
Знаешь, я, совсем седой, как та белая береза,
Что с тобой мы посадили, весь до косточек продрог.

Мне б хоть тень твою хоть раз углядеть за облаками,
Да темно, как в волчьей яме, за морозной бахромой.
А березонька твоя машет ветками-руками,
Будто все поразглядела и зовет тебя домой.

Заждалась тебя изба, что с тобою мы срубили.
Двери наглухо закрыты, позарос травой порог.
Не возьму никак я в толк: ну, за что тебя убили?
Ты же всем на белом свете помогал, чем только мог.

9 января
День твоего рождения

* * *

Хоть зарыдайся, хоть криком кричи,
 Не ворохнется зола пепелища!
 ...Вот и опять обживают грачи
 Густо разросшийся город кладбища.

В городе мертвых – весенний аврал:
 День Поминальный отметим мы вскоре.
 ...Боже, за что ты меня покарал,
 Ввергнув в мое неизбывное горе?

Снова собрал нас Родительский день,
 Снова сошлись мы у скорбного круга:
 Мама...отец...и еще одна тень.
 Вот вы, деды, и приветили внука.

Как вы при жизни хотели внучат!
 Вот и взлетел он к вам в самом зените.
 Здесь не пришлось в колыбели качать,
 Так уж хоть т а м вы его берегите.

Светлая грусть Поминального дня!
 Даже врагов здесь сейчас привечают.
 ...Боже, за что покарал ты меня?
 – Сам догадайся! – с небес отвечают.

* * *

Как страшен поминальный стол,
 Накрытый одинокой ночью!
 Ну, хоть бы кто-нибудь пришел,
 Чтоб помянуть тебя, сыночек.
 Но не звонит дверной звонок,
 Глазок глядит с надменной спесью!
 Хоть ты приди ко мне, сынок,
 Спустишь на миг из поднебесья.

Поминальный стакан я б забросил под стол:
 «Ты пришел, мальчуган! Наконец-то, пришел!
 Вот и выпьем людьми в два стакана с тобой!
 Ты гитару возьми, песню давнюю спой,
 Как плывет по реке детства маленький плот!...»
 ...Два стакана в руке, но никто не идет.

Как страшно щелкнул тот курок,
 Взведенный над твоей судьбою!
 А я тебя не уберег,
 Не заслонил тебя собою.
 Весь мир под вечною луной
 Теперь уж ничего не значит!
 И лишь звезда твоя со мной
 Свечою поминальной плачет.

Поминальный стакан я один замахну,
 Волком, павшим в капкан, закричу на луну.
 Ночь плывет, как ладья, в дверь никто не стучит,
 А гитара твоя одиноко молчит
 Да плывет в облаках детства маленький плот.
 ...Два стакана в руках, но никто не идет.
 Два стакана в руках, но никто не идет!
 ...Лишь плывет в облаках твой расстрелянный плот.

25 сентября 2003

* * *

Мальчик в затоне купает коня.
 Всюду ромашка и мята.
 Стылым огнем опалило меня
 Жесткое пламя заката.

Что же сказать мне, плывя на закат
 Следом за стаей пернатых?
 В горе моем только я виноват,
 Нету иных виноватых.

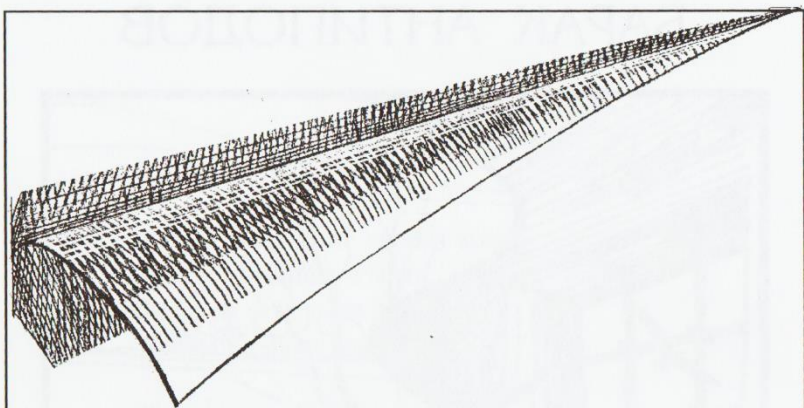
Стоя в преддверии судного дня,
 Что мне сказать в очищенье?
 Только одно и терзает меня –
 Лютая жажда прощенья.

Молит прощенья грешная плоть,
 Ропщет душа, как осина!
 ...Если сумеешь, прости мне, Господь,
 Боль убиенного сына.

21 октября 2002

БАРАК АНТИПОДОВ

Непонятных теней пантомима.
 Незнакомых людей толкотня.
 – Жизнь чужая проносится мимо?
 – Нет, ко мне, от меня, сквозь меня.

С головою меня погружая,
 Вихрем тащит в простор бытия...
 – Но чужая, чужая, чужая!
 – Но моя, но моя, но моя!

* * *

Ворон угрюмо присел на стожок.
 В роще запел соловей.
 – Чем ты живешь-поживаешь, дружок?
 – Песнею, песней своей.

Ворон взлетел, закричал на лету,
 Лютой зашелся тоской.
 Вечно один предвещает беду,
 Слух услаждает другой.

Триста годочков, как триста смертей,
 Ворон прожил-пережил.
 ...Сердце в мгновенье сорвал соловей –
 Умер, как песню сложил.

6 мая 2002

* * *

Безмятежно любуюсь собою,
Исторгая таинственный свет,
Будто идол, возник над толпою
Белокурый веселый поэт.

Он возник, как цветок за сараем,
С новым словом на юных устах,
И земля ему кажется раем,
Вся в забавах, любви и цветах.

Он пока что играет судьбою
На распутье грядущих дорог,
Но уже пронеслось над толпою
Это сладкое слово: пророк!

Он пока что не ведает срама,
Он пока что вовсю знаменит,
Он восходит ступенями Храма,
А, быть может, нисходит в Аид.

2 декабря 1998

* * *

1

Землю пеше пересек,
Как перелистал.
Хлеба тихого кусок
Из сумы достал.

Пожевал, запил водой,
К небу вздел глаза
И пошел, как молодой,
Светлый, как роса.

2

А он, как ворон с городьбы,
На землю упал.
Росли поганые грибы,
Где он зерно кидал.

Цвело болотное гнилье,
Где он оставил тень.
Вставало сорное былье
На месте деревень.

Он все живое брал в полон,
Повсюду сеял страх, –
Ну, словом, все, что метил он,
Ввергалось в пыль и прах.

Мир от него давно устал,
Да он и сам устал.
Но так же, зло неся, летал –
Летал! Летал! Летал!

7 мая 2002

* * *

Топал малый ниоткуда,
 А за ним ползет змея.
 – Мать честная! Что за чуда?
 – Это я. Судьба твоя.

Топнул малый с пущей силой:
 – Прочь, поганая змея!
 – Как же я уйду, мой милый,
 Если я – судьба твоя?

– Ах, ты мразь! Гадючья сала!
 Уходи, прошу добром!
 А коль правду мне сказала,
 Пусть в меня ударит гром.

Ахнул гром! Разверзлись пекла!
 Змеи молний сбились в ком!
 Спекся малый горсткой пепла,
 А на ней змея клубком.

Чешую, как птица перья,
 Чистит вещая змея:
 – Вот и все. А ты не верил,
 Будто я – судьба твоя.

20 октября 1998

* * *

Матушку родную как убивал
 С лютой злобой хорька,
 Спекся лица дорогого овал –
 Сына окрепла рука.

...Кедры сторожко сомкнулись над ним,
 Скрыли его от людей:
 Всеми отвержен и всеми гоним –
 Матушку кончил, злодей!

Корчился он у замшелого пня,
 В душу речную глядел:
 – Что же они так зашлись на меня?
 Я же как лучше хотел!

Жутко взбурлился из глуби речной
 Сполох седого огня:
 – Что же, сынок, ты содеял со мной,
 Как ты теперь – без меня?

Ахал и охал, на дно уходя,
 Тонкий рожочек-манок:
 – Каждой минуточкой подле тебя
 Я и крепилась, сынок.

6 мая 2002

* * *

Дух здоровый в здоровое тело
 Поселился на добрый постой,
 А душа ликовала и пела,
 Упиваясь земной красотой.

Да тянулась к небесному свету,
 Да за ближних болела, чиста.
 ...Ничего там давно уже нету,
 Там гнездо себе вьет пустота.

11 мая 2002

* * *

А прозрев, свою душу он вскрыл
 Для хорошего дела.
 И пурга люциферовых крыл
 Сквозь него засвистела.

Он от боли хотел закричать,
 От неистовой боли.
 Но уста затворила печать
 Разъяренной неволи.

Открестившись от лба до пупа,
 Всей последнею мочью
 В клочья рвал в себе душу раба,
 В безобразные клочья.

И затих он, уже не дыша, —
 Клочья брэнного тела!
 А над ним в поднебесье душа,
 Будто ангел, летела.

9 января 2001

* * *

В стихах был и царь он, и бог –
 В такие заглядывал дали,
 Такое он вымолвить мог,
 Что люди, читая, рыдали.

Читали и думали: «Вот
 Отмеченный Господом Богом,
 Возвышенной жизнью живет
 И пишет возвышенным слогом».

А был он угрюм, нелюдим
 Под гнетом нелепого груза:
 Как идол, владычит над ним
 Крикливая пьяная Муза.

Скандал. Передышка. Скандал.
 Сгорела пора золотая.
 ...О, как же в стихах он рыдал!
 ...И люди рыдали, читая.

17 мая 2002

* * *

То ли влез к ней в советчики черт,
 То ли сплетни ее повязали,
 Но решилась она на аборт...
 – Уже поздно! – врачи ей сказали.

Нежеланным родился сынок,
 Не на радость – на мамкино горе!
 Захирел грудничок, изнемог
 И, безвинный, преставился вскоре.

Вроде тронулась с горя она.
 Помутился погляд ее карий.
 На поминках спилась допьяна
 И пожгла городской абортарий.

Тенью бродит она меж людей,
 Исчернела, как то пепелище,
 В дом приводит бездомных детей,
 Кормит их побирушечьей пищей.

– Ох, да как вы без мамки-семьи? –
 Гладит детушек дланью холодной.
 – Ешьте, клюйте, синички мои!
 Ох, а мой там поди-ка голодный!

25 декабря 2002

* * *

Г. Юрову

Будто на́ сердце высыпал соль,
 Бил под дых с издевательской силой!
 – Сколько можно – про боль да про боль?
 В жизни столько прекрасного, милый.

И немедля услышал в ответ
 В крике раны, посыпанной солью:
 – Болью дышит и пишет поэт,
 Просто болью, обычно болью.

17 мая 2002

* * *

То ли давней поры Казанова,
 То ли наших времен Дон Жуан,
 Он умрет, возродится и снова
 От сердечных скончается ран.

От вечерней звезды до рассвета
 Заволхвуют над ним соловьи, –
 Как прошел он все стороны света,
 Как искал богоданной любви.

Возгорятся небесные выси,
 Обнажая земные пути,
 И Невидимый молвит: «Явися!
 Та явись, что не смог он найти».

И, слетев с Заповедного Древа,
 Утверждая любви торжество,
 Ниспадет боголика дева
 И по-бабьи оплачет его.

18 июня 2000

* * *

Жизнь, темна и неприкаянна,
Гнет его в бараний рог.
– Это Авель грохнул Каина,
А теперь мотает срок.

Безутешные страдания,
Слезы страждущих людей.
– Это Гамлет душил Данию,
Коронованный злодей.

– А вот тот, к столбу прикованный,
Дует в дудочку-тростник?
– Это смертью зацелованный,
Твой несломленный двойник.

21 мая 2002

* * *

– Так, так, так... Значит, ты, не любя.
Значит, я тебе вовсе не нужен...
Знай и ты: не любил я тебя,
Пожалел, вот и стал твоим мужем.

Ах, меня ты жалела сильнее?
Вот они, эти бабские штуки!

И в колени он падает к ней,
И целует прелестные руки.

И внимает счастливый чудака,
От ее поцелуев сомлевший:

– Ах, любимый! Да что же мы так?
Видно, снова нас путает леший!

29 апреля 2002

* * *

Лгать он попросту не мог –
Только что с той правды?
Отсидел немалый срок,
Отсидел, оправдан.

Замели его в отвал,
Как гвоздочек ржавый:
Ни вождя не признавал,
Ни его державы.

Лгать не мог он и не смог,
И не лжет поныне:
Мама, родина да Бог –
Вот и все святыни.

2002

* * *

Он был стрелок. Он бил наверняка.
Как в тире, бил бегущие фигуры:
Сначала в мать, потом в ее сынка –
Не зверя бил, а две медвежьих шкуры.

Сноровисто он их освежевал.
Кровь капала, как ягоды кизила.
...Не просто так он шкуры добывал –
Жене в подарок, что дитя носила.

Из сердца выковыривал свинец:
– Сгодится на медведя иль марала. –
...А в городе, измаявшись вконец,
Жена его в роддоме помирала.

19 мая 2002

* * *

Не Аполлон, не безобразен –
 Один из многих пареньков.
 Зато душа, как Стенька Разин,
 Ярилась в нем без берегов.

Врагов разил он с полуслова,
 Он был опасен, как война!
 Но вот в него, в шмеля такого,
 Влюбилась местная княжна.

И стал он знатным кавалером:
 Чтоб угодить своей беде,
 Учился рыцарским манерам,
 Стал одеваться «по моде».

Но услышал такое слово,
 Что сердце дрогнуло в груди:
 – Прости, но я люблю другого!
 Он умер...нет его...прости.

Ты в чем-то даже и прекрасен,
 Вполне удобен, не спесив.
 А тот...о, как он был опасен!
 Он был свободен и красив.

30 апреля 2002

* * *

Глаза глядят, как два ствола
 Из под крутых бровей:
 – Я за свободу пришла!
 – За чьей? – Да за твоей.

А он берет ее в ножи:
 – Да ты сошла с ума!
 И кто такая ты, скажи?
 – Я жизнь. Я жизнь сама.

А он в притворстве, как в мольбе:
 – О чем нам говорить?
 – Свободу я убью в тебе,
 Свободу зло творить.

Слезой зашелся он всерьез,
 Захотал навзрыд.
 А тот единственный вопрос
 До сей поры открыт:

Сумела ль жизнь осилить зло
 Да ближних оберечь –
 Кому в той схватке повезло?
 ...Так вот о том и речь.

18 сентября 2004

* * *

– Да как же так? Ведь я им все отдал!
Я сделал все, чтобы жилось им сладко.
Я им отдал владенья, капитал,
Себя на них истратил без остатка.

И вот теперь, когда я нищ и сир,
Я стал не нужен, как пустая тара.

– Ах, экс-король! Сюжет твой стар, как мир:
Не первый ты и не последний Лир –
Берущие, увы, не ценят дара.

А потому не сыпь на раны соль:
Не вышла сцена со слоновой башней!

...Покинь подмостки, славный экс-король,
Иль пробуй дар свой на иную роль –
На роль шута при челяди вчерашней.

21 мая 2002

* * *

– Значит, так...Я любил ее! Да.
Безрассудно, с упорством дебила.
– Почему же оставил тогда?
– Не любила она, не любила.

Не любила, губила себя –
Вот такая вот малая малость!
Ведь она же, пойми, не любя,
Как, любя, она мне отдавалась.

А теперь я свободу ей дал:
Может быть, да простится еще нам?
...Потому что и сам я устал
Быть допущенным и отлученным.

7 мая 2002

* * *

Он упал меж репеем и мятою,
Ткнулся в бездну седой головой:
Все хотел он объять необъятное,
Потому и лежит неживой.

Он считал, что и смерть свою выстрадал,
Богоданное выпив до дна,
И за право последнего выстрела
Рассчитался собою сполна.

И зияла в груди его вмятина –
Здесь душа покидала жильё!
...Не могла, не умела понять она,
Почему ж он так предал ее?

10 января 2001

* * *

Есть вождя крутая статья,
Есть судьба плебея.
– Век свободы не видать,
Если вру тебе я.

Век свободы не видал.
Век не знал покоя.
...Век прожил и не узнал,
Что ж это такое.

– Правда. Ложь. Заштопай рот!
Скройся от обеих.
Для вождя любой народ
Числится в плебейх.

28 апреля 2002

* * *

Ах, как сладко быть рабом
 У богатого вельможи –
 Не ломиться в стену лбом,
 Не выскакивать из кожи,

Чтобы каждым божьим днем
 Утверждать свое величье!
 А зачем играть с огнем,
 Если проще дело птичье:

Покопашься в дерьме –
 Склонешь благодные крохи!
 Пусть потом в подвальной тьме
 Заедают вши и блохи.

Победил расчет простой –
 Шевельнул мозгой Ерема:
 Чем болотистой застой,
 Тем величественней дрема.

А свободная судьба –
 Речка бурная без брода!
 ...Вот поэтому раба
 Так страшит его свобода.

1992, 2002

* * *

– Полюби меня или убей! –
 Полюбила. Давно полюбила.
 Как бездомный птенец-воробей,
 Все свое к муженьку прилепила.

Убивает ее муженек –
 Смертным боем, забористым матом!
 Да набатом гудит перстенок –
 Лучших дней поминальным набатом.

30 апреля 2002

* * *

А когда покидала она мужика,
 Как на праздник, надев свое лучшее платье, –
 Вот уж где не жалела свекровь языка,
 А мужик драться лез, рассыпая проклятья.

В дом она не вернется – зови не зови:
 Опостылело все ей до дрожи по коже.
 Лучше в прорубь без дна, чем вот так, без любви,
 С пьяной рванью делить заповедное ложе.

Кто отныне она? Ни вдова, ни жена,
 Ходовая мишень для догляда и слуха.
 Словом, брошенкой будет считаться она,
 А коль бросили, значит, последняя шлюха.

Паучьем мужики поползут на нее:
 Вот бы мушку такую словить в паутине!
 ...Будет люто ее ненавидеть бабье,
 Обвиняя в грехах, коих нет и в помине.

Всю ее прополощут – от пят до бровей,
 Будто вся-то она – в гнойниках и кавернах!
 ...А в ночах будут люто завидовать ей,
 Плача в спящие спины мужей благоверных.

20 октября 1998

* * *

Швырнул ошметок мыла,
 Хлебнул красна́ вина.
 – Теперь ему кобыла
 И на дух не нужна.

А жеребец влюбленный
 В щепу дробил загон:
 Смертельно оскорбленный,
 К подруге рвался он.

Кастратчики хохмили,
 Смывали кровь с ножа.
 ...К возлюбленной кобыле
 Теперь летит – душа.

6 мая 2002

* * *

Отстрелялся и бросил в траву автомат
И в момент схлопотал два наряда.
Он не хочет стрелять, этот юный солдат, –
Вот в чем суть затяжного разлада.

Два наряда... Да, Господи, хоть двадцать пять,
Лишь бы в руки не брать автомата.
– Не хочу, не хочу ни в кого я стрелять! –
Только кто ж его спросит, солдата?

17 мая 2002

* * *

Он, как лосось, икру метал
На нересте державы.
Но как-то не исхлопотал
Ни почести, ни славы.

И вдруг он понял, что устал,
Неясным занят делом.
И как бы вырос пьедестал
Под этим жалким телом.

А он все так же хлопотал,
К себе лелея жалость.
И словно жалкий пьедестал,
Земля под ним качалась.

28 апреля 2002

* * *

Он ушел под Новый год.
 День был чист и светел.
 А никто его уход
 Даже не заметил.

Он один сходил во тьму
 В доме престарелом,
 Потому что никому
 Душу не согрел он.

Поселился в никуда
 Под сиротским небом!
 ...Не осталось и следа –
 Вроде был и не был.

10 мая 2002

* * *

Без цинизма, без прѣдубежденья,
 Без замаха на женскую честь,
 Но прекрасная тайна рожденья –
 Все же тайна великая есть.

О, как жгуче, как часто тревожит,
 Выжигает и сводит с ума!
 Только женщина знать *это* может,
 А порой и не знает сама.

Не тревожась истоком рожденья,
 Подрастает, взрослеет юнец,
 Но, нет-нет, да впадает в сомненья
 Беспокойный блудливый отец.

29 апреля 2002

* * *

Не виделись порядком лет,
 Порхали, как стрижи:
 Сошлись политик и поэт,
 Державные мужи.

Один страну ведет вперед,
 Другой о ней поет,
 Чего бы ни настал черед –
 Всё знают наперед.

Их разговор кипел ключом –
 Коснулись многих тем.
 ...Потолковали ни о чем
 И разошлись ни с чем.

29 апреля 2002

* * *

А мужик себе пашет да пашет,
 Кобыленку в сердцах обзывает.

Господин с колоколенки машет,
 Мол, кормиться пора поспекает.

Яровые всюю поспевают,
 Вон озимые тоже поспели.

Мужики в нищете пребывают,
 Господа – при доходах да в теле.

Что в былом, что во времечко наше
 Ничего не меняется в корне:

Господа с колоколенки машут,
 А мужик все их кормит да кормит.

30 апреля 2002

* * *

– Вот если б можно было вспять
Свернуть свой путь земной
Да все по-новому начать,
Я б выбрал путь иной.

Смахнул он с плеч десяток лет.
– И что же? Ну и как?
Ты жил по-новому иль нет?
– Так я ж сказал, чудак.

Еще лет двадцать, словно лось,
Из всех он рвался жил.
– А если б снова довелось?
– Да так бы вот и жил.

27 апреля 2002

* * *

В. Баянову

И набрякли мешки под глазами,
И морщинки у глаз залегли:
Видно, сдал он суровый экзамен
На крутых перекрестках Земли.

Видно, жизнь он постиг от изнанки –
От истока постиг до конца.
Вот откуда величье осанки
И пронзительный взгляд мудреца.

А глядит он в прореху рассвета,
Будто хочет себя позабыть,
Будто ищет простого ответа
На извечное: быть иль не быть.

Но, корабликом сдвинувши бровку,
Он незримые жмет тормоза
И на спящую божью коровку,
Как ребенок, тарацит глаза.

8 ноября 1998

* * *

– Что ж ты делаешь, гад! – он кричал и пошел на ружье. –
 Что ж ты красного зверя берешь, да еще середь лета? –
 А на ближней пихтѣ рысь когтями крушила корье
 И пошла на врага, как живая торпеда.

Порвала одного, а другому глядела в глаза,
 Как бы благодаря, что ее убивать не хотел он,
 Как бы в гости звала в черневые леса
 И ушла в пихтачи, полыхнув юным телом.

А молоденький егерь, прибрав два бельгийских ствола,
 Браконьера волок по седой моховине зыбучей.
 – Это ж просто случай, что меня она не прибрала...
 ...А, быть может, что был это вовсе не случай.

19 мая 2002

* * *

Сердце занялось. Качнулась хата.
 И тогда он вышел на крыльцо.
 В теплую окалину заката
 Окунул холодное лицо.

Поклонился клеверному полю.
 На пенечек сел под тополя.
 Сняв ошейник, отпустил на волю
 Верного цепного кобеля.

Сладил в головах горшок с цветами.
 Покрестился. Лег под образа.
 А потом спокойными перстами
 Сам себе закрыл глаза.

21 ноября 1998

* * *

Пес бродячий влетел на газон, –
Знать, не стало терпенья и мочи!
Дело малое слаживал он,
Нагло глядя в ментовские очи.

А потом удивленно глядел,
Став на миг умилительно кроток,
Как за пару таких же вот дел
Двух бродяг волокли в околоток.

28 апреля 2002

* * *

Он наступил на древний мох,
Крапленный сединою,
И услышал печальный вздох,
С тоскою нутряною:

«Зачем явился ты сюда,
Жестокий царь природы?
Ты не оставишь и следа
Нетронутой свободы».

Действительно, зачем он лез
В нехоженые хмари?
...И вздрогнул неразумный лес,
Страшась разумной твари.

1991

* * *

Хрустнет в чаще кедровая ветка –
Костоломный рассыпчатый звук,
И навалится на человека
Осовелый животный испуг.

Поглядит он вокруг осторожно
И к жилью побежит наугад:
Знает он, что расплата возможна,
Потому что кругом виноват.

1991

* * *

Жил один в небогатой квартире,
Будто жил на планете иной,
Никого не любил в этом мире,
Сам себя обошел стороной.

Сторонился ближайших соседей.
Сторонился далекой родни,
В зоопарк поглазеть на медведей
Отправлялся в воскресные дни.

Он зверюгам давал по конфете,
Услаждая медвежье меню,
И его привечали медведи,
Будто в нем признавали родню.

Он и книжки читал про медведей,
Зверовато тряся головой.
И ночами тревожил соседей
Хрипловатый тоскующий вой.

А когда, в превращенье не веря,
Бились люди в закрытую дверь,
Отворил им скрипучие двери
Одинокий затравленный зверь.

Прислонившись спиной к трафарету,
Он сторожко глядел в полутьму,
Будто ждал, что сейчас вот конфету
Кто-то, добрый, протянет ему.

24 ноября 1998

* * *

– Свободы ты просил, не так ли?
 Ну, так возьми ее, возьми:
 Сам из себя до малой капли
 Свою неволю отожди.

Он душу выжимал до капли,
 Давил из всех последних сил,
 Но что-то вроде грязной пакли
 В конечном счете получил.

И он до бешенства, до рвоты,
 Кричал, стряхая пот со лба:
 – Не надо мне твоей свободы –
 Свободы грязного раба!

30 апреля 2002

* * *

Хорохорился Петруха:
 - Чё печалишься, Наташ?
 Погуляли, бляха-муха,
 Погуляли. И шабаш.

Разливанным морем бражка
 В дни запойные текла.
 И не сладила Наташка
 С горем этим. И ушла.

Хорохорился Петруха:
 – У меня таких Наташ!
 Погуляет, бляха-муха,
 И вернется. И шабаш.

Но ни слуха и ни духа
 От Наташки горевой.
 И повесился Петруха
 На веревке бельевой.

На столе лежит бумажка,
 На бумажке – карандаш:
 «Ты прости меня, Наташка,
 Погуляли... И шабаш.»

21 ноября 1998

* * *

Одиноко входила в роддом...
...Воробьиного носа короче
Полыхнули веселые ночи,
Улетая, вильнули хвостом.

Родила и по жизни пошла,
Вся в себе затянулась потуже.
Всем врала про десантника-мужа,
Что Чечня у нее отняла.

Не печалилась бабьей судьбой,
Не рвала живу душу на части –
Приняла свое трудное счастье
И, как знамя, несет пред собой.

15 мая 2002

* * *

От всех больших земных забот,
От всяких мелких дел
Устал он дьявольски, и вот
Он жить не захотел.

До черта ль речь его дошла,
А то ль услышал Бог,
Да только хворь его взяла –
Он страшно занемог.

Стал усыхать он, как ручей,
Что стек под крутосклон.
– Я жить хочу! Скорей врачей! –
Кричал и плакал он.

28 апреля 2002

* * *

И сказала Она: «Улетаю, мой друг».
 И сказал Он: «Ну что ж, улетай».
 И, взмахнувши крылами разомкнутых рук,
 Заметались они между стай.

То прибьются к одной,
 то пристанут к другой –
 Нет им места ни здесь и ни там.
 И сказала Она: «Ну, смотри, дорогой...»
 Он сказал: «Что ж, посмотрим, мадам...»

И какие еще они ищут места,
 Крылья рвут на бездарном лету?
 Вот пошел в высоту Он, а там пустота,
 И Она все летит – в пустоту.

И понять бы, понять бы им надо уже
 В изначальном еще вираже:
 От полетов таких – боль да горечь в душе,
 Будто в космосе, пусто в душе.

В одиночку они налетались сполна,
 Но нигде не нашли ничего.
 И в родное гнездовье вернулась Она,
 И услышала душу Его.

...Слава Богу, устали – и тот, и другой,
 Обратали гордыню и спесь.
 И сказала Она: «Здесь я, здесь, дорогой!».
 Он сказал: «Я давно уже здесь».

4 октября 2002

* * *

Кричали люди, звери, птицы –
 Мир раскололся пополам!
 И лишь один глазел с ехидцей
 На ужасающий бедлам.

Замкнулись в мозговой коробке
 Два проводка, сместив глаза.
 А он азартно жал на кнопки,
 Сметая твердь и небеса.

Ложился на всемирный опыт
 Всемирный выжженный цемент!
 ...А это просто суперробот
 Из строя вышел на момент.

1 мая 2002

* * *

Он проснулся, а лето ушло!
 Глядь, поглядь – нету красного лета!
 Лодку выгнал – сломалось весло,
 Тоже, значит, плохая примета.

Задремал он в тенечке раки,
 Сон явился, в догадки бросая:
 В головах побирушка стоит,
 При косе и маленько косая.

Все о чем-то она говорит,
 Все какими-то машет узлами,
 А на нем будто волос горит –
 Нехорошее желтое пламя.

Он направо взглянул, на восток, –
 Мать родимая, нету востока!
 ...Да порхает над ним шепоток:
 – Собирайся... сбирайся... далеко.

30 апреля 2002

* * *

Будто тяжелый осколок
 Кинул его во весь рост.
 Осиротевший поселок
 Топал за ним на погост.

Что за великий начальник
 Помер в пасхальный денек?
 Самый великий молчальник
 В землю веселую лег.

Топал по жизни да топал
 Среди мудрецов и чудил.
 Вырастил царственный тополь,
 Сына и дочь породил.

Выстроил красное зданье
 Подле дороги большой.
 И улетел в мирозданье
 С незамутненной душой.

1998, 2002

* * *

Она глядела на меня
Из дебрей бытия,
То привечая, то гоня –
Ее страшился я.

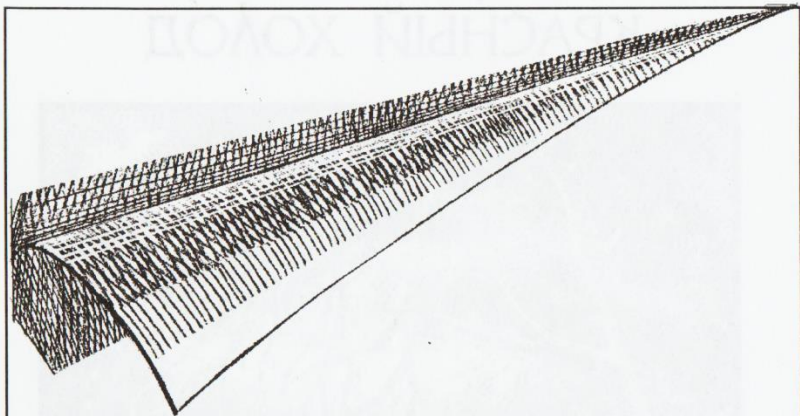
Я королеву видел в ней,
Она во мне – раба.
Но жить мне с ней
До крайних дней –
С тобой, моя судьба.

Не жалкий раб, не госпожа,
А просто мы вдвоем,
Как бы по лезвию ножа,
По кромке дней идем.

2002

КРАСНЫЙ ХОЛОД

Затянулась жара к сухостью.
Желтизною больны тополя.
Словно сетью накрыты густою, –
В черных трещинах наши поля.

Заржавели июльские плесы.
Сушняковый костяк на мели.
Одичали полынью покосы
И колодцы насквозь зацвели.

Поднимается пыль гаревая
И разносится ветром окрест!
И, с отчаянным криком взмывая,
Коршун в небе пронесит свой крест.

Почему же ты, вольная птица,
Не летишь от больных этих мест?
...Где пришлось нам однажды родиться, –
Там несем свой единственный крест.

* * *

Вот и снова – отчий дом
Под седыми кленами.
Снова окна в доме том
Детством застекленные.

Молча сяду у окна
На овчинку рыжую –
За углом сирень видна,
Под мальчишку стрижена!

Близкий говор. Дальний смех.
И опять не ясно мне:
Кто там семечки на снег
Отряхает с ясеня?

Ветер трется о карниз
Стылыми полозьями.
Как в метро, уводит вниз
Скользкий лаз колодезный.

И у входа в то метро
Крашенное известью,
На цепи скулит ведро,
Словно пес на привязи!

А сорока у плетня
Одиноко горбится...
Собирается родня
В нашей тесной горнице.

Но не хочется туда
Выходить мне – на люди!
Память детства – как вода,
Как ручей под наледью!

* * *

Как у самой у воды
Облака плывут привольно.
Боже, сколько высоты
В речке нашей! Даже больно.

Сквозь глубинные пласты
Пробивается овражно.
Боже, сколько чистоты
В речке нашей! Даже страшно.

Вновь припал и снова пью
Родниковую водицу,
Тихоструйную живицу –
Жизнь мою и смерть мою.

1985

ХОЗЯИН

Травы косит мужик
На заречном лугу.
– Вот скошу, – говорит, –
И покос сберегу.

День другой. Выхожу.
Тот мужик косит рожь.
– А теперь? – говорю. –
Что теперь бережешь?

– Вот чудак! – говорит, –
Сохраняю поля.
Без работы крестьянской
Застарит земля.

– А зачем это все
Бережешь ты, мой друг?
Ведь уехали в город
И сын твой, и внук.

Отвечает мужик,
Оглядевши поля:
– А иначе помру
И не примет земля.

1984

ОБИДА

В лугах за дальними покосами
 Всю ночь кричат коростели.
 Как будто бы, скрипя колесами,
 Телеги движутся вдали.

Наверно, люди их обидели!
 И, схоронясь подальше в глушь,
 Растят они в лесной обители
 Тоску ранимых птичьих душ.

Я не повинен в этой горести,
 Но давний чувствую укор.
 И тяжело мне в просторной горнице,
 И я иду курить во двор.

В саду, под ветлами плакучими,
 Шумит июльская метель.
 Душа, подернутая тучами,
 Кричит во мне, как коростель.

1975

* * *

Как тихо утром на реке!
 Аукается каждый звук.
 Шуршит туман. Скрипит паук
 На самотканом волоске.

Под пень замшелый влагу льет
 Ручей. Песок хрустит в логу.
 И на соседнем берегу
 Комар гудит, как самолет.

Бичом прогрохотал пастух
 В деревне, что за три версты.
 И треск сгорающей звезды
 Улавливает чуткий слух.

Слезу кукушкину сорву,
 Склонюсь над светлою над ней
 И вдруг услышу сквозь траву
 Дыханье р о д и н ы моей!

1982

СПИСАННАЯ

За табуном веселым вслед
 Влачится, увязая в дерне.
 Ее – за выслугою лет –
 Не сволокли на живодерню.

И вот стоит в тени раки,
 Задумчиво следит земное.
 Прах износившихся копыт
 Смешался с прахом перегноя.

Зачем ей воля и корма?
 Что проку – не ходить в упряжке?
 К чему, когда и жизнь сама
 Давно уж стала грузом тяжким.

Вот так печально думал я,
 Ее седую челку глядя.
 И вздрогнул: в лошадином взгляде
 Светилась радость бытия!

1982

* * *

Сдобрен застойной осиною
 Сумрачный запах хвои.
 Ветер доверчивой псиной
 Тычется в ноги мои.

Благословенно доверье
 Ветра, воды и огня!
 Осень каленые перья
 Стряхивает в зеленя.

Древний погост под горою
 Высветлен в тон багреца.
 Осенью явственней втрое
 Предошущенье конца.

В почвенном тающем хрусте
 Слышу ушедших вчера.
 Только ни боли, ни грусти –
 Что же? Такая пора!

Будто бы в одночасье
 Вышел на те рубежи,
 Где так возможно согласие
 Почвы, небес и души.

1983

ЭЛЕГИЯ

Наклонился до земли
 Куст ранета на задворках.
 Погрузневшие шмели
 Залегли в оконных створках.

Догорает лебеда
 На холмах прощально-летних.
 Над дорогой провода
 Ловят ласточек последних.

Воздух – чист и горьковат –
 Вытекает из лощины
 И струится на закат
 Остывающей вощиной.

Осыпаются плоды
 На тропинку у ранета,
 Словно алые следы
 Убывающего лета.

Яблок падающих стук –
 Вскрик теряющих сознание –
 Болью будущих разлук
 Сотрясает мирозданье!

1975

ЖИВИЦА

Доверившись лесной глуши,
 Я предавался созерцанью –
 Осенних красок увяданья,
 Весенних паводков души.

Всего порою было жаль!
 Я полон был такой любовью –
 Почти вселенская печаль
 Вдруг нисходила к изголовью.

Я знал тогда наверняка,
 Любимой упиваясь глушью:
 Постигший душу родника
 Поймет и человечесью душу.

Не уворует, словно тать,
 И в ближнего не бросит камень.
 Не созерцать, а созидать
 Он станет – добрыми руками.

Что ж! Тем и счастлив я вполне:
 Под шум дождей и звезд мерцанье
 Живое вызрело во мне...
 Какое ж это созерцанье?

1976

* * *

Листочек последний ветла
Стряхнула в траву, как синицу.
Бабуся его подняла,
Крестясь, вознесла на божницу.

Ворчала: «Добро бы в земле,
А то посередке дороги!
Пускай доживает в тепле,
Пусть богово будет при Боге».

Следил сострадательный Бог
Прищуром маслиновых бусин,
Как тлел на божнице листок,
Похожий на сердце бабуся.

Бабуся, присев у окна,
В себя погружалась глубоко.
С большим состраданием она
Смотрела на всех. И – на Бога.

1982

ЖАЖДА

Ветер носит рябые листы
Вперемешку с коричневой пылью.
И тревожно чернеют будылья,
Где вчера еще были цветы.

Обнажились и воды, и лес –
До песчинки, до малой прожилки!
И душа до конца обнажилась,
Осветленная бездной небес.

Опалило до самых глубин,
Отдалось заповедною болью!
Что сказать, с этой грозною волей
Оказавшись один на один?

Заматавшийся от суеты
Среди жаждущих зрелищ и хлеба,
Неба, неба хочу, только неба –
Высоты, глубины, чистоты.

1983

* * *

День оползал к подножью хóлма,
 Стирая грани и черты.
 Медлительный осенний холод
 Чернил окрестные сады.

Природа бури ожидала!
 И ровно через полчаса,
 Сорвавшись с кручи перевала,
 В долину рухнула гроза.

И молний кованые бивни
 Гремуче вспарывали мглу!
 И жители под грохот ливня
 Неслись к очажному теплу.

И только он – обломок суши! –
 Глазами темень вороша
 И погрузившись в плащ пастуший,
 Сидел себе у шалаша.

Костру искармливая ветви,
 Он все глядел за перевал
 И, может быть, один на свете
 Смысл поздней бури понимал.

1980

* * *

Вызревает пора холодов
 В чистой горнице позднего лета.
 Указала на это примета –
 Вызревание поздних плодов.

Встречу в поле крылатый рассвет,
 Заплутаю в знакомом пространстве...
 Стало ясно: отраднее нет
 Этих далей в осеннем убранстве.

Как прекрасен, как светел мой путь
 По дорогам и бездорожью!
 Как светло заселяется грудь
 Незнакомой тревожною дрожью.

Пусть деревья в больной наготе
 Преклонились пред темной водою, –
 Только б кто-то тянулся к звезде,
 Навсегда заболел высотойю.

Пусть болит и сжимается грудь,
 Пусть мой ворон кричит в сухобыле! –
 Только б этот мой утренний путь
 Вслед за мною прошли и любили.

1981

БОБЫЛЬ

Душа усыхала, как озеро,
 Расставшееся с рекой:
 Былое, живое, острое
 Отправилось на покой.

Сдружился с липучей печкою,
 Не выглянет из ворот...
 Тащился к покою вечному
 Покой пенсионный тот.

– Айда на собранье, скважина! –
 Старухи покличут в клуб.
 – А чё там такого важного? –
 И кутается в тулуп.

– Сходил бы хоть в лес по ягоды, –
 Соседи заводят речь.
 – Ага! Разбежался я туды... –
 И в спячку спешит залечь.

Не грело и не морозило!
 ...Когда заглянули в дом,
 Стояла в нем смерть, как озеро,
 Уснувшее подо льдом.

1982

БОБЫЛКА

Черный тополь у ворот.
 Одинокая избушка.
 Одинокая старушка
 Одинокое здесь живет.

В светлой горенке ее –
 Ни лампы, ни иконы.
 Только старая ворона
 Коротает с ней житье.

Залопочет сизый бор,
 Хрустнет былка в огороде –
 Затеваается в природе
 Задушевный разговор.

Бабка выйдет на крыльцо –
 Птица сядет над крылечком,
 Бабка вымолвит словечко –
 Птица выклюнет словцо.

Так живут в седой глуши,
 На закраешке у века,
 Два хороших человека,
 Два бесхитростных души.

И в помине даже нет
 Одинокое страданья! –
 Греет старых тихий свет
 Доброты и пониманья.

1982

СЛУХ И ЗРЕНИЕ

Внезапный крик проломит глухоту,
Раздвинет ребра, достигая сердца...
Я потерял тогда единовеца,
Другой себя обрел и в высоту

Так восходил, как никогда доньне,
Как будто стал владельцем вольных крыл!
Но он сумел не закоснеть в гордыне
И потому со временем открыл:

Вот так всегда – на крайнем рубеже
Уйдет один – без слез, без сожаленья,
Чтобы открыть другому слух и зренье,
Дать крылья обескрыленной душе.

1983

ПЛАЧ ПО СЧАСТЬЮ

Обезлюдил рыбацкий барак –
Скоро, скоро пора ледостава!
Продувная рыбачья орава
Осаждает портовый сельмаг.

Пьют за грузные сети сигов,
Что дарила Большая Протока.
Упиваясь, дерутся жестоко,
Не жалея мосластых боков.

Не со злости бушуют – с тоски:
Шутка ль в деле – безделье до лета?
Замираясь, поют у буфета,
Погружая виски в кулаки.

Просветлеют, прикупят вина
И расскажут буфетчице Лиле,
Что намедни царь-рыбу ловили,
Что была золотою она!

И подумает каждый при том:
Годы сплыли – что быстрые воды!
Что и счастье нырнуло в те годы,
Золотым полыхая хвостом.

1983

ЕЩЕ ПЛАЧ

1

Внимал седому ворону
У юного ручья.
И думалось: все поровну
Делила жизнь моя.

Всего как будто поровну,
А грустно иногда:
Века – достались ворону,
А мне – мои года.

2

Срубить избу, забраться в лес
Задумал я давно,
Жить среди всяческих чудес,
Которых там полно.

Задумал, но который год
Не соберусь пока.
...Ярится деловой народ,
Ломает мне бока.

Куда, родимые, куда?
Никто не даст ответ.
Уносятся мои года,
Назад возврата нет.

Вокруг такие чудеса,
Что хоть по-волчьи вой!
А леса чистые глаза
Глядят в меня с тоской.

1985

* * *

Хватит! Больше не могу
Уезжать. Аж сводит глотку...
Дом срублю на берегу,
Сплавлю дедовскую лодку.

Возвращу себя веслу
Сухозвончатого клена –
Золотому ремеслу
Рыбака и плотогона.

Бредень за зиму сплету
И последней ночью мая
В чисту заводь забреду,
Счастье позднее поймаю.

Взвоят пасти шиверов
В бородах суровой пены –
Застоявшаяся кровь
Забурлит, взрывая вены!

Ухнет темная вода...
Я махну толпе за бродом
И погасну без следа
За ближайшим поворотом.

1985

* * *

Сосняк в суровом куржаке.
 Большак в багровой белизне.
 Лыжня петляет в сосняке.
 И красный лыжник на лыжне.

Дымится прорубь под горой.
 Искрится наледь на ветру.
 Такою ясною порой
 Душа распахнута добру.

Душа чиста, как этот снег,
 И грустно мне в зените дня,
 Что лыжник ускоряет бег,
 Но не ко мне, а от меня.

Не обернется на бегу,
 Спешит, слегка сутуловат!
 И очень я пред ним в долгу,
 И очень в чем-то виноват.

1983

РОДНИК

Отстрадовала, что ль, моя душа?
 О нет, страда моей души в разгаре!
 Слетела пелена застойной хмари,
 И снова жизнь пленительно свежа.

Волнуется и рвется из груди
 Энергия, таимая до срока.
 И снова верю я, что впереди –
 Большая и прекрасная дорога.

Спасибо, жизнь! Я вечный твой должник.
 Чем оплачу судьбу единоверца?
 Молчит мой разум. Лишь клокочет сердце –
 Великой жизни крохотный родник.

Он изольется в грозный водоем!
 В нем отразятся облака и птицы,
 И человек – живой воды напиток –
 Придет к нему и растворится в нем.

1980

КРАСНЫЙ ХОЛОД

Мать позвала. Я выбежал во двор
И, ослепленный, замер у порога!
А было так: струилась вдаль дорога
И дивным светом полыхал простор.

И я стоял, к глазам прижав ладонь.
И дивный свет просвечивал мне руку.
А было так: озоревал округу
Рябиновый языческий огонь.

Рябина в палисадниках села.
Рябина по лесам и в перелесках.
Рябина на оконных занавесках –
И та внезапно ягоды зажгла.

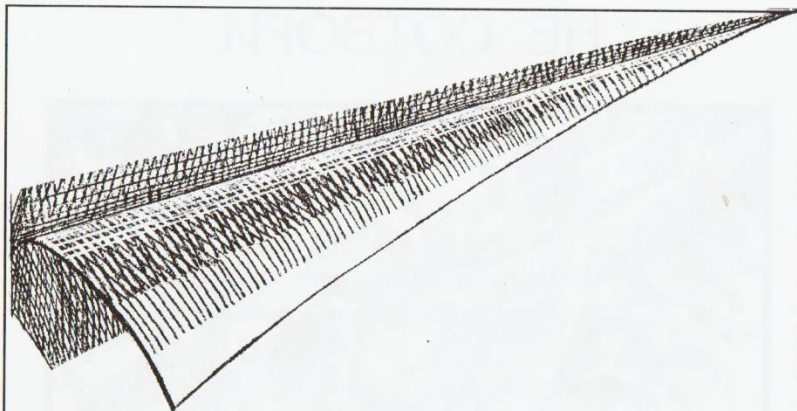
О, полыханье ягод и ветвей!
С мальчишских лет во мне неистребимо.
Пылает эта красная рябина,
Прекрасный образ родины моей.

И у виска стучалась мысль одна:
Родиться здесь – какое это диво!
И в с я Россия стала вдруг видна,
И сердце красным холодом сводило.

1980

НЕ СОТВОРИ

– Не говори о Боге всуе,
Не вязни в праздной суете, –
Он говорил, Христа рисуя
На ширпотребовском холсте.

– Да не судим я буду строго,
Но, как бы осветляя тьму,
В самом себе ищу я Бога,
Я всякий миг клонюсь к Нему.

* * *

1

Из года в год, из века в новый век
Живет в народах лучшая из басен:
– О Боже, как прекрасен человек!
... О Господи, но как же он ужасен!

2

Толпа бесновалась у судной горы,
Как будто с ума окончательно спятя,
И мир опрокинулся в тартарары –
В бездонную пропасть сорвался с Распятъя.

И только один безутешно рыдал,
Как будто стучался в закрытые двери:
– Я б жизнь за Христа без раздумий отдал! –
Хотя и Матфею не очень я верю.

Я век доживаю. Я тоже страдал,
Я тоже стучался в закрытые двери:
– Я б жизнь за Христа без раздумий отдал! –
...Хотя и себе я не очень-то верю.

1998 -2004

* * *

Он уже не поверит бесстрашью и страху.
 Он ни в слезы не верит и ни в слова.
 Без волнения, с маху, ложится на плаху
 Удалая его голова.
 Вот палач подошел. Огромный, как двери!
 Затянул он какую-то нудную нить:
 – Жить не хочешь... Пошто?
 – Потому что не верю...
 – А не веришь, так неча тебя и казнить.
 Я в своем ремесле знаю точную меру,
 Не гляди, что ручищи по локоть в крови:
 Я казню лишь за веру. За стойкую веру.
 А в безверье кому ты опасен? Живи!

1980

* * *

Бражничал, жрал, не щадя живота, –
 Словом, не рвался из жил.
 Жил, как за пазухой у Христа,
 И ни о чем не тужил.

Ближний сосед жил Великим постом,
 Этот купался в вине.
 – Хоть на денёчек бы стать мне Христом –
 Вы бы поклонялись мне!

Рта не закрыл, налетела петля –
 Дыбит его к высоте.
 Вот из-под ног уплывает земля,
 Вот он уже на кресте.

Божья сошла на него благодать:
 Разом за всех отстрадать.

Сникла его богатырская стать,
 Брненное тело его:
 Ни за людей он не хочет страдать,
 Ни за себя самого.

Долу обвис зарывавшим плечом,
 Помощи ждет от людей.
 Жирная кровь побежала ручьем
 Из-под каленых гвоздей.

Жутко чернел он воронкою рта
 В крике простить и спасти.
 ...Вот ты, родимый, и предал Христа!
 ...Даже без тех... тридцати.

25 февраля 2004

ГИПОТЕЗА

Кого жалеть – Иуду иль Христа?
Я проникаюсь жалостью к Иуде,
Хотя со дня кровавого креста
Христа едина восславляют люди.

А уж не мы ли предали Его,
Приняв затем в лукавые объятия?
На столб позора вздернув Божество,
Иуде шлем мы тяжкие проклятья.

Нет, спора нет, Иуда сдал Христа,
Но сдал на откуп... своего народа!
А может быть, он поступил тогда
Из трижды гениального расчета?

Христос неотвратимо шел к беде,
Она вот-вот плеснет кровавой брагой,
И Он умрет с позором на кресте,
Объявленный смутьяном и бродягой.

Представить страшно смертный этот грех:
Мгновенно станет Он *одним из всех*.

И лишь являя чудо из чудес,
Есть шанс спасти великого скитальца:
*«Скитальца надо обратить в страдальца,
Да чтоб Он умер, а затем воскрес.*

*Да чтоб не скопом предали Его,
А кто-нибудь один из самых близких –
Из побуждений мелочных и низких
Он должен посягнуть на Божество.*

*В веках за это проклянется тот,
Кто совесть бросит в сточную канаву,
Но вечно будет маяться народ,
Что учинил безвинную расправу.*

*О, как мы будем в жажде очищенья
Вымаливать Господнего прощенья!*

*Христос за все простит нас, и тогда,
Единый, Он восславится повсюду!
Мир обретет бессмертного Христа,
Лишь обрета... бессмертного Иуду».*

И, может быть, венок терновых роз
Во исполнение самоприговора
Надел Иуда раньше, чем Христос,
Взойдя на крест бессмертного позора, –

Все обрело законные места:
Христа-страдальца восславляют люди!
... Вот почему, боготворя Христа,
Я проникаюсь жалостью к Иуде.

30 августа 2004

* * *

Белая дева на белом коне
По полю белому скачет ко мне,
Скачет и скачет.

Сколько парить ей, как в призрачном сне,
В белом галопе стерней задубелой?
Белая лилия в проруби белой
Холодно плачет.

Холодно лилии. Холодно мне.
Белая дева на белом коне,
Что же ты медлишь?

Видно, совсем я уже не в цене,
Видно, к другому сейчас эта скачка?
Злато – ему, ну, а мне лишь подачка:
Жалкая медь лишь.

Будто во сне, объявляется мне
Белая дева на белом коне,
Белая дива.

Вот она! В мертвенно-белом огне
Скачет ко мне целиной задубелой,
Льется по ветру мелодией белой
Белая грива.

С хохотом скрылась во тьме ледяной,
И распустилось под белой луной
Черное древо.

Было иль не было это со мной, –
Может, никто никуда и не скачет,
А если скачет, то что это значит –
Кто эта дева?

28 апреля 2004

* * *

Неистребимое стремленье –
Загадки мира разгадать,
Всему найти определенье,
Всему свое название дать.

Найти и снова потерять
И новою плениться тайной,
И увлеченно козырять
Своей догадкой случайной.

А все затем – грошовый пир! –
Чтоб в зрелости пришло прозренье:
Как тайна твоего рожденья,
По-прежнему таинствен мир.

1985

* * *

...А был он обличьем похож на сатира,
 Что, в общем-то, было ему все равно.
 Не как-нибудь, а «Сотворение мира»
 Назвал он большое свое полотно.

Не кисть у него, а подобие клина,
 Зубристого, будто бы ящера хвост.
 И странные краски, как мокрая глина,
 Сползали с него на двоящийся холст.

И люди, и звери на этом холсте
 И те вроде были, и все же не те.
 (А кто-то с преломленным посохом
 Шаггал по воде, аки посуху.)

Он был гениальным, он был исполином –
 Художник, а может, и вправду сатир.
 Он так вдохновенно орудовал клином,
 Как будто и впрямь сотворял этот мир.

Он мир сотворял гениальной топью,
 Играючи, свет погружал он во тьму,
 По образу все создавал и подобью, –
 О да, по подобью, но по своему.

И жутко из чрева воды и земли
 И люди, и рыбы, и гады ползли.
 (А кто-то с преломленным посохом
 Шаггал по воде, аки посуху).

Неделю художник работал бессонно
 В понятной ему одному красоте.
 Все новые с клина сбегали персоны,
 А вот он и сам на готовом холсте!

По низким горам и высоким долинам
 С котомкой заплечной он брел налегке.
 Грозил он кому-то раздвоенным клином, –
 О! Это не клин – это посох в руке!

Счастливо гулял он по райским садам,
 Где Ева уродка, уродец Адам.
 (А кто-то с преломленным посохом
 Шаггал по воде, аки посуху).

Художник смотрел в свое небо слепое,
 Проказой гордыня цвела по лицу.
 Он был сатанински доволен собою –
 Он, дерзостно бросивший вызов Творцу.

Когда же вконец закоснел он в гордыне,
 Тот, с посохом, встал перед ним во весь рост,
 И ясный огонь полыхнул по картине,
 И с грохотом лопнул двоящийся холст.

И холст поглотила бездонная Тьма.
 И понял художник, что сходит с ума.
 А Тот, с кипарисовым посохом,
 Пошел по воде, аки посуху.

23 апреля 2004

* * *

Наклонясь над зеркальной водой,
 На своё отраженье глядел он:
 – Я прекрасен, как Бог молодой,
 Я прекрасен душою и телом!

И притих. И гримаса тоски
 Пробежала от уха до уха:
 Ухмыльнулась ему из реки
 Безобразная злая старуха.

От макушки до пяток дрожа,
 Обалдел он от этого дела:
 – Разве может быть ведьмой душа
 У прекрасного юного тела?

Затрясла головою седой,
 Открестилась корявой клюкою:
 – Я красивой была, молодой!
 Это ты меня сделал такою.

Ещё раз к роднику он приник,
 На себя поглядеть потянулся, -
 Безобразный и злобный старик
 На него из воды ухмыльнулся.

20 ноября 1998

* * *

Он сотворил себе кумира,
 Возвел его на пьедестал
 И, вслед за ним гонясь, полмира
 Он на колеса намотал.

Когда ж усталые колеса
 Сжигались скоростью дотла,
 Пространство вспарывали косо
 Два самолетные крыла.

Готовый к взлетам и паденью
 За сотворенного в душе,
 Он стал его нелепой тенью,
 Почти бесплотную уже.

Но повалился с пьедестала
 До срока бывший на щите,
 И кисть печальная предстала
 На обескрашенном холсте:

Одной изодранною тогой
 Прикрыв продрогшие бока,
 Бредут пустынною дорогой
 Два некрасивых старика.

11 января 2003

БАЛЛАДА О ВОЖДЯХ

Два враждебных народа
Сошлись на прекрасной земле,
Две стихии слепых
Растеклись по цветущему полю.

И сказал первый вождь,
Горделиво качнувшись в седле:
– С нами воля и Бог,
И да выполним мы Божью волю!

Заползал под кольчуги
И в сердце царапался страх,
Воронье прокричало
Предвестие тлена и праха.

И сказал вождь второй:
– Правоверные, с нами Аллах!
Покараем неверных
И выполним волю Аллаха.

Гром ударил с небес,
Когда ринулись в драку полки,
И земля содрогнулась,
И Запад смешался с Востоком –

Сшиблись мутной волной
Две свирепых стихийных реки
И, дымясь, покатались
Единым кровавым потоком.

Так погибли они,
А на двух высоченных холмах
Два вождя восседали,

Бесстрастно взирая на это.
А потом быстроногих
Коней своих бросили в мах
И красиво разъехались
В разные стороны света.

Мир на землю сошел,
И потомки смогли возрасти
Двух прекрасных народов,
Не знающих злобы и страха.

Но нейдет вождам
И потомков собрали вожди,
И призывали к войне
Именами Христа и Аллаха.

И опять два народа
Сошлись на цветущей земле,
И опять оказалось,
Что каждый обижен судьбою.

И под клики вождей
Все, конечно, забыли во зле:
Ни Христос, ни Аллах
Нас не учат вражде и разбою.

...И погибли они,
И на тех же высоких холмах.
Их вожди восседали,
Бесстрастно взирая на это.

А потом быстроногих
Коней своих бросили в мах
И до времени скрылись
По разные стороны света.

* * *

– За что не любишь ты меня,
Презрением гоня?
Да, я живу по воле дня.
Сегодняшнего дня.

Да, не гоню я вороных
За перспективу лет
Живу себе, а до иных
Мне интереса нет.

Я не какой-то мелкий бес,
Я вообще не бес.
Я в душу к ближнему не лез
И к дальнему не лез.

А если кто сгорел дотла,
Себя не уберет,
Так это не мои дела,
Не признаю упрек.

Я не убийца, не дебил,
Не жил, других губя.
– Да нет, приятель, ты убил!
Давным-давно... Себя.

1991

* * *

Оттолкнувшись ленивой ногой
От причала, поросшего тиной,
Он поплыл незнакомой рекой
За своей золотой серединой.

Левый берег, пугая людей,
Оглашали ужасные звуки:
Это шабашем пьяных чертей
Гений Тьмы забавлялся от скуки.

Правый берег купался в садах,
Истекающих яблонным соком.
Все здесь жили в любви и трудах
Под Господним недремлющим оком.

А пловец в одиноком челне
Упивался рекою пустынной, –
Словом, был он доволен вполне
Золотою своей серединой.

Но река поглотила пловца:
Он загинал в пучине безбрежной,
Не успев осознать до конца,
Что расплата была неизбежной, –

Что, презрев и друзей, и врагов,
Стал он жалкой песчинкой в пустыне,
Что нельзя между двух берегов
Пребывать в одинокой гордыне.

21 ноября 1998

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

А когда Божий мир черной тinou оброс,
Задыхаясь от скверны и смрада,
Опустился на грешную землю Христос,
Чтоб спасти неразумные чада.

С добрым словом входил он в дома и шинки,
Сотворяя святые знаменья,
Но вослед ему падали злые смешки
И со свистом летели каменя.

– Не учи нас добру, не мешай нам грешить,
Пить безумья вино, падших женщин любить,
Мы не знаем стыда и позора.
Душу продали мы, тешим сладкую плоть,
Не указ нам ни дьявол, ни смерть, ни Господь –
Да пребудут Содом и Гоморра!

А над миром чернела больная луна
Захламленной бесформенной грудой,
И в заброшенном Храме хромой Сатана
Торговался о чем-то с Иудой.
Громоздился дворец Золотого Тельца
Под неясным магическим знаком,
А прекрасные девы в притворах дворца
Отдавались бродячим собакам.

Словом, все было так же, как было тогда,
В день большого стыда и позора,
Когда люди Пилату отдали Христа,
Разменяв на базарного вора:
Бесновалась Гоморра, кривлялся Содом,
А Христос под хулу и проклятья,
Осняя несчастных прощальным крестом,
Добровольно взошел на Распятье.

А Христос в беспредельной своей высоте
Умирал за людей на взлетевшем кресте,
Никому не желая отмщенья.
Он, непонятый снова и снова гоним,
Завещал обезумевшим чадам своим
Беззащитное слово прощенья.

7 февраля 2003

* * *

1

Дух захватила внезапная робость,
Мозг порастил устрашающий гул,
Будто лечу я в бездонную пропасть, –
Это я в душу свою заглянул.

2

Возлетал. И срывался. И снова
Возлетал! И срывался! И сник.
Я ищу заповедного слова,
Первобытного слова родник.

Душу рвет неподъемная доля –
Помогите за ради Христа!
...Я сижу среди дикого поля,
А в гортани хрипит пустота.

Как вдова, над могилкою плачу,
Злою гонкой сражен наповал,
Потому что не верил в удачу,
Лес рубил и в колодец плевал.

1991-1998

* * *

Жизнь качнулась, надломилась,
Занеслась на вираже.
Боже правый, сделай милость,
Дай спокойствия душе.

Боже правый, дай мне силы
Удержаться на краю!
...На суку сухой осины
Вздерну я печаль свою.

Оклемаюсь от остуды
Да присватаюсь к вину,
Участь горькую Иуды
Сладкой стопкой помяну:

Он Христа, конечно, продал,
Но простил его Христос!
Я ж бреду пустынным бродом,
Аки наг и аки бос.

Не чиня себе запретов,
Греховодное любя,
Я живу, бездарно предав
Разлюбимого – себя.

Потому и надломилась
Жизнь на скользком вираже!
Боже правый, сделай милость,
Дай спокойствия душе.

А чего желать еще нам
На оставшуюся треть?
...Всё боюсь я непрощенным –
Под осиной – помереть.

11 января 2004

* * *

Здесь есть о чем загоревать,
 Себя в реальность погружая:
 Чужая подо мной кровать,
 В объятиях – жена чужая.

Чужою стала мне семья,
 Не дав ни радости, ни счастья,
 А вот и родина моя
 Чужбиной стала в одночасье.

В устах читательской молвы
 Стоял я, как на пьедестале,
 Но по большому счету вы,
 Увы, родными мне не стали.

Увы, к закатному огню
 Клонюсь усталой головою,
 Но никого я не виню
 За отчужденье роковое.

Я, видно, свыше заряжен
 Жить, никого не виноваты,
 Любить чужих прелестных жен
 И умереть в чужой кровати.

Но, безысходностью слепя,
 Реальность вспыхнет из-за края,
 И я увижу вдруг себя
 Адамом, изгнанным из рая.

30 сентября 1998

* * *

Как явились сюда мужики на заре –
 Злое солнце играло на злом топоре.

Говорили они, кедрачи вороша:
 «Вот поставим жилье, станет жизнь хороша».

Плотник смахивал пот пятернею со лба –
 Поднималось жилье за избою изба.

А когда в октябре ахнул первый мороз,
 На Лохматой горе забухтел леспромхоз.

Лес рекою потек, стала жизнь хороша –
 Зазвенела деньга, зарезвилась душа.

Зелье тоннами жрали, до корня спились,
 На гармониях играли, за девок дрались.

А уж если чужак завернет в леспромхоз,
 Так в момент у него возникает вопрос:

Что за голубь такой, за неведомый зверь
 Сизым клювом стучит в магазинную дверь,

Хватит штоф и рачком уползает в кровать?
 Стали все эту местность Нахаловкой звать.

А Лохматую гору – в трухлявой пыли –
 В скором времени Лысой горой нарекли.

Здесь в почете сегодня одни лишь слова:
 «Гулеваньте, братва! Ведь живем снова».

1991

* * *

А. Ибрагимову

Белая лошадь почует свое отраженье в воде –
 В сонном пруду.
 Друг мой старинный, взлетев пятерней к бороде,
 Тронет звезду.

Пламенем рыжим в ночи полыхнет борода –
 Млечный огонь.
 Божьей коровкой доверчиво сядет звезда
 Другу в ладонь.

Друг мой старинный покинет жилища людей,
 В ночь уходя,
 Вдруг обнаружив на хрупкой ладони своей
 След от гвоздя.

ПЕСНЯ ЮРОДИВОГО

Волчий глаз луны в моем лбу завыл.
 На сто верст слышны всплески вещей крыл.

Всплески вещей крыл.

Плещут вещие крыла –
 это значит:
 Хоть и жизнь уже прошла,
 путь не начат,
 А уж время на Восток
 озираться
 Да в заоблачный чертог
 прибираться.

Тянет бок сума.
 Заедает тьма.
 Позади – тюрьма.
 Впереди – тюрьма.

Исхлестал я об траву
 босы ноги:
 Божьим пасынком живу
 при дороге.
 Сколь уж выплеснул кровей
 по росе я!
 Что ж ты губишь сыновей,
 Мать-Расея?

Рядом рыщет волк. Ждет. Надеется.
 Не возьму я в толк, что тут дется?

Страх что делается!

Стоят ломаный пятак
человеки.

Не могу я больше так
навеки.

Доистрачу живу плоть,
допорушу –

Успокой тогда, Господь,
божью душу.

Тянет бок сума.

Заедает тьма.

Позади – тюрьма.

Впереди – тюрьма.

Весь исхлестан я поперек и вдоль!
Злая боль моя – всей России боль.

Ох, крепка петля
б е с дорожия!

Ты прими, земля,
сына Божия.

16 марта 2004

* * *

Все презреть, чью-то душу изгадить,
Друга вынести из-под огня
И с восторженным трепетом гладить
Благородную морду коня.

Залететь без звонка и без стука
В дом полночный любимых людей
И жену заповедного друга
Взять в наложницы страсти своей.

И платить неподъемной ценою,
И считать, будто Рыцарь Скупой,
И спокойно пройти стороною
Мимо тех, что позвал за собой.

И кривая ухмылка уродства,
Горький опыт, изведанный всласть,
И высокий полет благородства,
И ползущая низменно страсть.

Через все безмятежно и просто
Он прошел, как факир сквозь ножи,
Но внезапно содралась короста
Содроганьем прозревшей души.

Обнажив свои раны и шрамы,
Вознесенный и битый плетью,
Возжелал он под занавес драмы
Примириться с собой и людьми.

Как очнувшийся после затмения,
Раздает он былые долги,
Но летят ему в очи камень,
Но летят ему в душу плевки.

17 октября 1998

* * *

И вошел он под храмовый свод,
И попал на смиренное вече:
Упоенно молился народ,
Грели душу горящие свечи.

– Вот где вера! – подумал он. – Вот
Где услада для сердца и слуха!
Вот где искони в ближних живет
Неземное величие духа.

Прослезился он в смятый платок,
Будто вправду пред Господом стоя.
Но ужалил его шепоток,
Оскорбляющий слово святое.

Это люди, к молитве припав,
Меж собой потаенно шептали
Об усладе любовных забав,
О желанном презренном металле.

Безобразно корежила слух
Эта злая двуликость в народе!
И приниженно сгорбился дух
Перед наглым нашествием плоти.

– Что такое? – подумал он. – Что?
Что за низкие подлые бредни? –
И, накинув на плечи пальто,
Безнадежно пошел от обедни.

Стал он ликом землистой земли,
Взгляд на Господа вскинуть не смея.
...А за ним пересуды ползли,
Как гремучие скользкие змеи.

17 сентября 2004

* * *

Змейкой ласковой петля
Обовьется вокруг шеи,
Пухом станет мне земля –
Дно кладбищенской траншеи.

Пухом станет мне земля,
Вся в осенних паутинках...
Вы не пейте киселя
На моих шальных поминках.

Из веселого ковша
Брагу лейте без предела!
Я не умер. Лишь душа
Жаворонком отлетела.

Возлетела к небесам
Исключением из правил.
Не горюйте. Это ж сам
Я ее туда отправил.

Это я с самим собой
На мгновение разминуся.
Это в свой последний бой
Я ушел и не вернулся.

15 октября 1998

* * *

То ль его попутал бес,
 То ль втянуло в глубь воронок –
 Оземь грохнулся с небес
 Несмышленный жаворонок.

Это певчая душа
 Отгоревшего поэта
 Соскользнула с виража
 На границе тьмы и света.

Не пробила Тьму и Свет,
 Всеблагое стерегущих, –
 Знать, и вправду места нет
 Грешным душам в райских кущах.

Или ближе и родней
 Ей земные эти рощи?
 Не гадайте вы о ней –
 Все куда грозней и проще.

В одиночестве кружа
 У Господнего Предела,
 Не сумела жить душа
 Без возлюбленного тела.

15 октября 1998

* * *

Слава Богу! Я живой –
 Пожалел Господь поэта!
 Я стою, как часовой,
 На границе Тьмы и Света.

Только медного гроша
 Я не дам под это дело:
 К Свету тянется душа –
 В Тьму ее ввергает тело.

Обессилев и дрожа,
 Тело жаждет поднебесий,
 Но греховная душа
 Вновь в него вселяет бесей.

Как языческий костер,
 Полыхает из-под спуда
 Бесконечный этот спор –
 Смертный спор добра и худа.

Вот и вера сожжена,
 Как последняя воровка!
 И душа грехом больна,
 И дрожит в руках веревка.

16 октября 1998

* * *

Прости мне, Господи, прости
 За все людские злодеянья,
 За то, что слово покаянья
 Так поздно вызрело в груди.

Прости за то, что в некий год,
 Явивши дьявольское рвенье,
 Тебя покинул мой народ
 На поруганье и забвенью.

Прости за дикую толпу
 Столиц и крохотных селений,
 За беспощадную судьбу
 Зачатых кровью поколений.

За то, что долгие года
 Томились в страхе и опале,
 За то, что выжил я тогда,
 Когда другие погибали.

За то, что грязная игра
 Опять прельщает нас, как сводня,
 И от свершенного вчера
 Мы отрекаемся сегодня.

За то, что мы готовы вновь
 Разрушить все до основанья,
 За то, что снова льется кровь,
 Скитанья множа и страданья.

Прости, о Господи, за всех,
 Кого взыскует преисподня!
 Прости за мой и чей-то грех,
 Вчера свершенный и сегодня.

ГОЛОС ДЕТСТВА

Как оголодавшая зверушка
 К избам прибивается зимою,
 Так и я, хворобный побирושка,
 Жался к людям с нищею сумою.

Обмотавшись рванью полушалка,
 Появлялся я в дверном провале
 И просил подать чего не жалко,
 И порой чего-то подавали.

А порою матерились в Бога
 И взашей пихали от порога.

Оживал я лишь с приходом Паски,
 Как в Сибири Пасху величали,
 И тогда стучался без опаски
 В избы, что светились куличами.

Как в старинной величальной пьесе,
 Я провозглашал: – Христос Воскресе!

И меня встречали у порога,
 Старого знаконца в свете новом,
 И уж если поминали Бога –
 Поминали только добрым словом

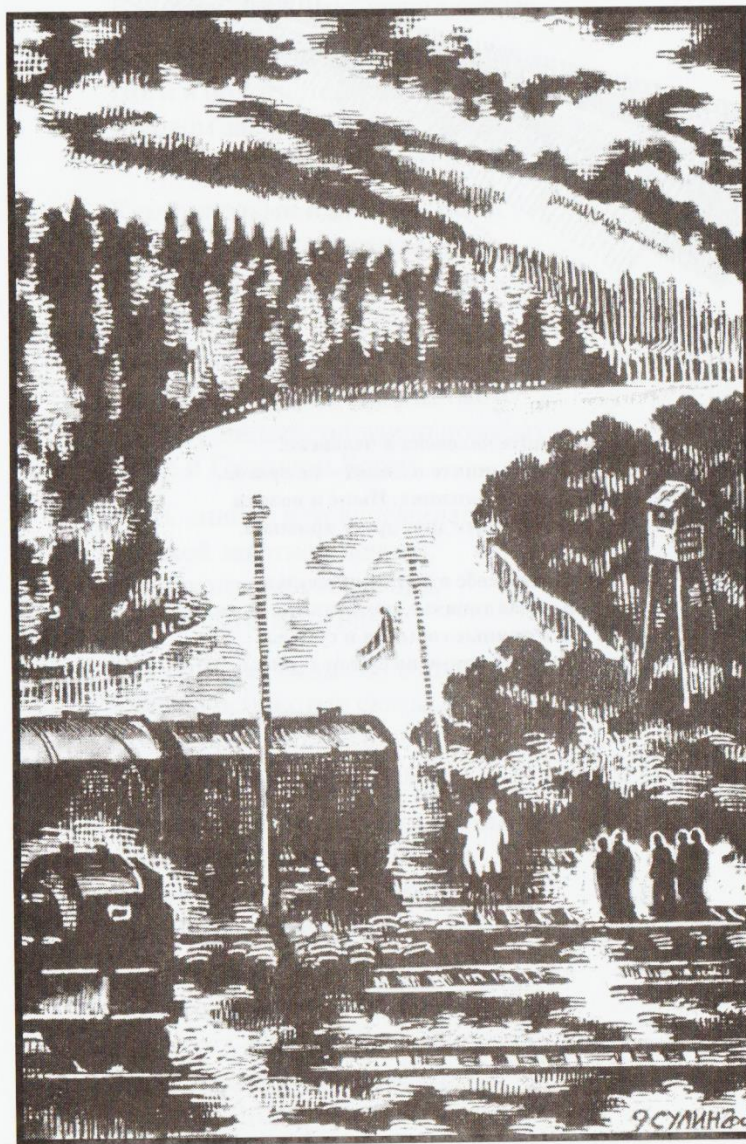
Божий рай для малого скитальца
 Были те пасхальные недели!
 И не меньше, чем Христа-страдальца,
 Все меня любили и жалели.

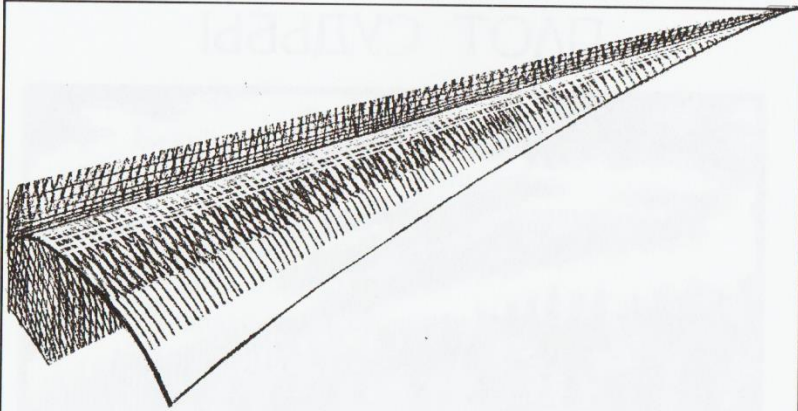
Отворяло души, словно двери,
 Светлое Христово Воскресенье.
 И с тех самых пор я твердо верю:
 Есть у нас единое спасенье.

И в жестокой современной пьесе
 Я гляжу с надеждой в поднебесье
 И произношу: – Христос воскрес! –
 А с небес: – Воистину воскрес.

25 апреля 1990

ПЛОТ СУДЬБЫ

Цените человека в человеке!
 Друзей ищите в людях – не врагов.
 Любите ближних. Ныне и веки
 Не вешайте друг другу ярлыков.

Самим себе ответчики и судьи,
 Как заклинанье, помнить мы должны:
 Все личные события и судьбы
 Влияют прямо на судьбу страны.

* * *

Первая память мальчишеских лет:
 В шурфе живет человеческий скелет.
 Вот он сидит! На отлете рука,
 Ноги в болотистой влаге.
 Клювом заржавленным впилась кирка
 В лобную кость бедолаги.

Кинут людьми одинокий погост –
 Тайна, покрытая мраком.
 Неинтересна бесплотная кость
 Даже бродячим собакам.

Разве что Бог на него поглядит
 Скорбным недремлющим оком?
 Только, видать, он давно позабыт
 Даже и Господом Богом.

Мать лишь о нем вспоминает одна
 В тихой закатной печали,
 Но никогда не узнает она,
 Как ее сына кончали, –

Как одиноко сидит он в шурфе,
 Глядя в ребристые скаты,
 А в опустелой его голове
 Нежатся скользкие гады.

Не доведись ей сейчас и потом
 Даже представить такое:
 Лоб, что она осеняла крестом,
 Крестят граненой киркою!

Не позабыть мне тот мертвый оскал,
 Душеньку рвущий на части!
 ...Смерть-самородок я тоже искал,
 Да не нашел его, к счастью.

1991

ВСТРЕЧА

1

Когда встают страдания на крыло,
 Душа, как в скит, бежит в воспоминанья:
 В самих себе мы ищем сострадания,
 Но слабо греет прошлое тепло.

Как я страдал! Как жаждал пониманья!
 Я был вселенской робостью томим:
 Душа болела близостью свиданья –
 Не с женщиной, а с городом моим.

2

Случилось так, что нам пришлось расстаться.
 Не обратить течение годов!
 Я много лет закручивал пространство
 Колесами машин и поездов.

Я знаю, как с налета, с разворота
 Судить могли. Не приведи нам Бог!
 И мой отец с клеймом врага народа
 Загрохотал на северо-восток.

Какой-то друг народа, очень просто,
 Донос в ночи строчил и не ослеп.
 Что делать? И, стареющий подросток,
 Делил с отцом я тот холодный хлеб.

3

Как мне жилось? А что бы ни случилось,
 Судьбы своей другому не отдам.
 То жизнь мне белозубо улыбалась,
 То очень хлестко била по зубам.

Сдавали нервы. Снашивалось тело.
 Дела порой врывались даже в сны.
 Но счастлив был я тем, что делал дело
 На благо человека и страны.

Дай Бог другим такого жару-пару
 Без права на особые права!
 А если говорю высокопарно,
 Я выстрадал высокие слова.

4

Сейчас иная жизнь, иные нравы.
 Зачем о прошлом завожу я речь?
 ...Есть у людей особенное право:
 В минуту злую ближнего беречь.

Цените человека в человеке!
 Друзей ищите в людях – не врагов.
 Любите ближних. Ныне и вовеки
 Не вешайте друг другу ярлыков.

Самим себе ответчики и судьи,
 Как заклинанье, помнить мы должны:
 Все личные события и судьбы
 Влияют прямо на судьбу страны.

5

Убавил скорость запотевший поезд.
 Перрон в цвету холодного огня.
 Я из вагона свесился по пояс –
 Ищу в толпе встречающих меня.

Не встретили. Живут своей судьбою.
 А может, гложет леность или спесь?
 Прощаю всех... Я встретился с тобою –
 Так здравствуй, город мой! Я снова здесь.

6

Я снова здесь. Иду проспектом главным,
 Что назван в честь великого вождя.
 Пусть хлещет вал осеннего дождя –
 Я пребываю в состояньи славном.

Привет тебе сыновний, город детства!
 Ты не велик, но нет тебе цены:
 Ты помогал мне пристальней взглядеться
 В большой простор родной моей страны

И полюбить ее такой любовью,
 Что разлюбить потом уже не смог.
 Ты стал моей неизлечимой болью
 На перепутьях судеб и дорог.

7

Вот старый дом с детсадом по соседству.
 Вон три окна – подобье светлячков.
 Смотрю на них, и защемило сердце:
 Я проводил здесь время отпусков.

Как я стихи слагал у этих окон!
 А по ночам огонь вскипал в крови!
 ...Петлей тогда затягивался локон
 Моей несостоявшейся любви.

Душа полна взволнованного гула:
 Себя винить? Ее? Чему помочь?
 Но в этом доме первый раз шагнула
 Моя кровинка – крохотная дочь.

Не стану я виниться перед нею,
 Как не могу помочь былой любви.
 ...Но ты, мой город, стал еще роднее –
 По нашей дочке, по одной крови.

8

Когда встают страданья на крыло,
 Душа, как в скит, бежит в воспоминанья.
 Нет! Нас не греет прошлое тепло,
 Но часто, когда очень тяжело,

Мы вспоминаем м и л ы е страданья,
 И – отлегло... Но прочь воспоминанья:
 В т а к и х воспоминаньях зреет зло –
 От беспощадной сути отступленья.

Пускай меня приводят в исступленья
 Не пепел снов, а пламя наяву –
 Да здравствует горенье, а не тленья:
 Коль я страдаю, значит, я живу.

Что ж, будем жить, покуда хватит силы,
 Без права на особые права.
 А если говорю сейчас красиво, –
 Я выстрадал красивые слова.

1979 – 1986

ПЛОТ СУДЬБЫ

Плывут сосновые плоты
С восхода до заката.
Но мало в реченьке воды –
Сплошные перекааты.
Плоты плывут из лагерей
До самой нижней запани,
Как письма наших матерей,
А смолка – как слеза по ним.

Судьбою выпал мне Сиблаг –
Давай, мели, Емеля!
Я упираюсь, как бурлак,
Ташу свой плот по мелям –
Ташу уже который год,
Вода кипит и пенится.
И жизнь моя, как этот плот,
Всё с боку на бок кренится.

На скрипки или на гробы
Распилят эти бревна?
Корявый плот моей судьбы
Стал братом моим кровным.
Да только б лучше сроду я
Не знал таких брательников!
В закат плывет судьба моя,
Вся сплошь из понедельников.

Петляет речка, как змея,
Вдоль берегов плукает.
Где в ней потонет жизнь моя,
Она сама не знает.
Судьбы моей корявый плот
Плывет себе, качается,
Плывет уже который год,
А срок мой не кончается.

Как знаки зэковской беды,
Плывут плоты.

1 ноября 2003

БАЛЛАДА О ДРУЗЬЯХ

Когда я становлюсь в тупик
И некуда мне деться,
То в безысходный этот миг
Я воскрешаю детство:

Завшивленный сырой барак
В махорочном тумане,
Затворов лязг и лай собак
И жирный мат охраны.

От жестких нар трещат бока –
Не знать бы их и сроду!
Здесь каждый – попросту зэка,
Конкретней – враг народа.

Над смолокуркой черный дым,
Пила поет, названивая.
Здесь все под номером своим
И под своим названием:

Четвертый прииск – не река,
Не пихты – кубатура.
И жесткое: закон – тайга,
Медведь – прокуратура!

Но был еще я слишком мал
В суровые те годы
И потому не понимал:
Кто друг, кто враг народа.

Но я запомнил тех людей,
Я их и ныне вижу.
Чем становилось мне лютей,
Тем были они ближе.

По вечерам в наш детский блок
Входили без утайки
И складывали в уголок
Свои дневные пайки.

Они беду от нас вели
Надежными руками!
Не верю, что они могли
Народу быть врагами.

(В пятидесятые года
Все обрело свои места)

...Хранят таежные края
Могильные сугробы,
А в них живут мои друзья
Высокой самой пробы.

И вот сейчас, в любой беде,
Смотря на вещи строже,
Хочу я быть на тех людей
Хоть чуточку похожим.

1963

ХОЗЯИН ТАЙГИ

Сам того не заметив, состарился он,
Жизнь прожил по казенным часам.
А за что его в детстве прозвали Гапон,
Он теперь не припомнит и сам.

Много лиха Гапон повидал на веку –
Мрак Лубянки, тоску лагерей.
А под старость ушел в черневую тайгу,
В справедливое царство зверей.
Он избушку срубил над пречистой рекой,
Жил в тайге и кормился тайгой.
Разливался над миром великий покой,
На душе воцарялся покой.

Боронил он тайгу от потравы людской,
Жил по совести да по уму.
А веселая белка, что звал он Тайгой,
Все орешки таскала ему.

Был он верным слугой королевских дубрав,
Королем заповедной тайги.
Врачевал он подранков изварами трав,
Хворым людям таскал корешки.
В добром царстве зверей, вдалеке от людей
Вековал неумный Гапон.
А однажды прилег и под крик лебедей
Он увидел последний свой сон.

Он с улыбкой ушел в свой желанный покой,
В непривычную долгую тьму,
А веселая белка, что звал он Тайгой,
Все орешки таскала ему.

14 февраля 2004

* * *

Когда к нам за полночь пришли
И постучали в дверь,
И увезли на край земли
Дорогами потерь,
Когда по снежной целине
Нас гнали суток шесть,
Вопросов не было во мне –
Я принял всё, как есть.
А что я мог понять тогда?
В пять лет и горе – не беда.
Какая, Господи, беда?
Глазей с раскрытым ртом!
Вопросов не было тогда –
Они пришли потом.
Вот нас швыряют, как навоз,
Как сор сквозь решето...
И прорезается вопрос
Естественный: за что?
Еще он близок, этот год,
Когда смели царя...
Как мог великий наш народ
Принять концлагеря?
Доносам не видать конца,
Стучит на брата брат.
И сын наводит на отца –
Кто в этом виноват?
Сегодня вспомнишь те года –
Аж оторопь берет!
Вождь погулял вовсю тогда...
А где же был народ?

1975

СОЛОНЧАК

1

Край таежный! Злые ели!
 Комариный лютый зуд!
 ...В леспромхозовской артели
 Люди ссыльные живут.

Срок пожизненный печален:
 Каждый – вечный арестант!
 И над всеми – местный Сталин,
 Поселковый комендант.

– Лес державе нужен, говна!
 Бас его гремел в тайге.
 И летели злые бревна
 По взлохмаченной реке.

Аж земля тогда стонала,
 Содрогаясь вдоль спины.
 Только, видно, было мало
 Бревен наших для страны.

Комендант дышал неровно
 И однажды выдал он:
 – Я для вас придумал, говна,
 Королевский рацион.

Хоть ты урка в перековке,
 Хоть ты трижды полита,
 Будет в вашей разблюдовке
 Лишь горбуша да кета.

Царска рыбка! Лопай вволю!
 Ну, а после, мать-размать,
 Или сдохнете от соли,
 Или станете пахать

Так, чтоб соль из вас летела,
 Вышибая крупный план!

2

Молодецки делал дело
 Комендантский капитан.

План утроила сначала
 Просоленная орда.
 Только вскоре закричала
 Диким голосом беда.

Соль размалывала кости,
 Не спасал и лютый пот.
 За поселком, на погосте,
 Разрастался огород

Неприкаянных могил
 Неприкаянных людей...

Возвращением из ссылок,
 Переменою вождей,
 Горькой памятью да болью
 Отгорели те поры...

И покрылись крупной солью
 Надмогильные бугры.

3

Как же вынести такое,
 Если тридцать лет спустя
 Вновь я здесь, а под ногою
 Дотлевет дорогое,
 Солью адскою хрустя?

Дотлевет... Но воочью
 Увидать мне довелось,
 Как осенней стыллой ночью
 Здесь возник подранок-лось.

По логам да по оврагам,
 Сквозь ослепшую тайгу,
 Запаленным смертным шагом
 Он пришел к солончаку.

Пал на белую могилу
 И лизал, лизал сквозь боль...
 И ему вернула силу
 Та чудовищная соль.

Братцы! Сколько жив я буду,
 Как спасительный очаг.
 Сохраню в себе повсюду
 Ваш бессмертный солончак.

Я еще приду к вам, братцы, –
 Чтоб мучительным глотком
 Или новых сил набраться,
 Или стать солончаком.

Октябрь 1980

* * *

А рубили мы лес – только щепки летели!
 Топоры рвали пихты, как волчьи резцы,
 Оставляя рубцы на душе и на теле,
 наших долгих сроков годовые рубцы.

Над угрюмой рекой журавли пролетели,
 Покидают нас, грешных, до лучших днейков,
 Оставляя рубцы на душе и на теле,
 Годовые рубцы наших долгих сроков.

Жизни нашей балан в щепки мелкие колется!
 Заплелась в лесосеках колючка пеньков,
 И чернеют на пнях, как змеиные кольца,
 Годовые рубцы наших долгих сроков.

9 февраля 2004

ПЕСНЯ

Вот неделя еще и закончится срок.
 Мать честная, душа обмирает!
 Догорает хороший такой вечерок,
 В лесосеке костер догорает.

Догорает костерок, допревает чифирок,
 Да такая на душе ломота,
 Да такая благодать, что недолго зарыдать,
 И на волю до смерти охота.

Эх, бывало, казалось: не стоит гроша
 Эта жизнь, где мы глухо зависли.
 А хватнешь чифирку, и светлеет душа,
 И приходят хорошие мысли.

Что бы делал зэка без дружка-чифирка?
 Он и выручка нам, и подмога.
 Без него, видит Бог, не бывает зэка,
 Как зэка не бывает без срока.

Я не в спех закурю да подлягу к костру –
 Кайф подгонит копченая кружка.
 Я ее и на волю с собой заберу:
 Мне ж она и сестра, и подружка.

Догорает костерок, затихает ветерок,
 Умолкает иволга-пичужка.
 Ай, с дымочком чифирок!
 Ай ты, кружка, мятый бок! –
 Вы мои дружочек и подружка.

Догорает костерок, согревает чифирок,
 Да такая на душе ломота,
 Да такая благодать, что недолго зарыдать,
 И на волю до смерти охота.

КЛАССИКА

Время к ночи. Барачный ночлег
 Застилает холодные нары.
 А в каптерке обкуренный зэк
 Выжимает слезу из гитары:

«Не печалься, любимая!
 За разлуку прости меня.
 Я вернусь раньше времени,
 Дорогая, клянусь.
 Как бы ни был мой приговор строг,
 Я вернусь на родимый порог
 И, тоскуя по ласкам твоим,
 Я в окно постучусь».

Этот плач по басовой струне,
 Арестантское это искусство,
 Как ни странно, будили во мне
 Небывало высокие чувства.
 Сколько годиков сплыло с тех пор,
 И какие случались события!
 А вот лагерный этот фольклор,
 Хоть убей, не могу позабыть я:

«Будь проклята ты, Колыма,
 Что названа чудной планетой!
 Сойдешь поневоле с ума,
 Отсюда возврата уж нету».

Я вернулся, не спятил с ума,
 Заболев заполярной тоскою:
 Миновала меня Колыма –
 Обошлось горношорской тайгой.
 Там и юность ушла на распыл,
 Даже вспомнить ее нелегко мне.
 Много песен я перезабыл,
 А вот эти, народные, помню:

«Таганка! Все ночи, полные огня!
Таганка, зачем сгубила ты меня?
Таганка, я твой бессменный арестант!
Пропали юность и талант
В твоих стенах...»

И народ свой я не оскорблю,
Записав в поголовные зэки:
Я вас всех бесконечно люблю,
Дорогие мои человеки.
Что ж до песен блатных, то они –
Не забава тюремного сброда:
Будто кровь в наши тяжкие дни
Просочились из сердца народа,
Когда все мы лишились ума
Под свирепой кремлевской толпою,
А война, да сума, да тюрьма
Стали общей народной судьбою

Что ж, судьбу не возьмешь на туза!
И рыдали на стыках вагоны,
По великой стране развозя
Искалеченных душ миллионы:
Этих в зону, а тех из тюрьмы –
Тасовали, как карты в колоде.
...И протяжно стонало из тьмы
Слово лютой тоски о свободе.

А кому эти песни нужны?
Вот вопрос иностранного рода!
Это – классика нашей станы,
Это – песня больного народа.
В ней надежды бунтующий свет
На свободу, любовь и удачу.
...Если слышу я песни тех лет,
Я всегда подпеваю и плачу:

«Милая, знай, что нас сберегла
Наша большая любовь».

* * *

– Разойдись, разгуляйся, народ! –
Рвет он голос на мелкие стружки.
Растревожил его ледоход
На студеной таежной речушке.

Четвертак отгрубил до звонка
Враг народа, колымский зэка.

– Ну, какой же я враг, господя?
Я дружился с расейским народом,
А мои золотые года
Калыма унесла ледоходом.
Их бы в масть, да колода не та!
Но случались и снятки крутые:
Смыло в дым золотые года –
Зубы вымыло мне золотые.

Эх, житуха! Тюрьма да наган!
Да в душе ледяные торосы!

И стучат о граненый стакан
Стариковские льдиночки-слезы.
Пьет на весь свой фартовый разгон,
Засыпает в вонючей подсобке,
Где стольпинский рвется вагон
В золотые колымские сопки.

1977

РЕКВИЕМ

Вечер падает в остуду,
 Бродит меж берез.
 – Сука буду, не забуду! –
 Ветерок принес.

Это память страны
 За собою меня повела
 В тот далекий кроссворд,
 Где река начиналась на Ка...
 Там под грохот колес,
 Чтобы легче дорога была,
 В перемерзших углярках
 Дурниной блажили зэка:

– Сука буду, не забуду
 Этот паровоз:
 От Москвы до Магадана
 На карачках полз!

Это был спецэтап
 Отстрадавших в немецком плену.
 На советский народ
 Они бросили черную тень.
 А теперь их везли
 В ту холодную злую страну,
 Что Лимонией звали
 И так же зовут по сей день.

Шел вразнос паровоз,
 Как тот конь, что порвал удила,
 Как усталый шахтер,
 Черной гарью харкал в облака.

А под грохот колес,
 Чтобы легче дорога была,
 В перемерзших углярках
 Дурниной блажили зэка.
 Вот и Ванинский порт.
 На баржу их загнали гуртом.
 Застонала баржа,
 Поползла черепахой большой.
 А что было потом?
 Нам бы лучше не помнить о том:
 Потопили зэка вместе с этой
 Проклятой баржой!

Позабыть бы кроссворд,
 Где река начиналась на Ка...
 Только видится мне,
 Только душу корежит до слез, –
 Как всплывают со дна
 Души тех неповинных зэка,
 Да плывет по волнам
 «Сука бу...не забу...паровоз...

Вот такую вот остуду
 Память нанесла.
 Буду жив, не позабуду
 Скорбные дела.

Буду жив, не позабуду
 Скорбный паровоз,
 Что с проклятою баржою
 Канул в море слез.

12 февраля 2004

* * *

За магазином, в лопухах,
 В тенечке гаража,
 Сидят с чекушками в руках
 Два черных алкаша:
 – Рванем по махонькой, Сергей!
 – Давай рванем, Витек...

Как взбаламученный ручей,
 Их разговор потек.
 Про Воркуту, про Колыму,
 Про Абакан-Тайшет...

И выходило по всему,
 Что счастья в жизни нет.

– Выходит, друг, что мы с тобой
 Не сладили с судьбой:
 Ходили раньше мы в забой,
 Теперь идем в запой.

– Выходит, хрен тебя возьми!
 А что еще ты ждал?
 Мы были даже т а м людьми,
 А здесь пошли в отвал.

Хмельная череда глотков
 Болезненно росла,
 Спаявши горлышки четков
 И мужиков горла.

Росло на водочных парах,
 Бросало души в дрожь:
 Т о г д а строною правил страх,
 Сегодня правит ложь.

Рыдали тяжкие глотки
 По сгубленным годам, –
 Как будто снова мужики
 Вдруг оказались т а м.

1978-2004

* * *

Эта белая дорога сквозь тайгу.
 Эти пихты без начала и конца.
 Эти черные бушлаты на снегу.
 Эта пасть седой овчарки у лица.

Эх, овчарка, ты же добрый человек!
 Так зачем, скажи, наладила клыки?
 Не под силу мне, сопливному, побег:
 И, сбежавши, я не выйду из тайги.

Не рычи: я здесь и весь я на виду –
 Влево, вправо и назад дороги нет.
 ...Я отсюда лишь с амнистией уйду,
 Чтоб вернуться через три десятка лет.

Доброй волей, без конвойных и собак,
 Повторю я достопамятный вояж
 В те края, где оцетинился во мрак
 Богом кинутый поселок Алтамаш.

Завизжат и отворятся воротá
 В неприютный зарешеченный приют.
 ...Да и как не возвращаться мне сюда,
 Если батя здесь и матушка гниют?

Сколько лет прошло, а здесь все тот же вид –
 Он, как прежде, беспрогляден и суров:
 Белый свет колючкой ржавою обвит,
 Чифирят и курят зэки у костров.

Полстраны гуляет в зонах, полстраны!
Здесь полно еще и бывшего «врага»:
Засадили их однажды без вины,
А потом пошли законные срока.

В воронках катались, как на вороных...
И душа моя сжимается в кулак,
Будто я это виновен, что для них
Стал судьбою нескончаемый Гулаг.

Будто я стоял у тех кровавых вех,
Что зажали нас меж стенкой и тюрьмой!
...Отпустите, Президент, на волю тех,
Кто впервые сел по «пятьдесят восьмой».

1990

АМНИСТИЯ

Амнистировали чохом,
Возвратили паспорта –
Покатились мы горохом
Во родимые места.

Вот уж радость, право слово!
И не знали мы тогда,
Что без воли и без крова
Жить нам долгие года.

Белый свет чернее сажи –
Правды не было и нет!
Возвратились мы туда же,
Где сидели десять лет.

Да и как еще иначе,
Что поделывать мог наш брат? –
Амнистировали? Значит,
Был, собака, виноват.

Значит, вон пошел, собака!
...Не забуду до конца,
Как из грязного барака
Хоронить я нес отца.

И на том же на угоре,
Да под ту же сень берез,
Из того ж барака вскоре
Маму к бате я отнес...

Злости нет. Не бью на жалость.
Только тяжко, боже мой! –
Так всю жизнь и проикалось
Пятьдесят восьмой статьей.

Август 1986

* * *

За что ж такое наказание?
 Хочу и не могу уснуть:
 Волнуются воспоминанья,
 Ломают сон, корежат грудь.

Воспоминанья ищут брода
 Меж берегами бытия –
 Как память долгая народа,
 Как память краткая моя.

Блистают лунными серпами
 Года на жизненном лугу...
 Как метастазы, зреет память
 В незаживающем мозгу.

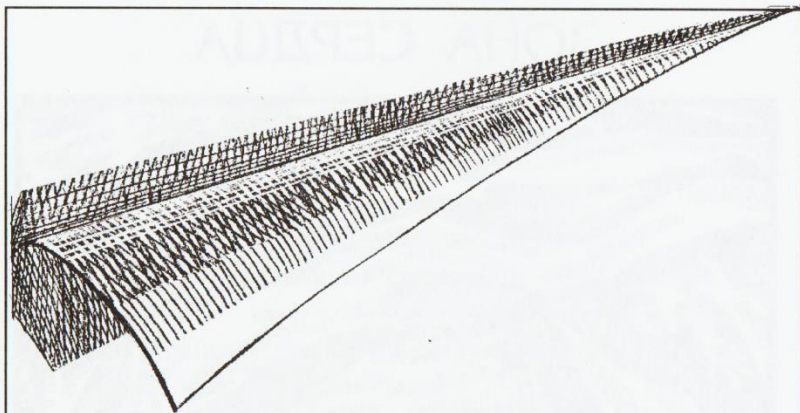
Попробуй выключи сознание!
 Покоя нет, спасенья нет,
 Когда кипят воспоминанья
 Погожих дней, ненастных лет.

Недремлющие метастазы –
 В крови, как в замкнутом кругу!
 А излечи меня – и сразу
 Я жить на свете не смогу.

1985

ЗОНА СЕРДЦА

Так что же? Молодость прошла.
В трудах и в блеске карнавала.
Сгорела весело, дотла!
Теперь прекрасная зола –
Где раньше пламя бушевало.

Назрело время, не спеша,
Осмыслить все, что происходит,
И обнаружить, что душа –
Душа с годами не проходит.

Зола отпыхавших дней
Хранит нетленные уголья.
Достаточно малейшей боли –
И пламя возгорится в ней.

Воспламененная душа
Чужим страданьем обожжется
И, состраданием дыша,
Ответной болью отзовется.

Она во сне и наяву
Со мной. И никуда не деться!
В опасной зоне я живу,
И эта зона – зона сердца.

* * *

Вхожу в ручей, не зная броду, –
В волнах не отыскать следа.
А в холодеющую воду
Упала белая звезда.

Земля и космос воедино
Замкнулись токами волны –
Два грозноликих исполина
Одной звездой обручены.

И я уже не различаю
Границ меж небом и водой,
И удивленно ощущаю
Себя такую же звездой.

1980

* * *

Запламенела волчья ягода
Соцветием живых огней.
Загомонила птичья ярмарка,
Над вызревающей над ней.

Загомонила птичья ярмарка,
Слетевшись из окрестных мест, —
Все хвалят налитую ягоду,
Все хвалят, но никто не ест!

И разлетелись птицы яркие
В леса, умытые росой.
И полыхает волчья ягода
Своей никчемною красой.

Никчемной? Что ж мы злою тучею
Глядим на эту красоту?
За то лишь, что плоды горючие
Пришлись нам не по животу?

Неужто вечно — ненасытные! —
Молиться будем на живот?
...Малина вся давно осыпалась,
А волчья ягода живет.

И в час, когда морозы душат
И снегом давят небеса,
Горит она — и греет душу,
Горит — и радует глаза!

1977

* * *

О чем задумалась, душа?
Здоровы мы, и слава богу!
Жизнь бесконечно хороша,
С какого ни посмотришь боку.

Нет! Злата нет в моей казне —
Лишь хлеба малая краюха.
Ее достаточно вполне
Для доброго здоровья духа.

Скоропалительная страсть
Взахлест меня обуревала,
Но пасть, тем более пропасть,
Ты мне, спасибо, не давала.

И не вознес нас хитрый змей
В гордыне косной и печали:
Пусть жили мы судьбой своей,
Но ближних наших привечали.

А если разум гордый мой
Порою был с тобой в разладе
И возносился над тобой,
Так ты прости мне, бога ради.

Зато ничем, ведь знаешь ты,
Сумели мы не поступиться.
...Мы не теряем высоты, —
Как вольные большие птицы!

1982

* * *

И видно далеко. И слышится далёко.
Скурлыкал с облаков победоносный клёкот.

В засушливую гарь, к пожухлым перелескам
Явился птичий царь с величием и блеском.

Завидел малых птах, тугие крылья взбыстрил!
Но хлестанул в кустах тугой картечный выстрел.

И перебойный стон качался над полями –
За жизнь хватался он дырявыми крылами.

Потом в кровавой мгле, в гнилой овражной яме
Катался по земле и землю рвал когтями.

Крылами обнимал пеньки в горючей гнили.
...И все не понимал – за что его убили?

1975

* * *

Замри и жди!

За ближним полем и за дальним лесом
Гудят дожди
И грозovým железом
Зажгло небесный шелк – какая жалость!
В тяжелый шок
Земля с протяжным гулом погружалась.

А на скале,
У самого обрыва,
Тянулась к буре
Маленькая ива.

Горит лоза –
Шальная молния попала!
Что ей гроза?
Шалунья с молнией играла.

А что ребенок может знать о смерти?

В незнание жизни
Так прекрасны дети!

Смерть распалаяла молнию над ивой,
А жизнь была прекрасной и счастливой.

1985

* * *

Отскрежетали бензопилы,
 Задох березовый бальзам –
 Поленниц братские могилы
 Закостенели по лесам.

А жаворонок пел о лете!
 Текло июньское тепло.
 И, славя жизнь на белом свете,
 Все подрастало и цвело.

Бурлила в этой круговерти
 Такая сила естества,
 Что вперекор матерой смерти
 Цвели в поленницах дрова.

Листва резвилась молодая –
 Тянулась к солнышку она,
 Своим явленьем утверждая,
 Что на миру и смерть красна.

И утверждало то явленье,
 Что жизнь безмерно хороша, –
 Коль даже в смертное мгновенье
 К живому тянется душа!

1985

* * *

Тонкий голос на том берегу
 Предавался печальным мотивам –
 Возлетал над скалистым обрывом,
 Ниспадал к холодеющим ивам,
 Пробегал по желтеющим нивам
 И терялся в стогах на лугу.

Ах ты песня – больная душа!
 Ах певунья – родной человече!
 Вы зачем в этот ласковый вечер
 Повели невеселые речи,
 Все вокруг и во мне вороша?

Ведь любого кручина возьмет,
 Если боль поднялась в человеке,
 И, смежив отягченные веки,
 Одиноко, как птица на ветке,
 То ли плачет он, то ли поет.

И машу я певунье рукой,
 Только зря я ее беспокою!
 ... Тихо песня плывет над рекою
 И душа заболела тоской –
 Никому не понятной тоскою.

1976

* * *

Снова ловят бездомных собак,
Загоняют голодные стаи.
Люди добрые, что же мы так –
Что ж для них мы недобрыми стали?

Почему, ну, скажите вы мне,
Нет им места под небом огромным?
Это ж только по нашей вине
Пес домашний стал зверем бездомным.

Почему, все живое поправ,
Без вины, просто так, в одночасье
Мы лишаем их жизненных прав,
Даже права на наше участие?

Неужели – пустые слова:
Доброта, пониманье, щедроты?
Всем одни нам даются права,
Все мы дети единой природы.

Загляните дворняге в глаза,
Распахните закрытые двери,
Приласкайте бездомного пса –
Он нам верит, пока еще верит.

Как он помощи ждет, боже мой!
Он участия ждет и любви.
– Эй, бродяжка, пойдем-ка домой:
Мы с тобой – одной крови.

23 мая 2002

* * *

Роняют литые искрины
Костра смоляные дрова.
Роскошной пуховой перины
Отмякшая за день трава.

Какие душистые злаки,
Какие под нами цветы!
И светишься ты в полумраке
Прекрасней Полярной звезды.

И я над земною звездой
Склоняюсь, как над родником,
Дыхание пью дорогое
Мучительным долгим глотком.

В беспамятной зыбкой истоме
Ночь раскалена добела!
И, словно ручьи в буреломе,
Сливаются наши тела.

Дыханье иного истока
Рождается ночью такой.
...Зачем тогда так одиноко
Девчонка поет за рекой?

1984

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Н. Сундееву

Горит тридцатая свеча,
Напоминая: мир не вечен!
Года летят, как саранча,
На эти тающие свечи.

Уже почти что не дыша,
Я ощущаю ток природы.
О чем волнуется душа
Под убывающие годы?

Душа печалится о том,
Что в час, когда погаснут свечи,
Я поселюсь – уже навечно –
В заоблачный высотный дом.

Просторно будет в том дому,
Но в долгий одинокий вечер
Друзей моих я не приму,
Когда они попросят встречи.

Я прокричу им в тишине –
Пусть лучше проклянут в обиде:
«Вы все не интересны мне.
Я вас не жду. Не приходите».

1984

КРАСНЫЙ ВОЛК

Михаилу Евдокимову

Горят костры. Деревня травит волка.
Кольцом флажков сомкнулась западня.
Возьмут его у ближнего околка:
Он красного боится, как огня.

Я – красный волк! Меня не любит стая,
Но терпит мои дерзкие клыки
За то, что я один в горах Алтая
Вожу ее за красные флажки.

Красный волк, я в себя только верую.
Я бы прожил один в этих диких острожных горах,
Но с упорством волка я вожу за собой стаю серую:
Я хочу, чтоб она одолела свой страх.

А вот и псы мелькнули среди сосен,
Завыла стая за моей спиной:
Для них, для серых, красный цвет несносен,
Но я пошел и все пошли за мной.

Красный волк, я в себя только верую.
Я бы бросил давно и матерых, и малых волчат,
Но с упорством волка я веду за собой стаю серую,
И они через страх по следам моим мчат.

А тот, один, что мечется без толка,
Уже попал на линию огня,
Уже прицельно вскинута дустволка –
Зачем он не послушался меня?

Красный волк, я в себя только верую.
Я бы прожил один в этих диких острожных горах,
Но с упорством волка я вожу за собой стаю серую:
Я хочу, чтоб она одолела свой страх.

24 ноября 2003

* * *

Память, память... В хмельной пирушке –
Охолонься, столичный шик! –
Трезвым голосом пел частушки
Большерукий худой мужик.

Ах, как пел! Становилось тесно
На частушечном дроботке!
И тогда восходила песня:
«Вниз по матушке по реке...»

Передашь эту песню разве?
И в холопстве, грязи, тоске
Жил несломленный Стенька Разин
В этом сrostкинском мужике.

Замораживалось застолье,
Когда он поникал молчком.
Душу рвало вселенской болью,
Как обдирочным наждаком.

Только что же я, в самом деле,
Плачу будто? Господь, спаси!
Жил в болезненном этом теле
Дух могучий Всея Руси.

Не придумаешь бесполезней –
Шукшина измельчить, избыть:
Восходил он народной песней,
Песню эту не позабыть, –

Потому что она звучала –
Что слезинка текла с лица:
От единственного начала,
До единственного конца.

1974

* * *

Вовек мне такого не знать бы,
Да было, видать, суждено!
... Гуляли хорошую свадьбу
В поселке Глубокое Дно.

По добрым обычаям русским
Всего было в досталь и власть. –
Ломились столы от закуски,
Рекой медовуха лилась.

Изба содрогалась от пляски,
Летели к чертям каблукки!
Дробя половицы хрястко,
Ярились в гульбе земляки.

Хмельно, озорно, оголтело
Веселье то было, и вдруг
Девчонка ко мне подлетела:
– Айда, чернобровый, на круг!

А я, словно кем-то освистан,
Стою перед ней на кругу:
Любые отгрохаю твисты,
А «русский» сплясать не могу!

Затих на мгновение танец,
Все молча глядят на меня,
Как будто бы я – иностранец,
Как будто моя в том вина,

Что без сожаленья и боли
Родное теряем в летах...
И русского в многих не боле,
Чем запись о том в паспортах.

1980

* * *

1

Кормились желтым молоком
И свежую картошкой.
Уже дышало холодком
Черненное окошко.

По-птичьи пели на заре
Сосновые стропила.
И это было в сентябре,
И ты меня – любила.

2

Вот и канул в ночной водоем
Мой последний усталый испуг.
Что застынет во взоре моем,
Если жизнь остановится вдруг?

Только призрак соседской избы,
Где мой друг замаячил в окне,
Только отсвет Полярной звезды
На твоей окрыленной спине.

Только милого лика черты,
Что улыбчив надеждами снов, –
Только ты, только ты, только ты!
...Остальное не стоит и слов.

1975-1983

* * *

Как долго он терпел в себе раба,
С самим собой пытаюсь торговаться!
Он думал: «Такова моя судьба –
Пред силою стихийною смиряться».

Но потянуло севером с полей.
Дышала стужа гонором и спесью.
И косяки отлетных журавлей
Метались в бесприютном поднебесье.

Откликнувшись на журавлиный зов,
Пошел он почерневшим косогором
В простор полей, в печальный шум лесов,
К бездонным холодеющим озерам.

Казалось, что, к чему ни прикоснешь,
Все замерло! Что буйствовать впустую?
Но, присмотревшись, он увидел: жизнь
Корежится, клокочет, протестует!

Сносящий над собой любую власть,
Он ощутил обратный ход явлений:
Есть лишь одна возможность не пропасть –
Подняться с подломившихся коленей.

Единственно достойная судьба –
Убить в себе безропотность вассала!
...Суть человека, а не кровь раба
Проснулась в нем и к жизни призывала.

1980

* * *

И вновь с ослепшей высоты
По гулкам рощам сентября
Потоком омутной воды
Стекает поздняя зоря.

И на оконное стекло
Дождь налегает тяжело.
И меж деревьев за село –
Меж пальцев! – лето утекло.

1976

* * *

Как трудно умирают сентябри!
Так умирают люди от удушья.
Откинувшись на холм, как на подушку,
Сентябрь прощальным пламенем горит.

Сгорает солнце за большой горой,
Стада уходят в дальнюю деревню.
Роняя в речку желтых листьев рой,
Со вздохом раздеваются деревья.

И грустно мне под шелест ветерка
Смотреть на заголившиеся чащи
И понимать, что наша жизнь – кратка,
Что все в нее приходит – уходяще.

17 сентября 2004

* * *

Маленький человек, что ты в себе таишь,
Что так скрываешь ты под наслоением грима?
Маленький человек тихо живет, как мышь.
Мимо проходит жизнь. Та, что неповторима.

Дождь ли стучит во тьме или кружится снег,
Жаворонок поет, кричат ли мудрый ворон,
Заперт от них твой мир, маленький человек, –
В чем-то привычно бел, в чем-то привычно черен.

– Только бы день прошел, только бы без потерь! –
Что-то свое кроит, что-то к чему-то лепит.
...Маленький человек глухо задраил дверь...
Сам по себе. Один. Будто в фамильном склепе.

16 сентября 2004

* * *

То ли ведро, то ли дождь –
Разница какая?
Все ровно чего-то ждешь,
Жизнь свою листая.

«Ладно! – думает. – И все ж
Пусть пореже будет дождь,
А почаще – ведро».

... Так однажды и помрешь.
Безмятежно. Бодро.

1980

* * *

Какой закаменелый мрак!
Дождя дымящийся гудрон.
Застойный мусорный овраг
Забит лохмотьями ворон.

И тяжек осмраденный дух.
И воронье корежит слух.

Но что это? В сетях ветвей,
Что по оврагу свил кизил,
Запел залетный соловей
И все вокруг преобразил.

Смотрите: это ж не овраг,
А чуткий предвечерний лес!
И обложной холодный мрак
Протяжно вздрогнул и исчез.

Не ворон заломил крыла,
Срываясь в закоснелый смрад,
А лебедь белая плыла
В червленый золотом закат.

Самозабвенно и светло
Соловушка горел дотла! –
Искусство встало на крыло,
И целый мир обрел крыла.

1983

* * *

Михаилу Бойко

Дождь со снегом. Гнилая пора!
 Опустели лесные дороги.
 Загудели с низов севера
 И шуга конопатит пороги.

И по самые плечи погруз
 В загустевшей реке дебаркадер.
 Кособокий коричневый катер
 На обратный настроился курс.

Отплываем. Сквозит из-под ног
 Просмоленная палуба. Горько
 Пахнет дымом. Над черным пригорком
 Одичалый прощальный гудок

Вертикально восходит. Потом
 Еще долго аукает в соснах.
 И качается мокрое солнце,
 Как спасательный круг за бортом.

Пароходику долго ползти!
 Много скормится крепкого чаю.
 Много на двухнедельном пути
 Я хороших людей повстречаю.

Будет так. Мне с рожденья везло:
 И в горячке, и в смутной остуде
 Поднимает судьба на крыло
 И встречаются добрые люди.

1975

* * *

Всю ночь кричали гуси за рекой,
 Кричали, табунились на отлете.
 Крик восходил на самой скорбной ноте
 И человеческой полон был тоской!

О чем они скорбели и о ком?
 Кому так обездоленно рыдали?
 Их понимали лишь родные дали —
 Они знакомы с птичьим языком.

И видел я, как рано поутру
 Шли гуси золотыми косяками.
 Рябины вслед махали им руками,
 Крутые шеи выгнув на ветру.

Кружась над холодеющей рекой,
 Мерцали птицы в царственном величье,
 И вдруг во мне проснулось что-то птичье —
 Я поднебесной полон был тоской!

1984

* * *

Что случилось? Назрела такая пора –
 Помолчать! И в молчанье послушать ненастье...
 На какие крыла, на какие ветра
 Встало нынче мое неумное счастье?

И зачем ему снова куда-то лететь
 Иль бежать по разбитой дождями дороге?
 Залегло бы оно, будто сытый медведь,
 В коммунальной, с удобствами всеми, берлоге.

...Загустеет и рухнет мне под ноги мрак,
 Затрещат деревья и земля от мороза.
 И в распадке глухом распрягу я собак,
 И костер разведу в затишке у тороса.

Будут искры плясать, будет пламя гудеть,
 Отгоняя подальше заклятую стужу.
 И придет из пурги настоящий медведь,
 Отогреет озябшие лапу и душу.

Яркий свет костерка озарит черный снег,
 Улетит в непогоду, как добрая птица.
 И к теплу моему приползет человек,
 Потерявший надежду к спасенью пробиться.

И пойму я, что крепко мне в жизни везло,
 Хоть всегда мое счастье срывалось куда-то
 И сегодня опять поднялось на крыло...
 Только б не улетело оно без возврата!

1985

* * *

На износившихся снегах
 Едва проталины серели,
 А в заповедных закутках
 Цвели прохладные сирени.

Ах, оттепели в январе!
 Земля очнулась от наркоза,
 А на оттаявшем бугре
 Раскрылась юная береза.

Цветы зимы! Их чистота
 Дышала истиной простою:
 Уже подведена черта
 Под беззащитной красотой.

Безумно захотелось мне
 Воздать за красоту сторицей!
 Поднять прекрасное в цене,
 С дешевками не примириться.

Успеть! Пока еще мороз
 Броней не сковал проталы...
 А с веток капельками слез
 Сирень большая облетала.

1985

* * *

Да! Дерево пело с утра.
А к вечеру мертвым лежало.
Злорадствовал дух топора.
Гадючилось пыльное жало.

Соседи гурьбой налегли,
Хохмили, бригадно мышкуя,
И вскоре валялись в пыли
Дрова на растопку-другую.

Разбойнички-соловьи,
Соседушки-соловьишки,
Сподручно ль вам души свои
Разделявать на дровишки?

Да, дерева было мне жаль –
Я знал эту липу от века,
Но пуще терзала печаль
За близкого мне человека.

Ведь липа – стройна и свежа –
Еще повторится на свете,
А вот возродится ль душа
Хотя бы в едином соседе?!

1984

* * *

Ни огней. Ни дорог. Все сокрыто метельною заматью.
Догорает камин. Остывает седая зола.
Мне не спится опять. Я блуждаю задворками памяти.
В груди пепла ишу хоть крупинку тепла.

Я опять в той стране, где разлуки со встречами
скрещены.

Я кого-то зову, но молчанье во мраке ночном.
Пусто в доме моем. Ни собаки. Ни друга. Ни женщины.
Только ветер бездомный тоскливо скулит под окном.

Дай мне, Господи, сил устоять перед грозною бездною,
Не скатиться в нее, не сойти перед нею с ума!
...Безнадега пришла. Придавила пятою железною.
Да сползает по стеклам тягучим липкая тьма.

16 сентября 2004

* * *

Пробился мотылек сквозь тьму
И закружился возле лампы.
И протянула смерть к нему
Свои блистательные лапы.

Но не возбунтовало в нем
Предчувствие суровой были.
И он кружился над огнем,
И крылышки уже дымили.

Метался из последних сил
В удущье собственного дыма!
Но ветер лампу загасил,
Ворвавшись в комнату незримо.

И мотылек в глухую тьму
Вновь погрузился сквозь оконце,
Готовый вечно мстить тому,
Кто погасил ночное солнце.

1984

* * *

Холодное солнце упало в реку,
А тишь – будто мир только зачат!
Лишь плачет ребенок на том берегу,
О чем-то по-взрослому плачет.

В природе такое царит торжество,
Что трудно представить т а к о е!
Но плачет ребенок, и слезы его
Уже не дадут мне покоя.

Мне плач этот – будто бы на́ сердце соль:
Да что же вы там, святотатцы?
И так мне близка эта детская боль,
Что сам я могу разрыдаться, –

Как будто бы сам я, дожив до седин,
Ребенком очнулся спросонок.
...Мы все виноваты, пока хоть один
Рыдает от боли ребенок.

Я был бы собою доволен вполне
И миром, что праведно зачат,
Но плачет ребенок, и кажется мне,
Что все человечество плачет.

30 октября 2000

СТИХОТВОРЕЦ

А ты хитер! Но хитрости твоей
 Всегда недоставало вдохновенья.
 ...Поет в кленовой роще соловей –
 До безрассудства, до самозабвенья.

Вот в чем секрет! Ликуя и скорбя,
 Уже почти на запредельном чувстве
 Восходит соловей в своем искусстве
 До полного забвения себя.

А потому все безнадежно ясно:
 Фигуры хитромудрые лепя,
 Ты о себе хлопочешь, для себя!
 И никогда не спеть тебе прекрасно.

1985

ХУДОЖНИК

Зачахли его камыши
 И певчие птицы молчали –
 Одним не хватало души,
 Другим не хватало печали.

Желтели его зеленыя,
 Угасло течение речки...
 Холстам не хватает огня?
 Найдут его в печке!

Стихает, насытившись, печь.
 Последняя искорка бьется.
 В душе бы такую возжечь,
 Но это немногим дается.

Рискнуть? Бесполезно уже.
 Художник присел на тренажник
 И тихо заплакал... В душе
 Он был настоящий художник.

1985

* * *

Не мог он докричаться. Нет!
 ...Как бы окольной тропой
 Пройти хотел на близкий свет –
 Я занят был самим собою.

...Дрожал косноязычным ртом,
 То стоны издавал, то клёкот...
 А я, как речка подо льдом,
 И близко был, и так далёко!

Непонятый ушел он в ночь,
 Остался там под старым вязом...
 Как он просил меня помочь!
 И я обязан был, обязан, –

Пусть хоть не дружески обнять,
 Но не вострить в сторонку лыжи,
 Пускай не до конца понять,
 Но попытаться хоть услышать!

Подобно страшному лучу
 Горит возвратная монета:
 Я рвусь на ясный свет, кричу!
 Но нет ответа...Нет ответа.

1985

ОТДАЧА

Была сентябрьская пора,
 Кукушка с самого утра
 Безбедно куковала.

А мы с товарищем вдвоем
 Лежали тем погожим днем
 На крыше сеновала.

Мы были молоды тогда,
 От нас шарахалась беда,
 Бежала прочь усталость.

И друг мой прокричал в рассвет:
 – Скажи, кукушка, сколько лет
 Еще нам жить осталось?

Мы твердо верили в тот миг,
 Что будет длиться птичий крик
 Без края и начала, –

Что вечность впереди у нас...
 Но, прокричав пятнадцать раз,
 Кукушка замолчала.

Друг разозлился на нее,
 Помчался в дом, схватил ружье
 И, закоптивши мушку,

Весь день болтался по логам,
 Потом швырнул к моим ногам
 Убитую кукушку.

При этом он сказал еще:
 – Едва не высадил плечо
 Ко всем чертям собачьим!

И по недвижимой и влёт
 Ружье твое отменно бьет,
 Лишь велика отдача.

С тех пор прошло пятнадцать лет,
 Мой друг исколесил весь свет
 В погонах капитана.

А вот вчера узнал я вдруг:
 Погиб мой самый лучший друг
 В горах Афганистана.

1981

* * *

Забываются лица ушедших друзей
 И живущих друзей расплываются лица.
 Ничего не напишешь: вчерашней грозе
 Никогда не дано на земле повториться.

Жизнь уходит, как палуба из-под ног!
 Мы ее провожаем сухими глазами.
 Ничего не напишешь: на нервах дорог
 Нелегко пересдать свой вчерашний экзамен.

С каждым днем все грозней замыкается круг,
 В нем за радостью волки крадутся по следу...
 Друг единственный, ты не последний мой друг!
 Убывающий день, ты еще не последний.

1974

СОН В ЗИМОВЬЕ

...Ударит первая сова
По барабану тишины –
Аукнут скорбные слова,
Они покуда не слышны.

И взбунт звездные холмы
Предощущением печали,
И Родионовна из тьмы
Навстречу выйдет в черной шали.

И хлынет иней по щеке!
И я увижу: у избушки
На запорошенном лужке
Лежит заочневший Пушкин.

Звезда перечеркнет восток,
И я увижу, как в тумане
Порхает мерзкий хохоток
Смертельного непониманья!

1980

* * *

Кто из нас не плакал под березами
От обиды горькой за людей?
Те обиды черными занозами
Поражают сердце все лютей.

В детстве так легко и сладко верится:
Красотою создан человек!
...Обернулся белоствольным деревцем
Детской веры хрупенький побег.

Но однажды – помню то мгновение! –
Увидал я в утреннем лесу:
Извели в копеечные веники
Божью беззащитную красу.

До свиданья, чудо яснолистое!
И во мне, как уголек в золе,
Поугасла искорка пречистая –
Вера в справедливость на земле.

1982

ЗАКЛИНАНИЕ

1

– Эй, братва, царский ужин готов! –
 ...Подоткнув брезентухи, как рясы,
 Мяли в десять прожорливых ртов
 Лебединое певчее мясо.

А над речкой, тревожа затон,
 Там, где волны кувшинки качали,
 Закувыкал тонюсенький стон,
 Человечьей исполнен печали.

Ну куда ж ты, куда, дурачок?
 ...Жалко плача, как малый ребенок,
 Плыл на пьяный ружейный зрачок
 Несмышленный ее лебеденок.

2

А под утро мне приснился сон,
 А, быть может, фильм документальный, –
 Будто наступил Армагеддон,
 Беспощадный и почти фатальный.

Я смотрел в блистающую стынь,
 Поглощая смертную усталость.
 А в просторе мировых пустынь
 Ничего живого не осталось.

3

Возможно ль, что однажды все умрет?
 О нет! Не верю я в прогнозы эти.
 Но если трезво посмотреть вперед,
 То кто из нас сумеет стать в ответе

За то, что мы топтали, как могли,
 Все то, чего не создавали сами? –
 Глумясь над всепрощением земли
 И потешаясь властью над небесами.

Больными изможденными глазами
 Природа смотрит: что же там, вдали?

4

А там, вдали, кровавится закат!
 Во все концы – кровавые закаты!
 Земли страданья – кто в них виноват?
 Сыны Земли, мы в этом виноваты:

Цифирь отчетов множа и дробя,
 Дробим природу в кубометры, тонны!
 О человек, услышь глухие стоны, –
 Ведь стонет мать, взрастившая тебя.

5

Не стреляйте белых лебедей.
 На охоте обойдите лося.
 Берегите в скачке лошадей.
 Сохраните до поры колосья.

Все живое Матери-Земли,
 Пребывай без роковых отметин!
 Если б мы друг друга берегли,
 Человек бы стал уже бессмертен.

Но стреляют белых лебедей
 И березоньку ломают в поле!
 Захлебнувшись одинокой болью,
 Лучшие уходят из людей...
 Не стреляйте белых лебедей!

* * *

Должна же быть хоть капля сострадания
 К живому, окружающему нас?
 ...Придет пора последнего желанья,
 И в скорбный час

Не дикая пустыня ледяная
 Остудит нас, умевших сострадать, –
 Да будет пухом нам земля родная –
 Живая сострадательная мать!

1982

* * *

Не популярный капитал,
 Не просто дань капризной моде –
 Заглядывать я чаще стал
 В глаза страдающей природе.

И понял я в какой-то миг,
 Преодолев огни и воды:
 Наш угасающий язык –
 Хрип угасающей природы.

И понял я: пройдут года –
 Падет природная основа,
 И нам не пережить тогда
 Потери почвенного слова.

1991

* * *

Памяти Николая Рубцова

Сквозь память скользнул он в Начало,
 Как зернышко сквозь решето.
 От радости сердце кричало,
 Но радость не слышит никто.

Любил он – такое уж дело! –
 И ленты вплетались в авто.
 Душа ликовала и пела,
 Но счастья не слышит никто.

Житейские сбросил вериги,
 Как сношенное пальто.
 Всей болью гасил свои крики,
 Но боли не слышит никто.

Не слышит! Да правда ли это?
 Пусть плачу я или пою –
 Живет во мне слово поэта,
 Открывшее душу мою:

«На темном разезде разлуки
 И в темном прощальном авто
 Я слышу печальные звуки,
 Которых не слышит никто».

Открыто сокрытое дышит
 И льет нам взволнованный свет,
 Покуда все видит и слышит,
 И пишет об этом – П о э т.

1985

* * *

Все! Сентябрь на исходе.
 Лист кружит над рекой.
 Воцарились в природе
 Чистота и покой.

Было время печали,
 Но хмельные сады
 Беспечально качали
 Наливные плоды.

Шел я в чистое поле
 Без тропы, наугад,
 Но не чувствовал боли
 Предстоящих утрат.

Разве жизни убудет
 С невеселого дня,
 Когда близкие люди
 Потеряют меня?

Разве жизни убудет?
 Ясноглазый мой сын
 Так же нежно полюбит
 Эту зелень и синь.

Все уходит когда-то,
 Но пребудет земля –
 С плодородностью сада
 И с тоской журавля.

1985

* * *

Будто еловая плаха
Или в чащобе сосна,
Скрипнула малая птаха –
Пробует голос со сна.

С росных ветвей краснотала,
В утреннем чистом окне
Птаха меня увидала
И устремилась ко мне.

Булькает что-то, стрекочет!
Бьется в избушку мою,
Будто бы выведать хочет –
Что я в ответ запою?

1991

* * *

Я не скажу, что многое постиг,
Но многое с годами стало проще.
Мне внятен ветра первобытный крик
И сладок тлен отзеленевшей рощи.

Озимые в полях моих взошли
И обнажился смысл загадок жгучих:
Рождение сына. Времена земли.
Безумная отвага звезд падучих.

Вот только одного я не пойму –
Как я однажды ко всему остыну
И погружусь в отравленную тьму,
Где ни звезды, ни родины, ни сына.

1977

* * *

Вот в чем дело: я оглох –
 Самого себя не слышу!
 ...Бури сумрачный сполох
 Дом трясет, сдирает крышу.

Но не тянет за порог,
 Хотя знаю: среди дороги
 Кто-то, страшно одинок,
 Ждет сейчас моей подмоги.

У настольного огня
 Ворошу пустые строфы,
 И не трогают меня
 Мировые катастрофы.

Как же так? Неужто я
 Превращаюсь в животину?
 Нет! Не жалко и себя,
 Если в буре этой сгину.

Никаких особых дум
 Не рождает злая сила.
 ...Просто осень. Бури шум.
 Просто старость подступила.

1990

* * *

Как гигантская стрекоза,
 Крылья молний раскинув над речкой,
 Камыши запалила гроза,
 Запластала гремучею печкой.

Опоясал речной водоем
 Гений смерти каленой подковой:
 Возносилась летучим огнем
 Нефть живая с воды родниковой.

Был я ужасом диким объят,
 Затаюсь под замшелой скалою,–
 Будто ахнул прямёхонько в ад,
 В преисподню с кипящей смолою.

Затихала гроза вдалеке,
 Уходя за поля и откосы,
 А вослед по горячей реке
 Долго мертвые плыли стрекозы.

2001

* * *

Закружилась в затоне листва,
 Ястреб нервными ходит кругами,
 Закружилась моя голова,
 Закружилась земля под ногами.

Осень кружит свои жернова,
 Золотую межу обминая,
 За которой диктует права
 Беспощадная тяга земная.

Обескровленный тягой земной,
 Я заметил: у ближнего края
 Кто-то тенью крадется за мной,
 Косоглазой улыбкой играя.

Это время крадется тишком,
 Ждет, что я, как в полете пичуга,
 Вдруг не слажу с привычным витком
 И сорвусь с заповедного круга.

2001

* * *

1

Взрастить бы иную надежду,
 Но твердо в сознании держу:
 Как розовую одежду,
 Тело свое изношу.

И что же? В мгновения эти,
 На крайнем моем рубеже,
 За все, чем живу я на свете,
 Ответить придется душе?

Душе! И средь зла и химеры
 Меня от паденья хранит
 Вот эта высокая вера –
 Незримый тревожный магнит.

2

Светало. Скрипели ступени крыльца.
 И клен у ворот осыпался.
 И ветер легонько касался лица,
 Как чьи-то прохладные пальцы.

Озимо дымились в логу под горой
 Колодцев замшелые срубы.
 Дышали березовой теплой корой
 Над крышами белые трубы.

Рыбачий баркасик напористо лез,
 Как в вершу, в кусты краснотала.
 Всего было вволю той осенью здесь,
 А мне так всего не хватало!

Безумно молил я продления дней,
 Но все же душа понимала:
 Любить эту землю всей жизни моей –
 Всей жизни – и той будет мало!

1979-1982

ЗАВЕЩАНИЕ

1

Как по первому лучу
 В скором времени, во скором
 Полечу я, полечу,
 Будто лист над косогором,
 Как прощальная слеза
 Над последним косогором.

Ты закроешь мне глаза
 В скором времени, во скором –
 По велению моему
 Ты мою исполнишь волю.
 ...Я другому никому
 Сделать это не позволю.

2

А когда я уйду за предел,
 Из которого видно далёко,
 Я б хотел, чтоб к тебе долетел
 Журавлиный тоскующий клетот.

Взглядом пристальным испепеля
 Версты чистых небесных полотен,
 Ты, увы, не найдешь журавля,
 Потому что я стану бесплотен.

Но почаще смотри в небеса,
 Чтобы в ясные дни и в метели
 Мог я видеть родные глаза,
 Что при жизни мне в душу глядели.

19 декабря 1999

* * *

В час ночной, когда лишь крики совы
 В спор вступают с нервной тишиной,
 Сходятся неслышно к изголовью
 Женщины, оставленные мной.

Вот одна: по виду недотрога –
 Яркая холодная звезда.
 Поиграли мы в любовь немного,
 А потом расстались навсегда.
 Не сошелся клином белый свет,
 Если чувства не было и нет.

Вот другая: смотрит, не мигая,
 Словно заклинательница змей, –
 Не родная мне, не дорогая,
 Почему-то бывшая моей.
 Счет растет, а сердцу все равно,
 Словно смотришь старое кино.

Так чего же я ищу меж ними,
 Одинокий жребий свой кляня?
 Нет здесь той, чье буду помнить имя, –
 Что сама оставила меня.
 В райский сад прибрал ее Господь –
 Духом стала пламенная плоть.

Лучшие из лучших очень быстро
 Покидают этот грешный свет:
 Вспыхнут, непонятные, как выстрел,
 Оставляя незаживший след.
 Промелькнут внезапно, как болид,
 А всю жизнь о них душа болит.

17 апреля 1998

* * *

Кустарник. Кладбище. Кресты.
 Полуистлевшая ограда.
 И полотняные холсты
 Медлительного снегопада.

И, перемерзшая насквозь,
 Скрипит крушина у опушки,
 И шпиль бревенчатой церквушки
 Реален... как земная ось.

И я, веселый человек,
 Стою в молчании смиренном:
 И я реален в мире брэнном –
 Не более... чем этот снег.

* * *

Не беда, что пришли холода.
 Ничего, что ветра закричали.
 Не беда, что в озерах вода –
 Будто выдох неясной печали.

Ну какая же, право, беда
 В том, что скоро метели засвищут,
 А ушедшие наши всегда –
 Рядом с нами на старом кладбище?

Не тоска, что повеяли луга,
 Что поля и дороги раскисли.
 ...Скоро грянут большие снега
 И душа просветлеет, и мысли.

1976-1985

ЛУННАЯ ПЕСНЯ

Запрокинув косматые выи,
 За оврагом, где мост-перелаз,
 Волки лунную песню завьли,
 И волчица истомой зашлась.

Было в песне хмельное такое –
 Ожидай крутолобых волчат!
 И нестрашно лишило покоя
 Мужних жен и ничейных девчат.

Было в песне такое начало –
 Закипало безумье в крови!
 И казалось: округу качало
 Приближенье вселенской любви.

Первобытно сводило ключицы,
 Словно бил между ними родник...
 И призывные всхлипы волчицы
 Бреду женскому были сродни!

1980

* * *

Горят костры. Деревня травит волка.
Он вертится волчком в кольце огня.
Возьмут его у ближнего околка.

И словом, и отменною двустволкой
Травили в этой жизни и меня.

Стреляют. Визг. Уж лучше бы – в меня!
Затихло все. Лишь эхо плачет долго.

1980

* * *

Однажды нахлынет и – точка!
Тоска обескровит глаза.
И я прибегу среди ночи
На хмурый бессонный вокзал.

Потом на таежном разъезде
В снег выброшу смятый билет.
Знакомое с детства созвездье
Подарит мне ласковый свет.

Да только сойду я с дороги,
Увязну в сыпучем снегу.
По черному рысьему логу
Уйду в гаревую тайгу.

И будут тревожные трубы
О чем-то забытом трубить.
И будут обмерзшие губы
О чем-то упрямо твердить.

Не зная, зачем это надо,
Пройду я сквозь ночь и пургу
И где-то у тайного скрада
Костер разведу на снегу.

А в розовых соснах – зеленая дача,
Где музыки много и много огня.
Зачем я стою здесь, зачем же я плачу?
Здесь всем хорошо, здесь не ждали меня.

Теряя последние силы,
Я рухну поближе к огню.
И ворон мне каркнет с осины,
Что принял меня в родню.

1975

РАЗЛАДЫ

1

Собачий лай. Протяжный свист.
И выстрел в глубине низины.
Слетает запоздалый лист
С озябшей сторбленной осины.
Земли коснулся он, шурша,
И скорчился осиротело.
Как чья-то хрупкая душа,
Уже покинувшая тело.

2

Все тот же лай. И тот же свист.
И выстрелы по Затоболью.
Душа, как занемогший лист,
Полна невыразимой болью,
Как будто точно знает час –
Тот час распада и ухода,
Когда уж не спасают нас
Ни медицина, ни природа.
Скольжу по выбитой лыжне
В лесу бездонно-опустелом...
Предчувствуя разлады с телом,
Душа безмолвствует во мне.

1976-1980

* * *

Воля, что ли, моя оскудела,
Иль душа зачерствела от бед?
Угасает любимое дело,
Но до этого дела мне нет.

И нисколько не трогают душу,
Словно это бездушный музей,
Верность самых неверных подружек
И предательства верных друзей.

И не больно в мгновения эти,
Безнадёжно махнувши рукой,
Верить самой недоброй примете,
Обещающей полный покой.

Только вдруг, будто в самом начале,
Будто песня в немой тишине,
Выше всякой тоски и печали
Возникает надежда во мне, –

Что уладится всё, утрясётся!
Что напрасны тревоги мои.
Так в июле у горла колодца
Ждешь восхода студёной бадьи.

1975

* * *

О, как преобразился мир!
И ты во двор бежишь без шапки,
И попадаешь в звонкий тир,
Где бьет капель в сарайчик шаткий.

Как будто только из печи,
Дымится солнышко над полем,
Горланят тощие грачи
В своем отечестве тополем.

В голубоватых тальниках –
Ручейный первобытный лепет.
А реактивный в облаках –
Как возвращающийся лебедь

Косые крылья распростер,
Врезаясь в толщу небосвода;
Какой ликующий простор,
Какая страшная свобода!

Земля! Мир дому твоему!
Жизнь увлекла своим круженьем
Так вольно, что и смерть приму –
Ее прекрасным продолженьем.

1977

ЖИЗНЬ

1

Когда мне трудно, когда очень трудно,
Когда и жить не хочется на свете,
Я вспоминаю один давний случай,
Один момент из детства моего.
...Над озером лесным, в тиши пугливой,
Над сонным царством лилий и кувшинок,
Со свистом рассекая сочный воздух,
Кружилась стайка крохотных стрекоз.
Я увидел их и застыл на месте:
Передо мной блистали в хороводе
То – сотни радуг сказочных расцветок,
То вдруг – десятки настоящих солнц!
Они порхали над озерной синью,
То ввысь взмывали, то воды касались,
И мне казалось, что они смеялись,
Как дети, увлеченные игрой.
О, как мне захотелось в то мгновенье
Поймать одну из них, рукой потрогать
И стать владельцем маленького чуда,
Сплетённого из солнечных лучей!
Мне посчастливилось: от стаи оторвавшись,
Одна из них полет свой прекратила –
Возможно, отдышаться захотела –
И села в полуметре от меня...

2

Я пальцы разжимал с большой опаской –
Боялся, чтоб она не улетела! –
Но то, что на ладони я увидел,
Заставило расплакаться меня:

Она была ничуть не лучше мухи!
 Да как могли мне показаться солнцем
 Уроливое хиленькое тельце
 И два бесцветных слюдяных крыла?
 Я бросил ее вверх: «Лети к подружкам.
 Лети вперед! Лети моя стрекозка!» –
 Но не взлетела стрекоза, а грустно
 Упала в камыши к моим ногам.

3

Летят мои года – большие птицы!
 Живу, как мне подсказывает совесть.
 И разное со мной случилось в жизни –
 То ввысь взмываю, то срываюсь вниз.
 И если мне бывает очень трудно,
 Так плохо, что уже невыносимо,
 Я вспоминаю давний случай детства –
 Тот самый день у озера в лесу.
 И говорю себе я: «Жизнь прекрасна!
 Неповторимостью своей, тоской и мукой...
 Пусть даже вдруг она напоминает
 Мне стрекозу из детства моего.
 Да! Но не ту, что на моей ладони
 Лежала хилым неподвижным тельцем,
 А ту, что в красоте и совершенстве,
 Неся в себе и радугу, и солнце,
 Над озером стремительно летит!»

1986

ПИСЬМО К ДРУГУ

Сотрясают осинник ветра –
 Это время пришло листобою!
 Значит, милый, настала пора
 До конца разобраться с собою.

Как достойно деревья стоят,
 Заглушая глубинные стоны!
 И могучий сквозной листопад
 Над Россией гудит монотонно.

Будто с гулкого веретена,
 Лист, срываясь, летит по низинам...
 Но однажды нагрывает весна
 И листья возвратятся к осинам.

Значит, надо без грусти и зла
 Осознать поскорей, но не спешно,
 Что потери листвы неизбежны,
 Что главное – здоровье ствола!

Устоять на просторе сквозном,
 Сохранить благородство породы,
 Оставаться надежным звеном
 В неподкупной системе природы.

1985

* * *

А когда и последние силы
 Обесточит течение лет,
 Я спокойно пойду до могилы –
 Буду верить: не смерть это, нет!

Буду верить я в эти минуты,
 Что не жизнь остывает в крови,
 А тепло отдаю я кому-то
 Для большой долгожданной любви.

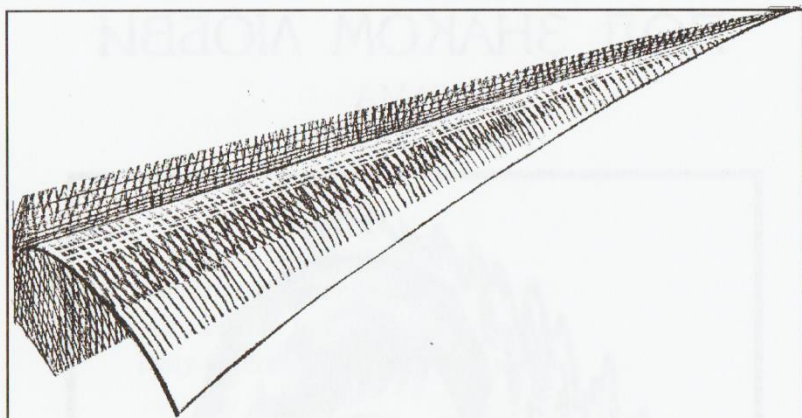
Я спокойно оставлю земное,
 Только б знать мне до крайнего дня:
 Пусть и плакали люди со мною,
 Да не плакали и з – за меня.

1982

ПОД ЗНАКОМ ЛЮБВИ

ДРАМА
 В ТРЕХ ЧАСТЯХ

Мощных клыков металлический стук
 Будит вечернюю тишь полей:
 Под игривые вежливы сук
 Бьется дюжина кобелей.

Рев. Рычание. Клубится шерсть –
 Ни боков, ни глотков не жалко!
 И вот уж не дюжина, только шесть
 Продолжают грызнию и свалку.

Пусть у глотки дымится кровь,
 Сука любовью своей излечит.
 ...Дорого стоит собачья любовь –
 Как же ценить нам любовь человеческую?!

Часть первая

ТЕРПКАЯ РЯБИНА

* * *

В экстазе ты кричала «да!»,
 Беря меня почти что силой.
 И вопль искривленного рта:
 – Еще, еще, еще, мой милый!

Метался змейкою язык
 В горячей влажной позолоте.
 Но это был всего лишь крик
 Желаньем воспаленной плоти.

Метались сполохи огня
 В глубинах чувственного тела.
 Но ты хотела не меня –
 Ты просто близости хотела.

В экстазе ты могла сама,
 Сама себя порвать на части!
 Но ведь и я сходил с ума
 От этой неумной страсти.

К чему лукавить? Никогда
 Не позабуду эту ночь я:
 Оскал искривленного рта
 И спину, порванную в клочья!

...Полет безумный в никуда...

17 декабря 2001

* * *

Эта ночь плыла в никуда,
 Эта ночь плыла из любви в любовь.
 Помню точно: была среда,
 Помню: что-то чужое
 закралось в кровь

Были жесткими мы, как остья,
 Все в поту, как в бою пехота.
 Мы любили друг друга со злостью,
 Словно мстили себе за что-то.

Впрочем, все не так, все не так –
 Все я выдумал, и не в том беда.
 Просто добрый седой чудак
 Злился на себя за свои года.

Ты ж была моей дивной гостьей,
 Ты была моим медсанбатом:
 Научила, как быть со злостью
 И себя не считать виноватым.

Нас волна сорвала с плота
 И несла всюю прямо в круговерть,
 И тянула нас в омота,
 Где вдвоем легко, в одиночку – смерть.

Нам вдвоем хорошо с тобою,
 Это было внезапным раем,
 Это все называлось любовью,
 От которой порой умирают.

10 июля 1999

* * *

Девочка! Гитарная струна!
 Спой мне песню о листве осенней!
 Спутница, любовница, жена –
 Ты мое последнее спасенье.

Хрупенький росточек бытия,
 Нервный сгусток трепета и страсти,
 Пой же, пой мне, девочка моя,
 Радость и беда пиковой масти.

Где вы, девы игрищ и забав?
 Канули то в фарс, то в мелодраму.
 Все, что можно, вдребезг проиграв,
 Ставлю я на пиковую даму.

Ты гляди, гляди в мои глаза,
 Предвещай хорошие погоды,
 Только вот бубнового туза
 Выбрось из пылающей колоды.

Да не рви басовую струну,
 Старая, как мир, гитара-сводня!
 Жизнь моя сегодня на кону,
 Мне нельзя проигрывать сегодня.

Ну, а вдруг да все же упадет
 Туз бубновый на последней взятке...
 ...Бог ты мой, но как она поет,
 Как с судьбой моей играет в прятки!

7 апреля 2002

* * *

Блаженна дачная страна,
 Позолоченная кострами!
 ...Машинно вскрикнет тишина,
 И снова тихо, как во храме.

И вдоль студеного ручья,
 Как журавлиха-босоножка,
 Проходит женщина ничья,
 А может быть, моя немножко.

Так беззащитно хороша
 Она под знаком одиночества,
 Что в ноги падает душа
 И упоенно плакать хочется.

Но я-то знаю, что она,
 Еще с бунтующих девчонок,
 Как тетива, напряжена,
 Дерзка, как молодой волчонок:

Смлада взросло в ее крови,
 Что все хотят ее обидеть!
 Природой дан ей дар любви,
 Людьюми – наука ненавидеть.

Мир одиночества ей мил –
 Он так прекрасно человечен!
 ...О кто ж ее так надломил,
 Кто так глумливо изувечил?

И, может быть, любовь моя, –
 Пусть не в момент, не в одночасье, –
 Вернет ей радость бытия,
 С собою и людьюми согласье.

11 апреля 2002

* * *

Снова гаснет свет в домах,
 Снова день пошел навывечет.
 На груди моей

впотьмах

Чья-то женщина мурлычет.
 Или все-таки моя?
 Лик ее прекрасно-светел!
 На ухабах бытия
 Я ее случайно встретил.

От кого, как от огня,
 Убегала без оглядки,
 А, наткнувшись на меня,
 Поняла, что все в порядке, –
 Что не просто так пути
 Наши с ней пошли навывечет?
 Припеклась к моей груди,
 Нежно песенку мурлычет.

Жизнь дается только раз,
 Не начать ее сначала!
 Но хочу, чтоб в смертный час
 Эта песенка звучала:
 О скрещенье двух путей,
 Что стеклись в единой точке,
 О печали двух людей,
 Что бредут поодиночке, –
 О ночах, где соловьи
 Жаждают песенного чуда,
 О бесхитростной любви,
 Что приходит ниоткуда.

26 января 2000

* * *

Вползала машина на пик крутяка,
 В глазах твоих бились сомненье и робость:
 Лишь только моя содрогнется рука,
 Мы грохнемся тут же
 в зевластую пропасть.

Мотор, все пределы уже перекрыв,
 У самого крайнего замер порога,
 И сам я с тоскою глядел под обрыв,
 В душе уповая на господу Бога.

С ухмылкой в лицо мне смердила беда,
 Хрипела в моторной одышке и сбоях,
 Я, честно признаться, молился тогда,
 Но не за себя, а за нас, за обоих.

Еще пару метров! Последний натяг!
 А там уже вниз я сумею спуститься.
 ...Ну, вот мы и взяли проклятый крутяк,
 Парим в поднебесье, как сильные птицы.

Довольно бухтел утомленный УАЗ,
 А ты улыбнулась: – Хорошее дело!
 Я, честно признаться, молилась за нас. –
 За нас! И душа моя в небо взлетела:

За нас, за обоих, а не за себя –
 В таком признаются не с жару, не с пыла.
 ...Ну, как же такое сказать, не любя?
 А значит, любила меня ты, любила!

7 апреля 2002

* * *

Ты все круче забираешь власть,
 Всё во мне сметающая лава!
 Господи, откуда ты взялась,
 Дорогая ты моя отравка?

Как вольготно жил я без любви,
 Жил да не тужил, как кот-бродяга!
 А теперь огнем кипит в крови
 Душу обжигающая влага.

Мне спокойно не прожить и дня,
 Где же весь мой опыт и сноровка?
 Смертно опоила ты меня,
 Юная прелестная колдовка.

Опоила! Да еще налей –
 Выпьем за любовь, краса-девица!
 ...Не жалей ты зелья, не жалей,
 Сам я рвусь тобою отравиться.

14 апреля 2002

* * *

Уже отрезвляясь, еще во хмелю,
На грани ухода, в объятиях смуты,
Люблю тебя, девочка, просто люблю!
А что еще скажешь в такие минуты?

Уже отрезвляясь, еще во хмелю,
Цепляясь за жизнь, изживая усталость,
Люблю тебя, девочка, просто люблю –
Одна только ты у меня и осталась.

18 мая 1999

* * *

Мы жили в просторной кедровой избе,
Под нежно-смолистой таежною весью.
Любовью своей прирастал я к тебе,
Как берег к реке,
как птенец к поднебесью.

Летели мы, черной молве вопреки,
В хмелящую бездну добра и согласия, –
Вот так же летят на огонь мотыльки,
Не зная, что можно сгореть в одночасье.

А мы полыхали в прекрасном огне,
Сжигая мосты, ни о чем не жалея!
И ты, как цветок, прирастала ко мне,
Озябшей душой помаленьку теплея.

11 апреля 2002

* * *

Девочка с рябиновыми бусами,
В одночасье ставшая судьбой!
Кровными негаданными узами
Мы теперь повенчаны с тобой.

Нет, мы не повязаны обетами! –
Как умеем, так вот и живем.
А придется, и с любыми бедами
Справимся мы как-нибудь втроем.

В пересудах, сплетнях перемолоты,
Сгоряча не упадем до зла.
...Только б мы подольше были молоды
Да здоровой доченька росла.

10 апреля 2002

* * *

Вот и скатился в ночь еще один денек.
Струилась из окна сентябрьская остуда.
А в небе над горой зажегся огонек,
В мгновение возник неведомо откуда.

Как будто над землей скакал небесный конь
И высекал огонь серебряным копытом!
А впрочем, что гадать? Тот призрачный огонь
Друг к другу нас повлек
стремительным магнитом!

И мы, два дикаря у первого костра,
Глазели на него: к несчастью или счастью?
И закружила нас волшебная игра
С бесстыдством дикарей
и первобытной страстью.

А вскоре он погас, тот странный огонек,
Скатился в никуда, придя из ниоткуда.
Спасибо же ему – за то, что он возжег,
За бешеный полет на дивных крыльях чуда.

А мы с тобой, глупцы, пытались разгадать
Значение и смысл неведомого знака:
Ниспослана была нам божья благодать,
Возникшая в ночи из царственного мрака.

Спасибо же тебе за этот дар ночной,
Мучительную страсть блаженного отдарка!
И счастлив буду я, покуда ты со мной,
Мой дивный огонек, прекрасная дикарка.

7 апреля 2002

* * *

Скорбный крик лишил тебя покоя
И метелью вынес из постели:
– Что такое? Что это такое? –
Это ночью лебеди летели.

Это ночью лебеди кричали,
Созывая отстающих в стаю,
Да крутыми шеями качали,
Над ночевкой нашей пролетая.

Видно, с перелетом запоздали –
Сбила с толку осень золотая!
В смерть они без отдыха устали,
А вожак подстегивает стаю.

А вожак несется, как комета,
Выгнув шею певчею струною!
...Пусть летят во все пределы света,
Только б ты всегда была со мною.

Даже если осень золотая
Запоет по перелетным нотам,
Даже если вдруг покличет стая, –
Не спеши, любимая, с отлетом.

11 апреля 2002

* * *

С восторгом безумья луна хохотала во мраке,
А мы без дорог уходили с тобою во мрак.
Слюной истекая, нам в спины хрипели собаки:
То злобные люди пустили по следу собак.

Занес же нас черт в захолустное это селенье,
Где люди живут по укладу затишья в войне,
А жены с мужьями, откушавши до изумленья,
Ввергаются в спячку,
спиной привалившись к спине.

О, как их бесило, что кто-то живет по-другому!
Они бы могли объявить тебя ведьмой лесной
И с камнем на шею швырнуть в Берендеевый омут,
Когда ты, нагая, купалась под полной луной.

Они бесновались. Орала о строгой морали.
И все потому, что нисколько не прячась от них,
Любили мы так, будто их на любовь обокрали,
Любовь всего мира с тобой поделив на двоих.

Их бедные души могли расколоться на части,
Когда мы с тобой целовались, как дети, резвясь:
Для нас это было Всевышним дареное счастье,
Для них, не любивших, срамная греховная связь.

А вот и свершилось! Злобьй переполнилась чаша!
Сторожкий поселок спяна загудел, как кабак!
И злобные люди вломились в пристанище наше,
И выгнали в ночь, и пустили по следу собак.

И мы, два изгоя, два странника Вечной Любви,
Бредем без дороги – в безумно хохочущий мрак.
И ноги кровавим, и души сбиваем до крови,
И Господа молим – за злобных людей и собак.

* * *

Мой ангел прилетел ко мне во сне
И рассказал: ты изменила мне.

Я не заплакал и не закричал,
Оплеванный ликующей толпой,
Сжег корабли, потом спалил причал,
Где мы впервые встретились с тобой.

Потом, когда на миг возникла ты,
Я лишь сказал: – Как можешь, так живи! –
И возложил бумажные цветы
На свежий холмик кладбища любви.

Мой ангел на серебряной трубе
Играл и пил со мной за упокой,
И первый раз при мысли о тебе
Не чувствовал я боли никакой.

Клубилось поминальное винцо
В крови моей, как беспроглядный смог.
Хотел представить я твое лицо,
Хотел представить, но уже не смог.

Потом твой образ все-таки возник:
Ты шла из сна и улыбалась мне.
И так безгрешен был твой милый лик,
Что стыдно-стыдно плакал я во сне.

6 мая 1997

* * *

– Ну, а вдруг я и вправду уйду? –
У меня ты спросила во сне.

Я проснулся в кошмарном бреду,
Будто спал на колючей стерне.

– Ну, а если я все же уйду? –
Полыхнуло опять на версту.

Без тебя даже в райском саду
Буду жить, как в кромешном аду.

В третий раз тихий голос пророс,
Обминая все ту же межу.

Что ответить на этот вопрос?
Я в ответ ничего не скажу.

Просто я притворюсь, будто сплю.
Лбом уткнусь в твою лунную прядь.

...Просто я тебя очень люблю,
Просто очень боюсь потерять.

30 июня 2000

ТЕРПКАЯ РЯБИНА

К тихой воде привела нас дорога,
На бережок, где живут камыши.
И никого, кроме Господа Бога,
Не было с нами в прекрасной глуши.

Месяц родился, молитвенно тонок,
Словно рожочек в пастушьей руке.
И, как в тепле разомлевший котенок,
Сладко мурлыкал огонь в костерке.

Сладко дышали в ночи медогоны.
Искры роились в разломах огня.
Как со старинной Рублевской иконы,
Лик твой из тьмы наплывал на меня.

Падали звезды, в полете сгорая.
Ты мне кричала: – Вот эту лови! –
И вознесли нас к преддверию рая
Крылья языческой нашей любви.

И, преклонясь у Господня порога,
Глядя в горящие наши года,
Я то гневил, то упрашивал Бога:
– Господи, пусть она будет всегда!

Пусть она будет, пусть она будет,
Дай ей покоя и Вечной Любви! –
...Завтра меня на рассвете разбудят
Терпкой рябинушкой губы твои.

Счастье внезапное! Женщина-птица!
Как же прекрасна ты и молода!
...Если мне выпадет с нею проститься, –
Господи, пусть она будет всегда!

21 апреля 2002

* * *

О, как же я тебя любил,
Смахнув с души годочки!
Я новый дом для нас рубил,
Для нас и нашей дочки.

В роскошном нимбе золотом,
В качелях краснотала
Она порхала над прудом
И птахой щебетала.

А ты, влетевшая сюда
Симфонией апреля,
Была прекраснее, чем та, –
Что грела Рафаэля.

И я, неистовый чудак,
Обалдевал от счастья!
А счастье виделось мне так:
Наш дом и ты, и Настя.

А вот сегодня мы впервой
Споткнулись на поганом,
И я, как лист перед травой,
Упал перед стаканом.

Я одинок, как в стенке гвоздь
Из обгоревшей стали.
В своем дому я словно гость,
Которого не ждали.

Порхает мерзкий хохоток
В мотиве листопада.
И жжет мне душу холодок
Бездарного разлада.

30 марта 2002

* * *

Ты всю теснишь меня,
Я сегодня, между нами,
Вновь на линии огня,
Как когда-то во Вьетнаме.

Там и тут не скрыть лица:
Там – под пулей,
Здесь – под сплетней!
Мы с тобою – два бойца,
Два бойца любви последней.

То в атаку, все губя,
Мы идем, то в оборону,
Оставляя для себя
По последнему патрону.

И подмоги не позвать,
И не велено сменяться –
Можно лишь атаковать,
Можно лишь обороняться.

Только что мне оборона?
Я иду в последний раз
Расстрелять любви запас –
До последнего патрона.

9 июня 1999

* * *

Ярился высокосный год,
Крушил сады Белькова!
А нас хранила от невзгод
Старинная подкова.

Хороших ждали мы вестей,
И в руки шла удача,
Встречала хлебушком гостей
Лесная наша дача.

И приходил к столу шашлык,
И здравицы звучали.
И на шашлык косил свой клык
Наш лопухий Чарли.

Шустрил в ногах крученный хмель,
Всё прибавляя кочек!
Тепло гудел, как добрый шмель,
Хороший вечерочек.

Случайный ужин был для нас –
Как самый светлый праздник!
...Всех проводил в урочный час
Наш Купидон-проказник.

Он свел нас к царственной вербё,
Зашторенной туманом,
И ты цвела в моей судьбе
Волшебным талисманом.

Зачем же, ну, зачем тогда
Так совушки вскричали
И навзничь падала звезда –
Скорбящий знак печали?

11 апреля 2002

* * *

Забурлила, встревожилась пена,
Из морских берегов выходя.
И возникла из пены Елена,
Чудо-женщина в стиле дождя.

Шла она, безмятежно-нагая,
Грациозно-гибка, как змея.
До последней черты дорогая
И до смертного часа – моя.

И глазели, восторженно-немы,
Обитатели сих берегов:
Вот пришла из прекрасной поэмы,
Из седых невозвратных веков,

Где в объятьях молодого героя
Лишь словечко шепнула она,
И разрушилась гордая Троя,
За Елену дотла сожжена.

Потому не могу осознать я,
Той же самой сражен немотой:
Как в мои она пала объятья,
Отдаваясь рабыней простой?

Оставайся светла и нетленна
Эта женщина в стиле дождя!
...А ко мне приближалась Елена,
Навсегда от меня уходя.

10 июня 1999

* * *

Она ушла и народилась тьма.
И прахом улетучился покой.
Мне кажется, что я схожу с ума
Наедине с вселенскою тоской.

Она ушла всего-то на два дня,
Ее призывали срочные дела.
Но тяжело так на сердце у меня,
Как будто навсегда она ушла.

Крылом вороньим ночь стучит в окно,
Глухая ночь. Без звуков. Без огней,
И мне бы успокоиться давно,
Но я все также думаю о ней.

Огнем безумья дни ее горят,
Как на погибель, буйствует она,
Как будто задолжала всем подряд.
А пуще прочих Господу должна.

Я вою волком, раненным в живот:
– Спаси ее, Господь, и сбереги!
О, Праведный, пускай она живет,
Я за нее отдам тебе долги.

Я все отдам, лишь только б ей помочь,
Лишь только б повезло ей хоть слегка!
А за окном скулит больная ночь
Да сердце рвет вселенская тоска.

17 января 2000

* * *

Ах, какое было лето,
Лето наших лучших дней!
Сколько песен было спето –
Все о ней, о ней, о ней.

Только лето отгорело,
Снова осень мечет стрелы,
Закружился лист багряный
Над головушкой моей.

Лист багряный, лист багряный
Закружился над поляной,
Закружился лист багряный
Под багряною луной.

И, как этот лист багряный,
Я кружусь в дымину пьяный,
Я кружусь в дымину пьяный
От любви моей шальной.

Разметала осень космы
На рябиновом ветру.
Мы ушли в открытый космос –
В запредельную игру:

Погадав на лунный камень,
Мы летим за облаками
То ли в лунную сонату,
То ли в черную дыру.

Чет и нечет. Чет и нечет.
Закружился в небе кречет,
Закружился в небе кречет
Над головушкой моей.

Говорят, что время лечит,
Я боюсь: оно калечит!
Улетай, проклятый кречет,
Петли мертвые не вей.

Бьет крылом залетный кречет!
Мне по жизни выпал нечет:
На руках была удача,
Но проиграна игра.

А последний лист багряный
Пал на сердце рваной раной
Да в душе зияет пропасть,
Будто черная дыра.

26 августа 2001

* * *

Обманулась осень бабьим летом:
Знай себе, гуляет без печали!
Вот и мы с тобой, по всем приметам,
Не к добру, родная, загуляли.

Бабье лето нас по кругу носит,
Повторяя все, что нами спето,
И не за горами бабья осень...
Но пока в разгаре бабье лето.

Осень ничего у нас не просит,
Это я пришел к тебе с поклоном:
На пирушку взбалмошная осень
Зазывает нас под рыжим кленом.

Паутинки кружат над рябиной,
Сединой до времени обносят...
Я прошу: в окно моей любимой
Не стучи подольше, бабья осень.

Будет много дней у нас хороших,
Будет все, о чем ты ни попросишь,
Если только я тебя – не брошу,
Если только ты меня не бросишь.

13 апреля 2002

* * *

Мы жили все в той же кедровой избе.
Цвели наши розы. Резвились герани.
Володька, сосед, зазывал нас к себе,
Играл нам на вечно подпитом органе.

Смеялся и плакал электроорган
Во власти красивой романсовой страсти.
Володька чего-то там булькал в стакан
И медленно пил за удачу и счастье.

Гоняли чай мы на сонном крыльце.
Сверчками скрипели и пели ступени.
Луна на твоём беспечальном лице
Качала печальные зыбкие тени.

И в голову милая шла дребедень,
Ну, скажем, такая вот малая малость,—
Чтоб даже луны безобидная тень
Печалью лица твоего не касалась.

А жизнь продолжалась, и каждый наш день
Был лучшим из лучших, как в самом начале.
...И все же какая-то смутная тень
Лицо твое метила знаком печали.

13 апреля 2002

* * *

О чем грустишь, о чем печалишь бровь,
 О чем молчишь, недвижно глядя в точку?
 ... Дана была нам Господом любовь –
 Не навсегда, в бессрочную рассрочку.

Он нам вручил благие векселя,
 И мы взошли на минные поля.

С беспечностью азартных игроков
 Мы забывали правила простые,
 И что-то вроде звонких пятаков
 Нам падало на наши золотые.

Мы так швырялись нашею казной,
 Что меркли Креза жалкие щедроты!
 И вот... ничто не вечно под луной –
 Записаны мы в полные банкроты.

И ничего не изменить уже,
 Когда окончен бал и сняты маски,
 Когда душа ласкается к душе,
 Не находя, увы, ответной ласки.

Еще поет гитарная струна,
 Но и она осталась не у дела:
 Холодная пустынная страна
 Встречает нас у крайнего предела.

В душе туман и космос в голове –
 Сгорели наши розы и герани!
 ... И порознь мы уходим по листве,
 Расставшись в привокзальном ресторане.

14 апреля 2002

* * *

Мерзким запахом бьет креозот
 Да тошнит от вокзальных чудес!
 ... Вот сейчас он тебя увезет,
 Этот самый сибирский экспресс.

Вздрагнет он с головы до хвоста,
 Понесется, огнями слепя.
 Бог ты мой, я уже никогда,
 Никогда не увижу тебя!

Нет уж, дудки! Не будет, друзья,
 Никакого прощального дня:
 Не нашлась еще та колея,
 Что тебя уведет от меня.

Весь вокзал я в клочки разнесу,
 Учиню беспредельный разор.
 Я колеса и рельсы стгрызу,
 Красным светом спалю семафор.

А экспресс, потихоньку скользя,
 Побежал по железной тропе.
 Как же так? Ну, нельзя же, нельзя
 Так наотмашь хлестать по судьбе.

Будь ты проклят, зеленый болид,
 Улетающий вдаль по прямой!
 ... А она перроне стоит:
 – Я осталась. Пойдем-ка домой.

15 апреля 2002

* * *

Как два альпиниста, мы шли по судьбе
 В одной, но давно пошатнувшейся связке,
 Но, словно себе, доверял я тебе
 И шел к высоте безо всякой опаски.

А ты все резвилась, ступала за грань,
 Надеясь, что спишутся нам эти шутки.
 А вот и расплата! Дела наши – дрянь!
 Мы вновь оказались в таком промежутке, –

Как будто бы вмерзли мы в пиковый лед,
 Застрявши в пургу на крутом перевале.
 ...А база на помощь уже не придет,
 Поскольку мы связь с ней давно потеряли.

16 апреля 2002

* * *

Ласки. Добрые слова.
 Гнев меняется на милость.
 Что-то вроде Рождества
 Между нами приключилось.

Радость плещется во мне,
 Будто магнийная вспышка:
 Господи, конец войне!
 Оказалось – передышка.

Все вернулось в тот же ряд:
 Нету трагиков – паяцы!
 ...Больше нечего терять,
 Так чего же нам бояться?

15 апреля 2002

* * *

Нервный тик электронных китайских часов
 Все пугает каким-то предательским сроком, –
 Значит, время пришло запираить на засов
 Дверь души, что тебе я открыл ненароком.

Настежь я для тебя распахнул эту дверь:
 Заходи и владей бесшабашным поэтом!
 А часы повернули на время потерь,
 Повернули, но мне не сказали об этом.

Вот оно и свершилось. Цветком на ветру
 Ты колеблешься смутно от срока до срока:
 То влечет тебя к Богу, любви и добру,
 То ты в пропасть летишь, уповая на Бога.

Уповай! Уповай! Воссияет Господь,
 Возлетит над нечистою дьявольской тенью!
 Да сама ты храни свою душу и плоть,
 Что так больно, так сладко готовы к паденью.

Укроти злую волю в гудящей крови,
 Что сама напоила ты смертной отравой,
 И откроется царство добра и любви,
 Где тебя никогда не достанет Лукавый.

Ты твердишь, что готова с любимым на побег,
 Кто тебя отогреет за гранью ненастья, –
 Вот и знай: есть на свете такой человек,
 Он разделит с тобой и паденье, и счастье.

30 января 2000

* * *

Время зúполночь. Зажгу свечи я –
 Улетучатся боль и страх.
 На коленях моих птица певчая
 Чистит перышки на крылах.

И поблизости, и далече я
 Все искал тебя, птица певчая.

Одержимый идеей странною,
 Будто ласточка между скал,
 Пролетал города и страны я –
 Все искал тебя, все искал.

А нашел и себя лишь мучаю –
 Не про нас с тобой гладь да тишь!
 Ты влетела в мой дом по случаю
 И по случаю улетишь:

Не сумел, не смог сладить я с тобой –
 Ни с подругою, ни с женой.
 Так зачем быстрокрылым ястребом
 Снова кружишь ты надо мной?

Похищающая, не похищенная,
 Снова точишь ты коготки...
 Птица певчая, птица хищная,
 Что ж ты рвешь меня на куски?

25 октября 2001

* * *

Сбежала под вечер куда-то,
Вернулась, раздергана вдрызг,
И, пряча глаза воровато,
Сбивается с крика на визг.

Чего она хочет добиться,
Стреляя слова в потолок?
Так юная вздорная птица
В расставленный лезет синок.

С другими любви она ищет,
Которой я ей недодал?
Каким-то блатным толковищем
Мне видится этот скандал.

Здесь правда проста, как веревка,
Как тот несмешной анекдот,
Когда молодая воровка
Из собственной сумки крадет.

И мне этой правды не знать бы,
Как я ее раньше не знал!
Венцом неповенчанной свадьбы
Естественный грянет финал:

Наскучит случайность объятий,
Дотлеет бесстрастная страсть,
И некуда будет бежать ей,
И нечего станет ей красть.

12 января 2000

* * *

А в полуночной тишине,
Под колдовской луной,
Приходит женщина ко мне,
Садится предо мной.

Сидит, картинно развалиясь,
У моего стола.
Я не пойму, какая связь
Нас повязать могла.

Но мыслей черные стрижи
Кружатся у виска.
– Хоть звать-то как тебя, скажи?
– Тоска, мой друг, тоска.

И вновь стрижи летают зло,
Тугие вьют круги,
Как будто время подошло
Выплачивать долги.

И плата страшно высока,
И всем я задолжал,
И душу режет мне тоска –
Безжалостный кинжал.

Я выбегаю за порог,
Бегу в ночную муть –
На перекрестье трех дорог,
Где можно выбрать путь.

Стою я на сквозном ветру,
На продувном юру.
...Я знаю, отчего умру –
Я от тоски умру.

27 мая 1999

* * *

Ждал тебя, а дождался другую:
Ты, но все же иные черты.
Странно как! Я уже не тоскую,
Если где-то теряешься ты.

Видно, время такое припело:
Я хотел, чтоб в юдоли земной
Лишь со мной ты смеялась и пела,
Чтобы плакала только со мной.

Чтоб всегда – без конца и начала –
Ты в моей пребывала судьбе,
Чтобы в ужасе ты закричала,
Коль другой прикоснется к тебе.

И в разгуле житейского моря
Я хотел наяву и во сне,
Чтобы ты содрогнулась от горя,
Коль другая прибьется ко мне.

Только все обернулось иначе,
И душа холодеет, как лед.
И смеюсь я, едва не плача:
«Все проходит, и это пройдет».

Все проходит под вечной луною,
Но, не в силах беды превозмочь,
Горько плачет кровать подо мною,
Что венчала нас в первую ночь.

19 августа 1999

* * *

А в ночь полнолуния,
Когда затихает эфир,
Младая колдунья
Уходит в свой призрачный мир.
Гадает на блюдце,
Сама ни жива, ни мертва!
Припадочно бьются
Ее колдовские слова.
Бескровнее мела,
Волхвует она над рекой,
Ей вторит омега –
Цветочек ее колдовской.
Бессонная птица –
Сова прокричит ей с сосны,
Что будет царицей
Она на балу Сатаны.
Темны ее страсти –
Черны, как воронье крыло!
Несчастье иль счастье
Ее на меня навлекло?
Я сам сатанею,
Деля с ней житье да бытье!
...Погибну я с нею,
Но я не могу без нее.

31 марта 2002

* * *

Есть полночи в начале марта –
Недолго и сойти с ума:
Вокруг такая волчья тьма,
Что жизнь поставлена на карту.

Как будто мертвая вода
Завладевает жаркой кровью,
И обрастает глыбой льда
Душа, объятая любовью.

И одолеть глухой тупик
Нет ни желания, ни мочи!
Но вдруг тебя из мрака ночи
Поманит птицы вещий крик.

И ты, в смятении и смуте,
С палящим холодом в крови,
На зыбких расстанях любви
Стоишь, как витязь на распутье.

Понять готовый и простить, –
С мучительной тоской слепого
Гадаешь ты, берясь за повод, –
Куда ж коня поворотить?

1999

* * *

Говорили мне: «Сверни в леву сторону
Или вправо поезжай, ну, а прямо –
Угодишь ты в когти черному ворону
Да вдобавок ждет тебя волчья яма»,

– Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! –
Я коня гоню все вперед.
– Не собьет с пути меня ваш слушок,
Будто здесь полечь мой черед.

Вдруг, откуда ни возьмись,
люди странные взялись –
Из какой такой, незнамо, сторонки?
Прут ко мне из темноты, рвут одежды о кусты,
И глаза у них пусты, как воронки.

– Витязь добрый, помоги! Одолели нас враги,
Топчут деток да насилуют женок! –
И у каждого слепня по два желтых по огня
Полыхают на меня из воронок.

Угодил я в волчью яму, вот и снова угодил:
Гнал упрямо все прямо да прямо!
Говорили ж добры люди, чтоб коня поворотил –
Не послушался, и вот волчья яма.

Волки лижут мне лицо – вроде свой,
Неба серого кольцо – волчьим клоком!
Рассчитаюсь я за все головой,
В лучшем случае вылезет боком.

Желтым светом полыхнуло небо серого кольцо,
 Будто желтою водой из промоин,
 И над ямой окаянной занялось твое лицо:
 «Вот и мой он, сокол, вот и мой он!

Говорила ж я: люби меня, черную,
 А голубку позабудь, ну, а ты-то?
 Не желал ты забывать нареченную,
 Ну, да ладно, все теперь позабыто.

А людишки те, та лесная муть – это все моя челяда:
 Послала я их перебить твой путь, а потом заманить сюда».

В волчьей яме сладкий смрад. Сам во всем я виноват.
 Сам себя обворовал на схоронке.
 Ну, а ты, черна душа, чем ты так уж хороша?
 Закружился я в тебе, как в воронке.

Оборвать твое перо – обнажится недобро,
 Ну, да падшие не ведают срама.
 Ты клонишься мне на грудь: «Позабудь все, позабудь...»
 А глаза твои – как две волчьих ямы.

2002

* * *

Я сегодня играю по краю,
 Как не стал бы играть, не любя:
 Я тебя от себя отдираю,
 Будто кожу сдираю с себя.

Выдираюсь из тяжелого плена,
 Возвращаюсь в погожие дни.
 ...Сохрани тебя боже, Елена!
 От тебя, от самой, сохрани.

2002

* * *

Скрипела, сползая, короста
С души, что спалилась во мне.
И корчился я, как береста
На черном огне.

А все было в общем-то просто:
Ты просто ушла.
И корчился я, как береста,
Которую ты подожгла.

1999

* * *

Она уходила, как кровь,
Как кровь из простреленной раны,
А с ней уходила любовь,
И было обидно и странно –

Не странно, что кончится кровь
Однажды по схеме извечной,
А то, что уходит любовь,
Казавшаяся – бесконечной.

2004

* * *

Расстались! Да. Расстались мы с тобой,
Хотя нам точно ведомо с тобою:
Друг другу мы дарованы судьбой,
Да только мы не сладили с судьбою.

Удар судьбы не выбирает дня,
Беду, увы, не развести руками,
Когда так грозно сшиблись два огня,
Сказать точней, коса нашла на камень.

Коса и камень. Словно два врага,
Ярились мы в каких-то диких спорах,
Хоть каждый знал почти наверняка:
Мы не на то впустую тратим порох –

Свою лишь правду я в тебе искал,
Ты лишь свою в душе моей искала.
Нас как бы затирало между скал,
А мы все круче возводили скалы, –

Хоть знали, что с кромешной крутизны
Мы оползем, как две погасших лавы,
Но бились насмерть, будто две страны –
Две, до конца враждующих державы.

И вдруг – отбой! По разным сторонам
Разводят нас растраченные души.
...Поодиночке худо будет нам,
Хотя вдвоем вдвойне нам будет хуже.

Коса и камень! Солнце и гроза! –
Их не свести, не развести руками.
...Как лист озябший, падает слеза
На наш горячий придорожный камень.

23 марта 2002

ЗИМНЯЯ ПЕСНЯ

Метель мела, белым-бела,
А ты была милым-мила,
А ты была мила
 По-прежнему.
А снег, как белые цветы,
Кружил и падал с высоты,
Да вот встречаемся с тобой
 Все реже мы.

А ты была моей судьбой,
Господней милостью.
Поразметав волос приборь,
В мой мир вломилась ты.

Но вот, слетев с твоей руки,
Снежинки, словно мотыльки,
 Уходят стаями.
И в белом пламени зимы,
Как два костра, сгорели мы –
 Чужими стали мы.

Кричит последняя метель
И ветер выстудил постель.
Зачем он смял постель
 Венчальную?

Зачем, скажи, в канун весны
Я ухожу в чужие сны
И вижу в этих снах тебя,
 Печальную?

Ведь ты была моей судьбой,
Господней милостью,
Когда метельною тропой
Ко мне явилась ты.

Но мы не сладили с судьбой,
И вот уж стали мы с тобой
Совсем свободные.
И, словно два снеговика,
Уходим в разные века,
Как снег, холодные.

А снег, как стылые цветы,
На наши падает следы
По обе стороны.
И у разлуки на краю
На память горькую мою
Гнездятся вороны.

11 ноября 2001

* * *

Ледяная пустыня. Не верится,
Что ее я осилить смогу.
А вокруг ни кусточка, ни деревца,
Где бы мог я укрыться в пургу.

Ледяная пустыня. Тяжелые
Тени смерти кружатся над ней.
В одиночку никто не прошел его –
Это жуткое царство теней.

А метель завывает и щерится
Волчьей стаей на черном снегу.
...Ты была тем единственным деревцем,
Что меня укрывало в пургу.

18 ноября 1998

* * *

Вот это да! Какие холода!
 Скорей в тепло, в дремотную истому!
 ...Я на два дня пожаловал сюда,
 Затосковав по брошенному дому.
 Его до крыши замели снега,
 А над трубой ни искры, ни дымка.

Сиротские нагие деревца
 Распялили метельные увечья.
 Тропа собачья рвется у крыльца, –
 Увы, собачья, а не человечья.

И, грозно сотрясая краснотал,
 Обшаривая звончатые щели,
 Как пьяный конюх, ветер засвистал,
 Раскачивая летние качели.

А вот и конь топочет, не спеша.
 По-детски тонко вскрикнул санный полоз.
 И вздрогнула, и обмерла душа,
 Как будто я услышал Настькин голос.

Нет, не войду я в этот скорбный дом:
 Не будет мне уюта и ночлега.
 Я растворюсь, как призрак, как фантом,
 В бездонном царстве холода и снега.
 И тишина заплачет надо мной.
 И все умрет под этой тишиной.

Но вдруг зальется нежная свирель,
 И я увижу в сполохах метели
 Лицо, что обессмертил Рафаэль,
 И над прудом взлетевшие качели.

28 марта 2002

* * *

О, Господи! За что мне эта мука?
 О Праведный! Что делать? Подскажи.
 Тяжелым камнем падает разлука
 На дно моей обугленной души.

Мне одному не сдвинуть этот камень,
 Не оплатить горящие долги.
 И я ловлю холодными руками
 Полуистлевшей памяти круги.

Вот потому ночами мне не спится:
 Я вижу – не во сне, а наяву, –
 Как тяжело подраненная птица
 Из сил последних рвется в синеву.

Но вижу я, как безнадежно слабы
 Внезапно перебитые крыла.
 И об одном теперь молю хотя бы, –
 Чтоб рана излечимой была.

Я не тянул к тебе с мольбою руки,
 Не дорожил ценою наших встреч
 И понял только в горький час разлуки,
 Что просто не умел тебя беречь.

Какой ценою заплачу теперь я
 За то, что не оплачено в былом?
 ...А ты летишь и в снег роняешь перья,
 И машешь мне подраненным крылом.

27 марта 2003

* * *

Стылый мрак. Седой мороз.
Снег скрипит,
как поздний конник.

За окошком воет пес,
Будто я уже покойник.

Будто я уже вдали,
А в заоблачные дали
Колокольни всей земли
Надо мною зарыдали.

Время выстыло в окне,
Тяготная трясина,
Да печалится по мне
Эта преданная псина.

Пес, пожалуйста, не вой
Под рыданье колоколен!
Я вполне еще живой,
Просто я немного болен.

Просто холодно в крови,
А душа мятежно рыщет
На развалинах любви,
Будто пес на пепелище.

Просто я хочу уснуть,
Весь распят и раскрежещен!
...Просто я хочу вернуть
Эту лучшую из женщин.

5 апреля 2000

* * *

И этот пес, что воет за окном,
И лик луны в оправе белопенной
Безжалостно вещают об одном, –
Что я один. Один во всей Вселенной.

Матрасик расстилая на полу,
Ложусь, чтобы мучительно забыться.
Часы так странно тикают в углу,
Как будто чертик цокает копытцем.

И что бы мне в кровать не лечь сейчас,
И сладко спать, не ведая печали?
Но не могу: мы в ней с тобой не раз
Слова любви, безумствуя, кричали.

Нет, не могу! Я просто не пойму,
Я не пойму, хотя б меня убили,
Как мне туда ложиться – одному,
Где мы вдвоем так яростно любили?

Как ночь длинна! Как холоден матрас!
И я один с поникшей головою!
И понимаю, что вот-вот, сейчас
Я на луну, как этот пес, завою.

20 декабря 1999

* * *

Снова ночь и опять не могу я уснуть
 В одинокой простывшей квартире,
 И струится в закат мой расхристанный путь
 В безнадежно затерянном мире.

А за окнами дьявольский хохот и свист,
 Будто воеет взбесившийся леший,
 И плыву я один, как осиновый лист,
 По любви, без тебя обмелевшей.

14 марта 2002

* * *

Как варнак в тюрьме,
 Будто в клетке зверь,
 Я сижу во тьме,
 Я смотрю на дверь:

Хоть бы кто со зла
 Заглянул в глазок!
 Хоть бы ты пришла
 На какой часок.

А ты помнишь тот день, когда двери срывались с петель,
 Когда мир вокруг нас весь пропитан был злобой и кровью?
 Будто Ноев ковчег, закачалась под нами постель,
 И Всемирный потоп отступил перед нашей любовью.

За окном метель,
 Снег летит, кружа.
 Холодна постель,
 Холодна душа.

Весь из дыр-потерь,
 Весь колюч, как еж,
 Я смотрю на дверь:
 Может, ты придешь.

А ты помнишь, родная, как мир выходил из воды,
 Когда наша любовь затворила небесные хляби?
 Посредине Вселенной стояла пред Господом ты:

– Хоть мгновенье любви
 Подари каждой страждущей бабе!

Все ужасно под луной,
Если нет в душе покоя.
Коротает ночь со мной
Одиночество мужское.

Знать, пришла пора за все
Рассчитаться чистоганом!
Я свое житье-бытье
Разливаю по стаканам.

Вот и полночь пришла. Я в обнимку сижу с темной.
Из пустынных углов бесы корчат мне гнусные рожи.
А чему удивляться, коль слиток любви золотой
Мы однажды с тобой разменяли на медные гроши?

Тот же мрак стеной,
Спать не хочется.
Водку пьет со мной
Одиночество.

Хмель кипит, хмеля, –
Пьем на брудершафт!
...Горло трет петля,
Как пеньковый шарф.

5 октября 1998

* * *

Она еще придет, придет к тебе та ночь:
Совой вскричит беда в промозглой тишине,
И ты, одна, беду не сможешь превозмочь
И вспомнишь обо мне, и вспомнишь обо мне.

И ты пойдешь туда, куда глаза глядят,
Как та волчиха-мать, что болью истекла,
Когда промозглым днем в смешных ее волчат
Ударили в упор два пьяные ствола.

Ты тяжело заскулишь, лицо задрал к луне,
Как та волчиха-мать скулила при луне,
Ты вспомнишь обо мне, ты вспомнишь обо мне,
Ты лютою тоской встоскуешь обо мне.

Но та же тишина аукнется в ответ,
И в стан моей любви сбежать захочешь ты,
Да только в ту любовь пути-возврата нет,
Ты в ту любовь сама запутала следы.

И крик твой горловой взорвет ночную тишь,
И эхо закричит, отчаяньем слепя:
– Ну, что же ты молчишь? Ну, что же ты молчишь?
Мне плохо без тебя! Мне плохо без тебя.

И голосом моим тебе ответит ночь,
Отыщет он твой след, тоскуя и скорбя:
– Любимая, прости, я не могу помочь! –
Я умер без тебя... Я умер без тебя.

18 апреля 2002

Часть вторая
«ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА»

* * *

Зернышко до зернышка –
 Вот и урожай!
 –Лучшее, Аленушка,
 Платье наряжай.

В туфельки высокие
 Ножки наряди.
 Гибкою осокою
 По избе пройди.

Подведи рискованно
 Стрелочки бровей!
 ...Ничего такого он
 Не намолвил ей.

Слов не разбазаривал,
 Речи не дробил.
 Как над речкой зарево,
 Ладушку любил.

Глядя в чисто небушко,
 Думал и молчал.
 ...Ладушку, как хлебушко,
 На руках качал.

11 мая 2002

* * *

Обмерла и сдержать не смогла
 Первобытного хриплого стона:
 Наповал поразила стрела,
 Золотая стрела Купидона.

Но ее она в печке сожгла,
 Заперлась во дворце из картона
 И капризной принцессой ждала
 Королевских кровей Купидона,

Сорняком порастает бытье,
 Поскучнела она, постарела.
 ...И капризно летят сквозь нее
 Золотые влюбленные стрелы.

9 мая 2002

* * *

Кололись, как ежи!
А ссора – пустячок.
Но дверь своей души
Он запер на крючок.

Ему бы в ноги к ней,
На все махнув рукой!
... Не внял любви своей,
Гордыне внял мужской.

3 мая 2002

* * *

Сказал, как отрубил,
Как вбил последний гвоздь:
– Уйди! Я разлюбил.
Ты мне – как в горле кость.

Вот и окончен бал,
Погашены огни.
... Он пред иконой пал:
– Верни ее, верни!

Хотелось – побольней,
Чтоб после не жалеть.
... А дверь рвалась за ней,
Хлестала словно плеть.

3 мая 2002

* * *

Отстранилась, как от огня,
Повела соболиной бровью:
– Ах, оставь же, оставь меня!
Утомилась твоей любовью.

Ничего не сказал в ответ,
Уходя, не давил на жалость.
... Усмехнулась она вослед:
– Что ж, еще с одним рассчиталась!

Рассчиталась. Сполна разочлась.
Била власть, как бандитским кастетом!
Но не этот швырнул тебя в грязь.
... Просто ты отыгралась на этом.

10 мая 2002

* * *

Расставались без крика, без слез,
Хоть кричали их души, кричали.
Заметался их преданный пес,
Лопухий доверчивый Чарли.

Звал домой, за полы теребя,
И поплелся один по метели.
... Эх, дурье! Не жалели себя –
Хоть бы верного пса пожалели.

15 мая 2002

* * *

Это будет. Так случится! Что случится?
 Так случится, что, по прошлому скорбя,
 Ты заплачешь, ты завоешь, как волчица,
 Разбросавши по осколочкам себя.

Помнишь, смех твой был презрителен и колок,
 Когда шел он, спотыкаясь, как слепой.
 Смех был колок, как зазубренный осколок –
 Ты тогда уже смеялась над собой.

Посмеялась, а теперь вот горько плачешь,
 Жизнь считая чередою неудач...
 Только жизнь свою ты не переиначишь –
 Так поплачь еще, прекрасная, поплачь.

10 мая 2002

* * *

Он безмерно устал. Зачастила к нему седина.
 Как отравленной пулей, расстрелян он светскою сплетней,
 Потому что ушла то ль любовница, то ли жена, –
 Словом, женщина та, что считал он любовью последней.

Умирает любовь, подступает такая тоска,
 Что не рад ничему, ни на что человек уж не сердится,
 И тревожным флажком бьется черная мысль у виска,
 И начало конца зарождается в загнанном сердце.

Да и стоит ли жить, если самый прекрасный мотив
 Остывает в крови и коснулось души увяданье?
 И выводит рука, лишь порядок слегка изменив,
 Роковую строку: «До свиданья, мой друг, до свиданья...»

Но в тот самый момент, когда палец, дрожащий слегка,
 На крючке спусковом приближал неотвратное, жуткое,
 Твердой ставшая вдруг, опустила оружие рука,
 Словно был этот взрыв сумасбродной мальчишеской шуткой.

И не трусость, не страх отвели безрассудную кровь,
 В грозный миг помогли устоять перед пулей и сплетней:
 Милосердной сестрой к человеку поспела Любовь,
 Ведь Любовь, как и Смерть, никогда не бывает последней.

19 августа 2004

* * *

Хорохорились герои,
 Хорохорились поэты:
 Те ломали стены Трои,
 Эти – сладкие куплеты

Сочиняли для Елены,
 Тыча в небо пьяный палец –
 Лили розовую пену,
 Чтоб Елена в ней купалась.

Будто вырвавшись из плена,
 Понеслась молва по свету,
 И поверила Елена,
 Что ее прекрасней нету.

В недрах чувственного тела
 Злая кровь пошла толчками
 И всю ее вертела
 Меж слепыми мужиками.

Только что же взять на веру –
 Что припудрим, что припрячем?
 Все поверили Гомеру,
 А Гомер-то был незрячим!

Сладкопесенная пена
 От него пошла волною.

...А ему была Елена
 Лишь Троянскою войною, –

Где зазря легли герои,
 А поэты – поспились!
 ...Жаль вот только павшей Трои,
 Жаль влюбленного Париса.

7 декабря 2003

* * *

И черна, как вран пред Гамаюном.
 И грязна, как тайская кровать.
 ...Взбрыкнув однажды телом юным,
 Стала телом этим торговать.

Впрочем, тело – что такое тело?
 Жалкой плоти сколок небольшой.
 Вот душа – душа другое дело:
 Как тут быть с нетленною душой?

Истина лежит, как на ладони:
 Распластав на части белый свет,
 Мчат тела расхристанные кони
 В тот предел, где душам места нет.

15 апреля 2000

* * *

Откричалось. Аукнулось. Замерло.
Отлетело к иным берегам.
...И упала душа его замертво
К этим юным прекрасным ногам.

А над ним, что-то гадостно нюхая,
Судиями склонились они:
– Эх, дурашка! Свалялся со шлюхою.
Прогони, отрекись и распни!

Не прогнал. Не отрекся. Не спятился
От судьбы, что послал ему Бог.
– Сам, дурашка, взошел на распятие! –
Нет, любил! Как умел. И как мог.

19 сентября 2004

* * *

– Любить? Согласен! Но страдать,
Любовью, как недугом, мучась,
Жизнь за любимую отдать –
Не лучшая из прочих участь.

Нет, нет! Спаси меня, Христос!
Они не стоят наших слез –

Все эти «быть или не быть»,
Вся эта жертвенность святая...
И почему, коль уж любить,
То обязательно – страдая?

Он много пил, но был не пьян,
Гонял слова, как птичью стаю.
И с хрустом раздавил стакан:
– Люблю. И плачу! И страдаю.

20 сентября 2004

Часть третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФАВОРИТА

* * *

Память дней первоначальных
Закрутила у лица
Два колечка обручальных,
Два связующих кольца.

Божьей воли мановенье
Кольцевало сладкий дым:
Два кольца в одно мгновенье
Обозначились одним.

То колечко от крылечка
Покатилось, да во тьму:
Снова наших два колечка
Катятся по одному.

Эх ты, горе кольцевое,
Злая изморозь седин!
...Горе сеяли мы двое,
...Пожинаю я один.

И от боли окаянной,
Как расплавленным свинцом,
Жжет мне палец безымянный
Раздвоившимся кольцом.

11 мая 2002

* * *

Был табунным конем я, и такого коня
Днем с огнем не сыскать среди тягловых кляч!
Самый ловкий табунщик не смог без меня
Ни загнать под седло, ни в оглобли запрячь.

В затянувшемся споре меж мной и людьми
И в жестоких боях с остальным табуном
Выходил победителем я, черт возьми,
Упиваясь свободой, как сладким вином.

Я купался в малиновой пене зарниц,
А когда пробивал предназначенный срок,
В васильковую степь уводил кобылиц
И любил их, как юный восторженный бог.

И за это за все заплатил я сполна –
Рассчитался собой, не тугим кошельком,
И когда в табуне появилась Она,
Я предстал перед нею почти стариком.

Только что мне года? Был я полон огня!
И когда Она, выгнувшись струнной спиной,
В васильковую степь поманила меня,
Я рванулся за ней, как трехлеток шальной.

И остались вдвоем мы на шаре земном,
В бесконечной степи, под червленой луной.
Впрочем, нет, не вдвоем: мы в порыве одном
Стали телом одним и душою одной.

И разлет ее чутких ресниц и бровей,
И восторг материнства в миндалинах глаз,
И палящие слезы на шее моей,
И трепещущей кожи холеный атлас.

И глухой полустон, и ликующий крик,
И раскат громовой, сотрясающий плоть!
И звезда народилась над нами в тот миг,
Будто Знаком Любви нас отметил Господь.

А потом... а потом мы очнулись в цветах,
И за что это все мне, за что, Боже мой?
Только вдруг, как усмешка на милых устах:
– Ах, любимый, пора возвращаться домой!

Я ей стал толковать про Свободный Закон,
Я твердил, что наш дом – эта степь без конца,
Но Она предпочла свой привычный загон,
Где в кормушках полно золотого сенца.

Что ж, прекрасная дева холодных кровей,
Уходи! Я останусь в осенней степи
В одиночку с закатной любовью своей,
Но не стану в загоне сидеть на цепи.

Я смотрел, как Она уходила в намет –
В золотистое сено, в душистый овес,
А сорвавшийся ветер с холодных болот
Волчий вой и гнилой волчий запах принес.

Я бы смог обскакать этот серый кагал
И вернуться в табун, и прибиться к Тебе,
Но в обратную сторону я поскакал –
Волчьей стае навстречу, навстречу судьбе.

Пусть душа моя нынче взлетит к небесам,
Нету страха в моей непокорной крови!
...И клыкастую стаю скликаю я сам
На последнюю схватку под Знаком Любви.

21 февраля 1997

* * *

Волки сходу мне кинулись наперерез,
От степи отрезая, в болота гоня.
Их ликующий вой возлетел до небес –
Стая легкой добычей считала меня.

Перешел я с галопа на медленный шаг
И протяжно заржал песню Вольных Коней!
Серой молнией взвился матерый вожак,
Примеряясь к клокочущей глотке моей.

Я взлетел на дыбы в окаянном прыжке,
Словно крылья росли у меня за спиной!
Я ударил его по косматой башке,
Расколов ее, будто орех земляной.

И сплелись мы в единый ревуший клубок –
Тяжелел я под смрадною гроздью волков,
А жена вожака распластала мне бок,
Добираясь до сердца ножами клыков.

Только зря бесновалось лесное зверье –
Я родился бойцом королевских кровей!
Не добыть им влюбленное сердце мое,
Не испить распалившейся крови моей.

Я литыми копытами намертво бил,
Как полынь, перекусывал волчьи хребты,
И когда кто-то первым из них отступил,
Все за ним потянулись, поджавши хвосты.

Будто тени, скользили они по траве
 Той дорогой, куда ускакала Она.
 И зарницей блеснуло в моей голове,
 Что едва ли достигла Она табуна.

Это значит, что вскоре во мраке степном
 Бездыханно падет под червленой луной
 Та, с которой так сладко в порыве одном
 Был я телом одним и душою одной.

Сходу кинулся стае я наперерез,
 От степи отрезая, в болота гоня.
 И какой-то карающий огненный бес
 В это злое мгновенье вселился в меня.

Вот уж где мы за все рассчитались сполна –
 В неподкупном бою, где пощады не ждут!
 И внезапно упала на степь тишина,
 Та, которую мертвой обычно зовут.

Весь в отметилах мерзких когтей и клыков,
 Я стоял одиноко под Знаком Любви
 И, безжизненно рухнув на мертвых врагов,
 Равнодушно зализывал раны свои.

А в табунном загоне, под Знаком Тельца
 Засыпала Она под жужжание ос.
 И, приткнувшись к холодной спине жеребца,
 Равнодушно жевала душистый овес.

22 февраля 1997

* * *

Вот и свершилось, чего я давно ожидал:
 Вскрикнули двери, и я покатился под горку.
 Это не ссора, не просто нелепый скандал –
 Это конец, оттого и особенно горько.

Долго стоял я у нашей беды на краю,
 А потому покаяньем себя ты не мучай.
 Выслушай лучше печальную повесть мою,
 Полузабытый, прекрасный и горестный случай.

Ствол браконьера прервал поднебесный полет,
 С жалобным криком, с тоскою почти человеческой,
 Белая лебедь вмерзает в твердеющий лед
 Рядом с любимым, сраженным разбойной картечью.

Верит она, что продолжится прерванный путь,
 Яростно кличет удачу в лесу опустелом,
 Все еще силится милого к жизни вернуть,
 Все согревает его холодеющим телом.

А ведь могла бы спокойно лететь на юга,
 К сытой зимовке в заморских каштанах и кленах.
 Не улетела... и вот замечает пурга
 Скорбную пару уже неразлучных влюбленных.

Как мне хотелось такой же высокой любви,
Только иную в конце мы поставили точку:
Ты улетела спокойно – зови не зови! –
Бросив меня с перебитым крылом в одиночку.

Вот и закончилось грустное наше кино,
Но не виню я тебя, что ты только ни делай.
...Я понимаю: не каждому это дано –
Верность без края и жертвенность лебеди белой.

Благословляю я твой суетливый отлет,
Только все чаще на память идет издалече:
Белая лебедь вмерзает в твердеющий лед
Рядом с любимым, сраженным разбойной картечью.

14 апреля 1997

* * *

Залетный ветер крылья распростер,
Пронзает насквозь, выхолаживая кровь...
В такую ночь пришла на наш костер
Босая девочка по имени Любовь.

Озябшая и хрупкая, как ветка на ветру,
Она одно твердила, как заклятье:
«Лишь только вы расстанетесь,
я тотчас же умру –
Не разрывайте никогда объятия».

А мы с тобой смеялись ей в лицо:
Никто не разорвет хотя б на миг
Объятий наших жаркое кольцо
И души, что стеклись в один родник.

И девочка поверила, и берегом реки
Пошла одна в серебряные росы.
И в зарослях польни расцвели васильки,
В чертополохе зажигались розы.

И вот финал: расстались мы с тобой –
Крапленой картой кончилась игра.
И я один пошел ночной тропой
Туда, где мы сидели у костра.

Она лежала светлая, не помнящая зла,
Как выпавшая нота из хорала.
Любимая, пойми: она тогда и умерла,
Когда крапленой картой ты сыграла.

Я схоронил ее, едва рассвет
 Взмахнул над миром парой вольных крыл,
 И этот тихий поминальный свет
 Сиротский холмик золотом покрыл.

Сидел я божьим пасынком в объятьях пустоты
 Наедине с нелепою свободой.
 И жаль мне было тех, кого еще заманишь ты
 Играть в любовь крапленую колодой.

27 мая 1999

* * *

Эта женщина, словно безудержный шквал,
 Вознеслась в городишке убогом.
 Я ее с первой встречи женою назвал –
 Пред собой, пред людьми и пред Богом.

С первой встречи готов был я пасть и пропасть,
 Только б с нею мне не разлучаться.
 Душу мне выжигала безумная страсть,
 В плоть вгрызалась мою, как волчица.

Я слияние наших восторженных тел
 Принимал за любовь и за счастье.
 Только вдруг к этой женщине я охладел –
 Без причин, просто так, в одночасье.

Учинился в душе моей странный разор,
 Как в жилище в зените загула.
 Сам с собою веду я мучительный спор –
 Дуэлянтом, шагнувшим под дуло.

Только как там ни спорь, что там ни прекословь,
 Буйства чувств не раскинешь на части,
 Ведь безумие страсти – еще не любовь,
 А любовь умирает без страсти.

Все, любимая! Это последний предел,
 За который глядел я в надежде.
 Я, конечно, солгал, что к тебе охладел,
 Я люблю тебя так же, как прежде.

Так давай не опустимся до суеты,
 Что сродни пустословью и фальши.
 ...А разлука сжигает за нами мосты,
 Разводя нас все дальше и дальше.

6 июля 1999

* * *

Загустела река,
А леса мои враз обезлистели!
Я один у костра
На покинутой Богом земле.

И прошу я тебя:
Тихой песней тоску мою выстели,
Чтобы зиму я встретил,
Пусть в малом, но все же в тепле.

Только нет тебя, нет!
А со мной лишь костер догорающий –
Дров подброшу в огонь,
Буду с ним говорить до утра.

Только нет тебя, нет!
Но была, но была же вчера еще...
Но вчера уже в прошлом –
На то ведь оно и вчера.

За рекой, в пихтаче,
Загугукала вещая совушка –
А скажи-ка мне, птица,
Не она ли взошла на крыльцо?

Ничего ты не скажешь,
Ушастая дурья головушка!
...Да и сам я уже
Забываю родное лицо.

Неужели твой след
Замело желтолистой порошею,
Неужели твой образ
Ветрами из памяти выдуло?

...Нет, все проще! Такою хорошею
Я тебя просто-напросто выдумал.

12 мая 2002

СКАЗАНИЕ О ЛЮБВИ

Ты на том берегу живешь.
Ясно вижу твое окно.
Только ты ко мне не придешь –
Все мосты сожжены давно.

Ты живешь на бугре крутом,
А внизу под бугром – река.
Высоко твой вознесся дом,
И вода в реке высока.

Высока вода. Сожжены мосты.
Никогда сюда не вернешься ты.

Толку что теперь выяснять ответ –
Кто же прав из нас, кто не прав?
Но на берег твой мне дороги нет,
Потому что нет переправ.

Одиночество – будто нож,
Как отравленная стрела!
Ну, а если ты вдруг придешь,
Я спрошу тебя: – Как дошла?

И услышу простой ответ,
В нем сольются душа и плоть:
«Тем, кто любит, преграды нет,
Мне в пути помогал Господь.

Сожжены мосты? Возведи их вновь.
Грянет гром беды? Воскреси любовь.

И любовь тебя проведет везде,
Где от страха бросает в дрожь:
По любой беде – по большой воде –
Аки посуху перейдешь».

Я взбежал на речной откос,
Речка рвется из берегов,
Будто мне задает вопрос:
– Ты откуда и кто таков?

– Речка, реченька, пропусти! –
А в чашобе вопит сова:
– Не ходи туда, не ходи!
Та, что любишь, давно мертва.

– Замолчи сова, не морочь туман,
Все твои слова – бесовской обман!

Так ответил я и почуял дрожь,
Слово замерло на устах:
Посреди реки ты, мертва, плывешь
В платье белом и вся в цветах.

И пошел я по воде,
По немереной беде
 вслед за ней.

От печали и тоски
Сердце рвется на куски
 все больней.

Стынет в горле черный крик,
Я согнулся, как старик,
 над водой.

И восходит из нее
Отражение мое –
 сплошь седой.

И в мольбе я воздел глаза
В бесконечные небеси:
– Боже праведный, так нельзя,
Воскреси ее, воскреси!

И промолвил в ответ Господь
Из заоблачной высоты:
– Я дарую ей дух и плоть,
Если только утонешь ты.

Еще раз взглянув на любимый лик,
Белым камушком я ко дну приник.
Тяжкий гул прошел дрожью по спине,
И увидел я, как в мечте:

По крутой волне ты идешь ко мне
В платье свадебном и фате.

И могучая река,
Будто добрая рука
 вымысла,

Подняла меня со дна
И туда, где шла она,
 вынесла.

Нас за все Господь простил
И вослед перекрестил
 посохом.

И по вспененной реке
Мы пошли – рука в руке –
 посуху.

Вот и сказке моей конец.
И упала в реке вода.
Только мы с тобой под венец
Не пойдем уже никогда.

Потому что врала сова
В дебрях сумрачных над рекой:
Слава Господу, ты жива,
Да целует тебя – другой.

Ну а я по той воде,
По немереной беде, –
ближе к ней.

От печали и тоски
Сердце рвется на куски
все больней.

Стынет в горле черный крик,
Я сгибаюсь, как старик,
над водой.

И выходит из нее
Отражение мое –
сплошь седой.

5 апреля 1997

* * *

В заботах дневных и в гульбе
Гоню я тебя из сознания:
Малейшую мысль о тебе,
Малейшие воспоминанья.

А ночью, как раненый зверь,
Кровавая крутые ступени,
Тихонько скребусь в твою дверь,
Припав перед ней на колени.

Хриплю. Задыхаюсь. Рычу.
Вгрызаюсь в прострельную рану.
И снова скребусь – не стучу.
Покой твой тревожить не стану.

Болят? Ничего. Отболит!
Твой сон нарушать не хочу я.
А пес наш за дверью скулит,
Знакомого зверя почую.

Узнал? Только, милый, не лай –
Не рви мою душу на части!
Ты лучше, как я, пожелай
Хозяйке покоя и счастья.

Да будут светлы ее дни,
Как день сотворения рая.
Храни ее, милый, храни!
И только, – уже умирая, –

Возможно, расскажешь ей ты
С суровой правдивостью зверя,
Что видел, как гибли цветы
По разные стороны двери.

21 января 1997

* * *

«Когда встают страдания на крыло,
 Душа, как в скит, бежит в воспоминанья:
 В самих себе мы ищем сострадания,
 Но слабо греет прошлое тепло» –

Так я писал когда-то о судьбе,
 Так говорю сегодня о тебе.

К тебе лечу я, заломив крыла:
 А вдруг да вновь с тобою мы обрящем
 Хотя бы искру прошлого тепла,
 Чтобы теплее стало в настоящем.

Но лишь метель гудит в моей крови,
 Заиглил сердце беспощадный иней.
 А как тебе-то без моей любви,
 Моей печальной пьесы героиня?

Мне холодно у жаркого огня,
 Черным-черно мне этой ночью белой.
 А, может, ты колдуешь на меня
 На пару с расцветающей омелой?

Прости меня! Прости и отпусти –
 Устал я жить наедине с тоскою.
 ...А сердце, как воробушек в горсти,
 Все ждет тебя и нет ему покоя.

4 мая 2002

* * *

Да что ж я так? Какая ты колдовка?
 А вот и жизнь сама дает ответ:
 Прибита на двери твоей подковка,
 А счастья что-то не было и нет.

Гадала ты. Гадала на погосте,
 Где смертных отпевают соловьи, –
 Просила, чтобы к тем, ушедшим, в гости
 Не торопились близкие твои.

А там, у речки, где живет омела,
 Адреналином сдабривая кровь,
 Молила ты, чтоб дочка не болела,
 Чтоб не напала порча на любовь.

Скорей всего, в те смутные мгновенья,
 Подростеряв и чувства, и слова,
 Искала ты хоть краткого забвенья
 В игре страстей под знаком волшебства.

Мне и сегодня вспоминать неловко,
 Как я страдал, лукавого браня!
 ...А если ты действительно колдовка,
 То погадай, родная, на меня:

Пусть колдовская омутная яма
 Вскипит живой и мертвою водой,
 И вновь падет мне...пиковая дама –
 В лице самой колдуньи молодой!

3 апреля 2002

* * *

Ночная гостя, бывшая жена,
 Ко мне порой является тайком, —
 Не так давно с моей руки она
 Вспорхнула неразумным мотыльком

И, погрузившись в тягостную тьму,
 И, проблеск принимая за простор,
 Бесстрашно приближается к тому,
 Кто воспалил ликующий костер.

Ее тепло еще хранит ладонь,
 И вижу я сквозь недра темноты,
 Как на обманной, призрачный огонь
 Летит она, не ведая беды.

Остановись, любимая жена!
 Остерегись, любимая сестра!
 А тот, кому доверилась она,
 Дровишки припасает для костра.

Уже почти за гранью бытия,
 Ее все глубже всасывает ночь.
 Дай Бог ей силы, потому что я
 Уже не в силах чем-то ей помочь.

С отчаяньем гляжу я ей вослед
 И вижу — наяву, а не во сне:
 Крылом ослабшим вспенивая свет,
 Она сгорает в сумрачном огне.

А тот ловец, что заманил ее,
 По-волчьи осторожен и хитер,
 Играя взглядом, тяжким, как копьё,
 Дрова кидает в бешеный костер.

25 мая 1997

* * *

Вот и финита, вот и все дела —
 Я списан на заслуженный покой...
 Любимая, да как же ты смогла
 Швырнуть меня в объятия другой?

Я так устал на Бога уповать
 И птицей, замерзающей на льду,
 Греть в одиночку стылую кровать,
 В объятия заключая пустоту.

Забуться б хоть на несколько часов,
 Разлуки заглушить колокола...
 И я пошел на тихий женский зов,
 Исполненный уюта и тепла.

Пусть не любя, ни капли не любя,
 Дарил я ей себя во весь накал,
 Ведь звали ее так же, как тебя,
 И я не лгал, любимая, не лгал, —

Когда на грудь ей голову клоня,
 Шептал губами, жесткими, как жесьть:
 — Любимая, не покидай меня,
 Любимая, спасибо, что ты есть.

И кто посмеет бросить мне в упрек,
 Что я прошелся танком по судьбе? —
 Ведь ей, случайной, даже невдомек,
 Что те слова я говорил тебе.

В них нет вины, в них тяжкая беда,
 И вновь душа, сгоревшая дотла,
 Хрипит тебе, прощаясь навсегда:
 — Любимая, спасибо, что была.

25 мая 1997

ПЕСНЯ ФАВОРИТА

Я одинок. Я одинок, как никогда.
 А за окном в ночи поет и плачет вьюга.
 Как скрипка пьяная, бормочут провода.
 Я одинок,
 я пью коньяк
 и жду я друга.

Заходи дорогой! Вот коньяк. Вот бокал.
 Понимаешь, дела мои плохи.
 Я любовь, понимаешь, любовь отыскал,
 А потом потерял в суматохе.

Эта женщина в сердце вошла, как стрела,
 Напоенная ядом победы.
 А вчера, понимаешь, куда-то ушла!
 Хорошо, что меня ты проведаль.

Давай, дружок, сними гитару со стены,
 Споем, как в юности, веселую балладу.
 Мне тяжело в холодных лапах тишины,
 Мне одному
 с тоской моей
 не будет сладу.

Я, конечно, с тоски не полезу в петлю,
 Покидая любви пепелище.
 Просто я эту женщину очень люблю,
 Без нее не могу я, дружище.

Ты мне можешь сказать: «Всё ещё впереди!
 И вернется твоя королева».
 Но скулит, как щенок, в утомленной груди
 Что-то там, под рубахою, слева.

Гитара пой! И вот она уже поет,
 То вдруг рыданием заходится, то смехом.
 А сердце глупое еще чего-то ждет,
 Но лишь метель
 мне отвечает
 долгим эхом.

Наливай, дорогой! Отгрустимся потом,
 А пока инструмент под руками,
 Мы споем о любви и, конечно, о том,
 Как мы были с тобой рысаками.

Отчего же нам, друг, не поется сейчас
 И печаль навалилась такая?
 Это все потому, что в бокалах у нас –
 Одинокая горечь мужская.

Гитара, пой! И вот она уже поет,
 То вдруг рыданием заходится, то смехом.
 А сердце глупое еще чего-то ждет,
 Но лишь метель
 мне отвечает
 долгим эхом.

7 января 2002

* * *

В часы душевного недуга,
Отчаясь одолеть беду,
Зову я преданного друга,
К любимой женщине иду.

Они мне тянут души, руки –
И обретается покой.
Есть у меня такие друзья,
Но нету женщины такой.

Да как же нет? Ты есть! Ты есть.
Ты все на том же пьедестале.
Вот только верст не перечить,
Что нас по свету разметали.

Я помню, помню о тебе,
Зову из сумрака разлуки,
Я в неприкаянной мольбе
К тебе протягиваю руки.

Но тщетно корчатся слова,
Несясь в немислимые дали,
Да шелестит в руках листва,
Вспорхнувшая с руки печали.

25 апреля 2002

* * *

Трещат в печи смолистые дрова,
Скандалит вьюга зло и оголтело,
Переметая нужные слова,
Которые тебе сказать хотел я.

Прости меня, любимая, прости
За то, что врозь упала нам дорога.
Но все мои метельные пути
У твоего стекаются порога.

Так ничего тебе и не сказал,
В словесных дебрях попусту кочуя.
...Внимательней взгляни в мои глаза –
Без слов поймешь все то, о чем молчу я.

Но некому в глаза мои глядеть
И некому в последний раз поверить.
Метель в ночи варначит, как медведь,
В былые дни выламывая двери.

И, как тогда, все ходит ходуном,
Из всех углов мне бесы корчат рожи
Да чей-то скорбный голос под окном
Зовет меня из мрака раздорозья

1970, 2002

* * *

Под луной, как под мертвой водой,
Проплываю я тенью седой.

Я, наверно, похож на больного орла,
Что летит умирать на любимый утес, —
Над бездонною пропастью вспенив крыла,
Я себя в родовое гнездовье вознёс.

А в родимом гнезде серебрится зола,
Как холодная память бывшего огня.
И в соседстве ласкает другого орла
Та, что в годы молодые любила меня.

Сколько гнезд я воздвиг на громадинах скал!
А теперь в пустоту упирается взгляд.
Раздарил я другим тех, что раньше ласкал,
Звездной пылью по свету развеял орлят.

Я спокойно подумал, что ныне и впредь
В этой жизни терять уже нечего мне.
И что лучше могучим орлом умереть,
Чем у старости дряхлой истлеть в западне.

Я туда посмотрел, где кончается мгла,
Где под солнцем парят молодые орлы.
И в бездонную пропасть, сложивши крыла,
Бросил тело свое, как обломок скалы.

28 января 1999

* * *

Камнем падал я в черную пасть,
Где клубилась холодная мгла.
Но крыла не давали упасть —
Во весь мах распахнулись крыла.

Я шептал, я кричал, как в бреду:
— Не могу больше жить без любви! —
Но держали меня на лету
Неподкупные крылья мои.

А над серой громадиной скал
Закружилась, гортанно маня,
Та, которую я не искал,
Что сама отыскала меня.

Красотой поднебесной слепя,
Билась птица у скальных столбов.
— Как мне звать, как мне кликать тебя? —
И в ответ я услышал: — Любовь.

— Как же так? Ты ж давно умерла!
Еще там, у ночного костра.
— Нет, мой милый, не я там была,
А моя неродная сестра.

И она стала вровень ко мне,
Развернула меня на лету.
И по самой отвесной стене
Мы на пару пошли в высоту.

А внизу, на придонных кругах,
Грозно взбилась живая вода.
...Бог ты мой, я опять в облаках,
Как в свои золотые года.

20 апреля 2002

МОЛИТВА

Отче наш, всеблагой и любимый навеки!
 Люди добрые, знающие и не знающие ее,
 Всем святым, что Господь заложил в человеке,
 Я молю вас – услышьте же слово мое:

Я любил. Я люблю.
 Я останусь у ног этой женщины.
 А за что я люблю ее,
 Вряд ли отвечу и сам.

В ней земное с небесным
 Так тонко-причудливо скрещены!
 Но она, как могла,
 Устремляла себя к небесам.

Ей несладко жилось,
 И несладко живет сегодня ей!
 Вот и веет печалью
 От песни ее и стиха.

Жизнь была ей то мамой,
 То девкой, распутною своднею,
 И грешила она,
 Но не ведая бездны греха.

Ну, а если не ведала,
 Значит, достойна прощения,
 Значит, не порвалась в ней
 Ведущая к Господу нить.

Всепрощенной, ей станет доступнее
 Путь очищения –
 Попытайтесь понять ее,
 А поняв, постарайтесь простить.

Всепрощенной, ей станет понятнее
 Суть созидания.
 Ну, а что до меня,
 То ее постигал я с трудом!

Но в любви моей к ней
 Вера все же превыше познания,
 А я верил ей, верю
 И не сожалею о том.

Всемогущий Господь,
 Помоги удержаться на грани ей –
 Окрыли ее дух,
 Укрепи ту незримую нить...

Ну, а что до меня,
 То я все ей прощаю заранее:
 Аз есмь грешен!
 А значит, не вправе судить.

Аз есмь так одинок!
 И в кромешной стране одиночества
 Да хранит меня Бог
 От желанья сойти в забвенье.

...А тебе говорю,
 Дорогое мое ты высочество:
 – Я люблю тебя, слышишь?
 Да святится же имя твое!

5 мая 2002

* * *

Как в дни златые, облетаю я
 Любви моей прекрасный материк!
 А ты услышь, любимая моя,
 Мой поднебесный лебединый крик.

За то, что я сумел не потерять
 Себя, почти сгоревшего дотла,
 Я не устану петь и повторять:
 – Любимая! Спасибо, что была.

Любимая! Жена моя! Сестра!
 Тебя я буду поминать добром
 За то, что мы не грелись у костра,
 А полыхали яростным костром.

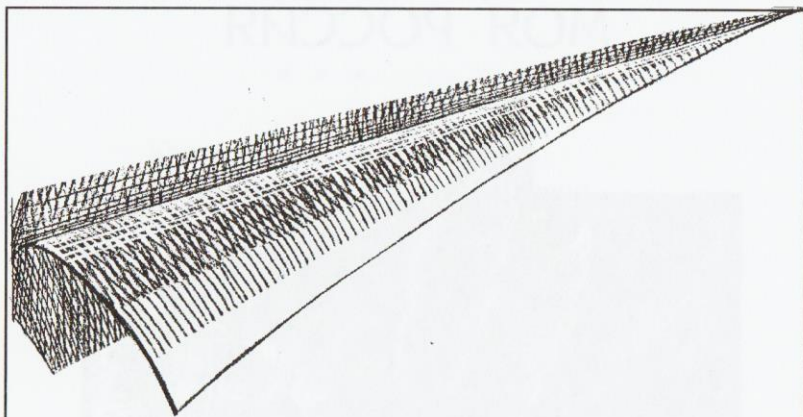
За счастье обладания тобой,
 За муки ада, что пришлось пройти, –
 За все, что мы прошли одной тропой,
 Благодарю тебя в конце пути.

Звонит, звонит во все колокола
 Душа моя, сумевшая воскресть:
 – Любимая, спасибо, что была.
 Любимая, спасибо, что ты есть.

25 апреля 2002

МОЯ РОССИЯ

За огородами, за выпасом, за большаком
 Легла Россия через всю Россию!
 Возьму однажды и пойду пешком,
 И без усилий этот путь осилю.

Как предки, босиком да с батожком,
 С краюхой хлеба да щепоткой соли,
 Уйду дремотным пыльным большаком
 Искать на воле заповедной доли.

А впрочем, что там пыль дорог молоть,
 Чего искать, скажите мне на милость?
 Ведь в с я Россия – кровь ее и плоть –
 В селе моем заречном уместилась.

ИЗ КНИГИ «ЗА ЖУРАВЛЕМ»

ПОСОХ

В. Астафьеву

Вновь стою на припаромке,
 На дощатой кромке.
 Говорок людей негромкий.
 Переливы хромки.

Ветер дует и колдует –
 Обращусь в листочек!

На ветру не пропаду я,
 Если хоть следочек
 Прикипит на припаромке
 Стежкой печальной...

Как рожок, поет в котомке
 Щепочка причальная!

Пой, рожок. И по воде
 Я пойду, как посуху.
 А случится быть беде,
 Станешь зрячим посохом,
 Проведешь меня домой
 Сквозь брода-убродины!

Припаромок над водой –
 Это память родины.

Пусть заглушат злые громы
 Голос мой, негромок,
 Пусть уходят все паромы –
 Был бы припаромок.

1975

* * *

Знакомые таежные места,
 Озвученные песней журавлиной!
 Здесь в сумерках от каждого куста
 Смородиною веет и малиной.

И у реки в рыбачьем шалаше
 Всегда найдется добрый собеседник.
 И так легко мятущейся душе
 Забыться от недавних потрясений.

Здесь запросто услышишь за версту
 Дыхание полночного урмана.
 И можно угадать свою звезду,
 Горящую в прогалинах тумана.

1975

* * *

Больно жалится? Экое диво!
 За другое не любят ее:
 На беде да разоре крапива
 Беспечальное правит житье.

Погорельцы отсюда бежали,
 А она зацвела на золе.
 Всех людей с той поры она жалит
 За измену родимой земле.

На пожарищах, пустоши, камне –
 Как еще выживает она?
 Нет, не руку она обожгла мне –
 Опалила мне душу до дна.

Опалила забытою болью,
 Что однажды взошла из огня,
 Безнадежной последней любовью
 К той земле, что взрастила меня.

1983

* * *

Я рос в березовой стране!
Вот и сейчас, на склоне лета,
Душа моя живет во мне,
Полна березового света.

Вот в этих вот березняках,
Под небосводом этим синим,
На древних скальных берегах
Я обретал свою Россию.

Здесь у суровых журавлей
Учился я земной науке:
Любить простор своих полей
И не желать синицу в руки.

Здесь плотью облекался дух
Моих мечтаний сокровенных.
Он и поныне не потух –
Гудит в моих горячих венах.

...Года летят за окоем,
Но неизменен давний жребий:
Я все гонюсь за журавлем,
Мерцающим в высоком небе.

И мне бы только знать о том,
Что не мелеют наши плесы,
И так же на бугре крутом
Врастают ввысь мои березы.

1975

* * *

Позажгло березняки
Золотое марево.
Это вызрели жарки
Да коренья Марьины.

Замостило берега
Плавнями-лесинами.
Растревожилась тайга
Трубами лосиными.

Какнет белка, как блесна,
В омута кедровые!
Землю жалует весна
Дорогой обновою.

Замесила чудеса
Рыжая бегляночка –
Пляшут заяц и лиса
На одной поляночке.

В коридорах лесосек
Свищут птахи разные.
...И земля, и человек
Обновленья празднуют!

1976

* * *

Какие чудные погоды
 Стоят над берегом моим!
 Мне тридцать два –
 Как странно! – года
 И я люблю, и я любим.

Пускают скворушку из клетки
 Два босоногих малыша.
 Как скворушка на теплой ветке,
 Поет во мне моя душа.

И счастлив я своей судьбою,
 И не погаснет этот пыл.
 ...Хочу, чтобы моей любовью
 Кого-то кто-нибудь любил!

1976

* * *

Звенят от зноя колокольчики –
 Не упасешься от жары!
 Бежишь в березовые колочки,
 А там слепни да комары.

А там такая духота,
 Хоть веники с березы сламывай
 И у калинова куста
 Устраивай парилку славную!

До корневищ обожжены,
 Пеньки – и те за дождик ратуют:
 Бастуют вот уже с весны
 Небесных дел мелиораторы!

1976

КРЕСТНЫЙ ХОД

За деревней –перевоз,
 Механический паром.
 Доморощенный матрос
 В речке шастает с багром.
 Нет пути четыре дня:
 Обмелела Томь-река.
 Глушит скуку шоферня
 В подкидного дурачка.
 В скаты, смазку и бензин
 Високосный кроют год!
 И в ближайший магазин
 Снаряжают крестный ход.
 А потом – горою пир!
 Песняка – под облака!
 И плескали в речку спирт:
 Дождика бы, дождичка!
 Зной сжигает все вокруг...
 ...Только вдруг над головой
 Прокатился дробный стук
 По небесной мостовой.
 Тучи рясные пошли,
 И, маленько погодя,
 Забурунились в пыли
 Струи желтого дождя.
 И никак понять не мог
 Разгулявшийся народ:
 Это ж их транзитный бог
 Отвечал на крестный ход!
 И по коже драл мороз:
 Так корежил землю гром!
 Отшабашил перевоз
 Механический паром.

1975

* * *

С полсотни дворов на заречном бугре.
 Талины цветут из высоких плетней.
 Горластые кочеты в каждом дворе.
 Пожарка вдали и вороны над ней.

В полях за околицей – рожь да овес.
 Во ржи перепелок полно и шмелей.
 А сразу за полем – медовый покос,
 Там наши сельчане находят детей.

Была у зачинщиков легкой рука:
 Однажды мы сено косили с женой
 И в тех же местах отыскивали сынка,
 Кровинку большущего сходства со мной.

И вот ведь какие бывают дела –
 Любой оголец вам расскажет о том,
 Что, можно сказать, половина села
 Себя отыскала в стогу молодом.

Вот так и живем мы на этой земле,
 В тиши листопадов и в сполохах гроз.
 Все миром решается в нашем селе –
 Надежно роднит нас медовый покос!

1976

* * *

Сиреневый куст за сосновой избушкой
 В окне моем ловит свое отраженье.
 Бескровное солнце над гулкой опушкой
 Дневное свое завершает круженье.

Зажглась материнством осенним пшеница,
 И мысли приходят: о воле, о хлебе.
 За ближним подлеском волхвует синица,
 И трудно понять: на земле или в небе?

И хочется вскрикнуть на птичьем наречье,
 Взлететь на обрыв, сквозняками продутый!
 И видеть, как падают в вечность минуты,
 И верить в бессмертность души человеческой!

1974

* * *

Свет олуненных берез вызрел над тающим летом.
 Разбередило до слез этим кочующим светом.

Вот и не сплю до утра, внемля древесному шуму.
 Под бормотанье костра думаю грустную думу:

Отпольхают года. Стану кочующим светом.
 Сыну оставлю тогда землю прекрасную эту.

Вяжут суровую нить те же больные вопросы:
 Сможет ли сын сохранить наши поля и березы?

Светлая вспышка огня на дорогом пепелище:
 Мир этот после меня станет добрее и чище?

Жжет неумно во мне – вроде горячечной жажды:
 Будет ли жизнь на земле иль оборвется однажды?

1982

* * *

Кончился сенокос.
Скоро уборка хлеба.
Ветер верхи берез
Вкрутил в кочевое небо.

Завтра перебегу
Зыбким мостом березы –
Вызрею на лугу
Заоблачного покоса?

Нет! Погожу пока,
Здесь задержусь подоле –
В ливнях березняка,
В теплом пшеничном поле.

Буду разбойно сыт
Волей и отчим кровом!
Буду траву косить
Нежным моим коровам.

1978

* * *

Белый домик. Тишина.
Черный тополь у ворот.
В синем омуте окна
Лебедь белая плывет.

Вот уже который год
Я дежурю в тишине.
...Хорошо она плывет!
Хорошо. Да не ко мне.

1983

ПЕСНЯ ОСТЯЧКИ

Снаряжу я обласок,
Слажу весла острые –
Загребу наискосок
К таловому острову.

А на том на острову
Милый встретит ласково –
Уплыву я в синеву
Родниковых глаз его.

Не расстанемся вовек –
Ох, люблю, хоть плачь, его!
Он хороший человек
И рыбак удачливый.

А не век, так хоть часок
Полюблю, помучаю!
Ты лети, мой обласок,
Быстриной зыбучею.

Ты греби, мое весло,
Да по стрежню острому –
Как бы вдруг не унесло
Ко другому острову!

1982

* * *

Предчувствие холода сводит ключицы.
Слоится туман на пустеющем броне.
Последний кузнечик в пространство стучится.
Чуть слышно капуста хрустит в огороде.

Синицу закогтив и грохнувшись оземь,
Пиратствует ястреб в полях за деревней.
Зеленым дождем проливается озимь
К озябшим подножьям холмов и деревьев.

И кажется: жизнь еще в самом начале,
Как робкая озимь над утренним полем.
Мельчают обиды. Светлеют печали.
И ты ожиданьем прекрасного болен.

1974

* * *

Под утро лечь. И тут же встать.
 Уйти в проселки полевые.
 И ненасытно, как впервые,
 К студеной речке припадать.

Колосья согревать в горстях.
 Стерней до боли уколотся.
 И, возвращаясь, у колодца
 Узнать в местных новостях.

И у соседского плетня
 Дымить сельповской сигареткой.
 И знать, что мужняя соседка
 Глядит украдкой... на меня.

И ощутить огонь в крови
 От греховодного соседства.
 ...И может захлебнуться сердце
 Внезапной близостью любви!

1975

* * *

Печь хлеба. Ребятишек рожать.
 Ткать. Стирать. Убирать огороды.
 Мужика у калитки встречать
 Не с войны, а с работы.

– Да неужто одна и судьба –
 Разрываться на части?
 – Ребятишек рожать, печь хлеба –
 Разве это – не счастье?

1981

* * *

С вечера задуло, замело!
 Полз коряжник на речную мель.
 Жалобно кричал на все село
 У колодца старый журавель.

Это вдруг слышались ему
 Родичей пролетных голоса,
 И старик сквозь стонущую тьму
 По ветру рванулся в небеса.

И глядеть наутро было жаль,
 Как, крыло беспомощно задрал,
 За колодцем на лужке лежал
 Бурей искалеченный журавль.

– И куда беднягу понесло
 Это деревянное крыло? –
 Земляки дивились между дел.
 ...А журавль любил свое село,
 Потому лишь и не улетел!

1976

* * *

Октябрь. Суровая береза
 Роняла листья в волны плеса.

А листья падать не хотели
 С насиженных своих верхушек.
 В них билась жизнь. Они летели,
 Как крылья раненых пичужек.

И я смотрел, как эти листья
 Порхают ветреной богемой,
 И чудилось, что чьи-то мысли
 Слагались грустной поэмой.

1982

* * *

Ветры мчатся над озимью,
 Как гривастые кони!
 Я проснусь поздней осенью
 На заречном кордоне.

Здесь под высвисты птичьи,
 Просветленно и строго,
 Перед вечным величием
 Постою у порога.

Позабуду все горести,
 Стану зорькою греться.
 ...Что же странною горечью
 Вдруг наполнилось сердце?

Это осень глубокая
 Шепчет мне в укоризне,
 Что не так уж и много я
 Поуспел в этой жизни.

1976

* * *

За окошком кошка плачет.
 Мыши шарятся в комодке.
 Свет погас в соседних дачах.
 Сосны стонут к непогоде.

Я сегодня болен очень,
 Жду друзей, как избавленья
 От кабальной этой ночи,
 От недужного томленья.

Вот сирены прокричали
 И огни прошили темень.
 Теплоход сейчас причалит,
 Мой ковчег с друзьями теми.

И опять я в дружбу верю.
 И уже душа не стынет.
 Но молчат угрюмо двери.
 Тихо в доме, как в пустыне.

Сникли пламенные свечи.
 Смолкли песни у причала.
 ...Зря весь день о нашей встрече
 Сойка в окна мне кричала.

1983

* * *

Заосéнело. Дождик раскосый
По остриженным бродит лугам.
Порусевшие ломкие космы
Разметали по ветру стога.

Обмороженными крылами
Трудно машут вдали облака.
Шустрой белкой мелькает пламя
В пальцах скрюченных костерка.

Журавли над рекой прокричали,
И почудилось: в дальней дали
Я друзей голоса различаю –
И живущих, и тех, что ушли.

И в холодное это утро,
Пересилив недавний недуг,
Вижу я, как печально и мудро
Замыкается времени круг.

Только с этого зыбкого круга
До тех пор не сойду я, пока
Будут жить во мне преданность друга
И живое тепло костерка!

1976

ТАЕЖИНА

Весна

Пустынны проулки. Подворья пустынно.
Никто не ответит – кричи не кричи.
За конюховкой над сторбленным тыном
Пустая скворечня нелепо торчит.

Подковы ржавеют на шатких воротах.
В избушках – простуженный плач половиц.
Истлевшие пугала на огородах
В пустых рукавах согревают синиц.

Лишь изредка вскрикнет ягненок в подклети,
Тревожа от спячки дуреющих клуш.
...И трудно поверить, что в наше столетье
Бывает такая дремотная глушь.

Лето

Заколочен раскольничий кут
На тринадцать чалдонских засовов!
Неусыпно его стерегут
Цепняки да крикастые совы.

На любую работу легки,
Тяжелы на привет и улыбку,
Звероватый народ, кержаки,
Чужаков привечают не шибко.

...И ничто не спугнет тишину!
Лишь в низине, под вербой тенистой,
Коростель верещит, как транзистор,
Потерявший родную волну.

Осень

Успокойся, затворный народ!
Я не к вам. Я в гостях у природы.
По цветам прохожу, словно вброд
Пробиваюсь сквозь алую воду.

Осиянно мерцает вдали
Озерцо в камышовой оправе.
И восходит от росной земли
Августовский настой разнотравья.

Да, ломая застойный покой,
Расхристав кедрачи на опушках,
Хлестанет вдруг гроза над тайгой!
И закрестятся люди в избушках.

Зима

Вдоль лога, от крайних домов деревушки,
Тропинка ведет неизвестно куда.
Журчанье ручья осыпается в уши
Осколками первого ломкого льда.

Зайчата сбежались на брошенный выпас.
На старых остожьях гниют бастрыки.
Дремучий старик на приступочку выполз,
В дугу скособочив собачьи чирки.

Сыпучая морозь струится за ворот,
Нетронутым снегом сверкают холмы.
И – словно на прясле нахохленный ворон –
Забывтый старик...на пороге зимы.

1976

* * *

Зажглась золотая звезда
Еще на дневном небосводе.
В реке затвердела вода,
А это к хорошей погоде.

Спокойно сегодня засну –
Дела мои сладились вроде.
Но я припадаю к окну:
Какая погода в природе?

Погода и впрямь хороша,
Да вот не баюкает нега:
Скулит под рубахой душа –
Хорошего ждет человека.

1982

* * *

В лесах моих тихо и пусто.
 Умолкли зверюшки и птицы.
 И зубы ломает до хруста
 Ручья ледяная водица.

Закраина мира. Заречье.
 Забытость мгновенья и века.
 Предзимье, предбурье, предтеча –
 Предшествование нового снега.

Явленья природы, не боле!
 Но вдруг опускаются руки.
 ...И сердце ломает до боли
 Предшествование новой разлуки.

1976

* * *

Холодный ветер. Лай собак.
 Паромный флот ушел к низовьям.
 Вослед уму глядит маяк
 Подслеповатым глазом совьим.

В Октябрьские ударит снег,
 Забелит все чернополосья,
 И по долинам сонных рек
 Засвищут санные полозья.
 Полночный задневалит свет
 У клуба головной усадьбы
 И в мясоед, не в мясоед,
 Засветятся блинами свадьбы.

Тряхнут рублишком земляки –
 Обозами пойдут подарки!
 Слезой потратятся с тоски
 Чувствительные перестарки:
 Мол, и у них любовь была,
 Да вот отвадилась от дома –
 Стекла с холодного весла
 Под скрип последнего парома.

Все это будет, а пока
 Варначит ветер по отрогам
 И ледоносная река
 Сшибает головы порогам!
 Но одичалый лай собак
 Пророчит скорое затишье.
 Все тяжелей медвежий мрак
 В ночах задавливает крыши.

Заполоняет жизнь села
 Запечная глухая дрема –
 До всплеска первого весла,
 До скрипа первого парома.

1982

* * *

Вовсю летят опальные листы
 Березовых моих календарей.
 К теплу бегут бродячие коты
 С излюбленных окрестных пустырей.

А по утрам все тяжелей вставать —
 Под одеяло лезешь с головой,
 И кажется прогретая кровать
 Лесной поляной с теплою травой.

Порою, правда, чудится в ночи,
 Что осень еще будет медоветь,
 Но слышишь вдруг: в нетопленной печи
 Ворочается ветер, как медведь.

В окно глядишь — одни лишь лопухи
 На огороде убранном торчат.
 ...И замечаешь вдруг, что петухи
 Уже совсем по-зимнему молчат.

1976

* * *

В опрокинутую бочку
 Пес мой лезет, как в берлогу.
 Два телка одним комочком
 Жмутся к вымокшему стогу.

Бесквартирные сороки
 Тщетно бьются у скворечни.
 И в означенные сроки
 Упадут снега в Заречье.

1976

* * *

Потянуло севером с полей.
На зимовку двинулись стада.
С каждым днем темней и тяжелей
Паутин льняные невода.

Печку растопили мы чуть свет
И, к теплу придвинувши кровать,
Кожушок налаживает дед.
Ну и ладно. Будем зимовать.

1976

* * *

Тонко свистят на рябинах дрозды.
Воет на просеке бензопила.
Кони храпят у студеной воды –
Вброд не идут и грызут удила.

Кто-то сигнальные огоньки
Утром в калиннике нашем зажег,
И на посадку в поля у реки
Тихо планирует первый снежок.

1976

* * *

И вот уже остудой ноября
Прихвачено дыхание реки.
У запани, зачалив якоря,
Буксирные ютятся катерки.

Зима идет на родину мою.
Речная закрывается страда.
В колодец деда, словно в полынью,
Под вечер вмерзла белая звезда.

Скопился снег над черною горой,
И только за излучиной реки,
Как будто ясной летнею порой,
Прозрачно зеленеют сосняки.

1976

* * *

Конец сезона. Крик картавый
Буксира. За бугром в тени
Лежит снежок. До ледостава
Остались считанные дни.

На обмелевшем перекате –
Разбитый плот. Невдалеке
Брезент продубленный, как скатерть,
Стряпуха стелет на песке.

И за удачную путину
Пьют сплавщики. И жгут костры.
И в бревна, как в тайменьи спины,
Вгоняют пьяные бугры!

1974

* * *

Утром выглянул и – на тебе! –
 Снегом крашены стога.
 На реке тяжелой накипью
 Собирается шуга.

Воронье кружится стаями
 У дымящейся воды.
 На лугу лиса оставила
 Торопливые следы.

Позабрызганы калиною
 Косогоры у села.
 Звуки длинные-предлинные!
 Даль до краешка светла.

Это день последний осени
 Входит в первый день зимы.
 ...И березы ноги босые
 Прячут в снежные пимы.

1976

* * *

Снегири летят с утра –
 Значит, быть большому снегу!
 Под навес свою телегу
 Катит конюх со двора.

Огороды замело.
 Снег на скирдах, снег на бане.
 Мы с соседом сядем в сани
 И уедем за село!

На заречный снегопад
 Невозможно наглядеться!
 Все сегодня – словно в детстве,
 Словно много лет назад:

Элеватор за рекой.
 Стаи галок на березах.
 Шорох снега. Свист полозьев.
 Нескончаемый покой.

И не надо лучшей доли –
 Тем и счастлив человек! –
 Только б длилось это доле –
 Память детства... первый снег.

1975

* * *

Река остановилась... Ребятня
Повысыпала на берег, хохочет!
Испуганно шарахнувшись, с плетня
Крылами бьет заиндевелый кочет.

И вот уже всюду звенят коньки,
Мелькает шайба, и с прибрежной сопки
Подпитый дед глядит из-под руки
На ледостав. Оранжевое солнце

Скатилось в полынью. У полыньи
Рябая баба простыни полощет.
И взгляд ее, прозрачней простыни,
Скользит непонимающе, на ощупь

По бережку, по шустрой ребятне,
По кромке неба на речной излучке.
...Она дыханьем долго греет руки
И думает, наверно, о весне, —

О той весне, когда цвели жарки,
Цвели и пахли в свадебном июне,
Когда пришел спецкатер по Катунь
И на войну отбыли мужики.

И все смешалось в той большой войне
Под вдовий вой и под рыданье вьюги.
...Она дыханьем долго греет руки
И думает, наверно, о весне, —

Когда с сиротским костыльком в руке
Увечным мужем к ней пришла Победа —
Вот этим вот, теперь давно уж дедом, —
Что с ребятней играет на реке.

1975, 2004

* * *

Все реже слышен скрип телег.
Все чаще на дорогах сани.
И небеса грунтует снег
Над осветленными лесами.

Лыжня струится от крыльца
В поля, где галочки трещотки.
Снежинки вьются у лица,
Прохладой обдавая щеки.

...И отступает суета,
И нет ни горечи, ни боли.
Душа спокойна и чиста,
Как первый снег в заречном поле.

1982

* * *

Зима вошла в мой дом сквозь щель в двери —
И вмиг за печку угнездилась кошка!
Рябины грозди, словно снегири,
Порхают у зальделого окошка.

Проносится проулком детвора
И за откос в сугроб ныряет сходу,
И наш гончак стремится со двора,
Наладившись на заячью охоту.

А снегопад все кутает холмы
Лоскутьями холщевых полотенец.
И стежки от расхристанных поленниц
Уводят в глубь задумчивой зимы.

1976

ВРЕМЯ

Я живу за Чулымом.
Пес со мной да ружье.
Пахнет смолюю и дымом
За версту зимовье.

Бесприютные листья
На крутом сквозняке,
Словно выводки лисьи,
Шебуршат в тальнике.

А рябина в морозы
И сластит, и горчит!
За рекой в леспромхозе
Лесопилка стучит.

За неделкой неделку
Тарахтит средь лесов,
Будто ржавая стрелка
Допотопных часов.

Что за срок отбивают
Они в этой глуши?
Ах, как дни убывают.
Ах, как хочется жить.

1978

* * *

Зарезали Зорьку на зорьке –
Совсем уже стала стара!
Лежала дымящейся горкой
Она посредине двора.

Мерцала в ее изголовье
Обманная горстка овса.
Доверчиво тлели коровьи,
Уже неживые, глаза.

И дед перекуривал хмуро,
Роняя на ветер махру.
Облезлая Зорькина шкура
Топорщилась на ветру.

По темному резали Зорьку –
Не дожила до утра!
И плакала бабушка горько
За стайкой в глубинке двора.

Дымилась тесовая стайка,
Где Зорька от века жила.
В ней Зорькина внученька Майка
Под вечер телка родила!

1975

* * *

Январь смотрел сквозь прорубь на меня
Белесыми спокойными глазами.
Под чистыми до боли небесами
Качался столб закатного огня.

И в прорубном дымящемся садке
Я углядел под медленной водою:
Струя, вокруг мерцанье золотое,
Кленовый лист расплеснут на песке!

Закат истаял. В темноте сквозной
Зажглась звезда таежного Заречья.
Как занемогший крохотный кузнечик,
Она искрилась в проруби ночной.

И верилось, что вовсе не звезда
Отражена поверхностью канала,
А свет р е з н о й кленового листа
Ледком прозрачным прорубь спрессовала.

1977

* * *

Еще далече до тепла.
Мерцает в проруби звезда.
Не скоро оживет ветла
На крутосклоне у пруда.

Еще курлычет по ночам
Мороз под крышей, как журавль.
И в рощах утренних кричат
Трещотки зимних волчьих травль.

Встают со светом топоры
На просеке. Костры в логу.
И наши лодки до поры
Чернеют доньями в снегу.

И лишь когда пройдет обоз
От развороченных стогов,
Как в самый жаркий сенокос,
Потянет клевером с лугов!

1975

* * *

Опять ударит ветер в двери,
Взметнется птицей от угла!
И ты захочешь вдруг поверить
В приход июньского тепла.

За дверью мрак февральской стужи,
Но ты сквозь сгустки темноты
В хитросплетенье снежных кружев
Рассмотришь белые цветы.

Призывно вскрикнут створки окон,
И ты увидишь: вдалеке
Заря, как огнебрюхий окунь,
Лениво плещется в реке.

И безраздельно с летом слиться
Захочешь ты... да только вот
Крик замерзающей синицы
Тебя в действительность вернет.

1974

* * *

Ветер за стеной – свирепый зверь!
 Мне в метель цветенье мая грезится.
 Поднимусь. Пойду открою дверь:
 Может, кто-нибудь зайдет. Погреется.

Я, как друга лучшего, приму
 Всякого случайного прохожего,
 Схожего со мною и не схожего:
 Трудно человеку - одному!

Дров подброшу в старенькую печь,
 Приглашу к столу ночного гостя –
 Ведь и так немало на погосте
 Тех, что не смогли мы уберечь.

Выпьем чаю. Сядем у огня.
 И в раскат покатится беседа.
 ...Дверь скрипит. Я узнаю соседа –
 Он пришел к себе позвать меня!

1983

* * *

Еще далече до тепла.
 Мерцает в проруби звезда.
 Не скоро оживет ветла
 На крутосклоне у пруда.

Еще курлычет по ночам
 Мороз под крышей, как журавль.
 И в рощах утренних кричат
 Трещотки зимних волчьих травль.

Встают со светом топоры
 На просеке. Костры в логу.
 И наши лодки до поры
 Чернеют доньями в снегу.

И лишь когда пройдет обоз
 От развороченных стогов,
 Как в самый жаркий сенокос,
 Потянет клевером с лугов!

1975

* * *

В прутьях клетки, как в зубьях вил,
Бредит волк золотым околком.
Волю вольную он любил –
Потому и назвали волком.

Так случается и со мной:
Сердцу хочется вольной воли –
Тяжко в клетке ему грудной!
Отпустить его, что ли?

Отлучить его от всего,
Как волну разлучить с рекою...
Да не примет оно покоя
И отпустит меня самого!

1982

* * *

Затих в трубе залетный леший,
Затих и отошел ко сну.
Теплынь в избе. Сверчок сомлевший
Сварливо сверлит тишину.

Еще виток... Еще колечко...
И землю пробурит насквозь.
И рядышком с поющей печкой
Проклонится земная ось!

Я на нее уставлюсь шало:
Такая выпала судьба,
Что центр всего земного шара –
Моя пихтовая изба!

1983

ОТГАДКА

Хлебным духом исходит жильё!
 Дух морозный гудит над логами.
 Бабы в речке полощут бельё,
 Вороха отминают вальками.

Можно в баньках, на мятном пару,
 А они – в полыньях у плотины!

На ветру, на крутом сиверу
 Белокрыло взлетают холстины,
 Обретают снегов белизну,
 Чистоту родниковой купели...

Ах, какую поднимут волну
 Полотняные струи постели!

Закружит этот водоворот –
 Ночь плывет не в пустых разговорах...
 Вот откуда весь здешний народ –
 С енисейскую синью во взорах!

Рубим избы. Гоняем плоты.
 Ткем холстину – ивановской краше!
 И чисты, родниково чисты
 Наши души и помыслы наши.

1978

* * *

Вскрылатился разбойный свист
 В холмах зареченской сторонки.
 Березы в поле, как девчонки,
 Под джаз пурги танцуют твист.

Люблю хмельной разгул пурги –
 Ты мне сродни, бунтуй, дружище!
 Во все концы ревет и свищет,
 И не видать вокруг ни зги.

Вставай, как лошадь, на дыбы!
 Попробуй оседлать такую!
 Пускай с тобой на «ты» толкуют
 Лишь телеграфные столбы.

Затишья дверь рвани с петель,
 Тряхни мой дом, угрюмый, тучный!
 Мне никогда не будет скучно,
 Пока на свете есть метель.

Но он нагрянет – мой черед:
 Толчок под сердце... дрожь по коже...
 И лишь одно меня тревожит,
 Одно покоя не дает, –

Чтоб ты, любовь ко мне храня,
 Не стихла над моей могилой...
 ...Лети к моим друзьям и к милой,
 Скажи, чтоб смерти не кляня,
 Бунтующим метельной силой
 Они запомнили меня!

1975

КРУГИ СВОЯ

1

Всех нас однажды сей миг посетит –
Тесно вдруг станет в родимых пенатах,
И собираться в дорогу велит
Крик отлетающих к югу пернатых.

Перечеркнем мы все наши Вчера,
Заболевая нездешними Завтра,
И незаметно для всех и внезапно
Мы отбываем с родного двора.

Жизнь нас кружит, как большая река,
Переполюнявя мятежные души.
Дружим с удачей. Дорога легка.
Только все чаще тревожит тоска,
Все тяжелее простор этот душит.

Даже в певучих словах соловья
Слышатся скорбные ноты укора...
...Вновь я сбежал от большого простора,
Чтоб возвратиться на круги своя.

2

По Заречью шумят листопады –
Снова даль беспредельно чиста,
И лучатся грибные лампы
Возле каждого пня и куста.

И глухими задворками лета
Мы уходим в лесок за село
По грибы... И от чистого света
На душе и в округе – светло.

3

На родине моей от осени светло!
В глазах темно от этого свеченья!
...Я оставляю легкое весло
И доверяюсь вольному теченью.

Река несет меня за поворот,
Качают лодку медленные плесы.
По берегам в лугах шумит народ:
Пришла пора второго сенокоса.

Готовятся к зимовке земляки,
От утренней звезды кипит работа:
Последние погожие деньки
Нам отпускает матушка природа.

4

Соседи в огородах жгли ботву.
Соседи заколачивали дачи.
Крылами будоража синеву,
Клин журавлиный путь свой обозначил

За горизонт. Корявая ветла
В ветвях качала солнечные слитки.
И в первый раз меня не повлекла
Вслед журавлям открытая калитка:

Душа искала мира и добра
У изначальных памятных истоков!
И понимал я, что пришла пора
Моих, уже сентябрьских, итогов.

5

Душа всюду уносится в зенит!
Работает, взрываясь на пределе.
Но негасимо песня в ней звенит,
Услышанная в детской колыбели.

Была та песня о земле людей,
О нашей светлой северной природе,
Была та песня – о моем народе,
Сказать точнее – о родине моей.

И сердце, как воробышек в горсти,
От чувств неясных трепетно сжималось.
И светлых зорь дымящаяся алость
С моею кровью в нем перемешалась,
Свет родины загля в моей груди!

6

Вот и все! Откричали мои журавли!
Поднялись и, прощально качая крылами,
Долго-долго виднелись в холодной дали
И пропали совсем за горами-долами.

Я не знаю, что было со мной в этот миг,
Только сердце могло разорваться от боли,
И бежал я за птицами напрямик –
По оврагам лесным, вдоль реки, через поле.

Не догнал! Улетели родные мои!
Проливались по следу кровавые блики,
И все чудилось мне, что в заречной дали
Раздаются гортанные скорбные крики.

А потом у костра, за стаканом вина,
Мне друзья говорили при ясной погоде:
– Улетели и пусть! Не грусти, старина,
Так уж было, так есть, так и будет в природе.

Только как им сказать, что я сердцем не лгу,
Что люблю эту землю, в нее только верую?
И что даже представить ее не могу
Без крылатых моих, без журавушек серых.

И в середине зимы, когда в снежной пыли
Забеснуется вьюга с отчаяньем вдовьим,
Все мне будет казаться: летят журавли –
Только не за кордон, а к родимым гнездовьям!

1974-1982

ИЗ КНИГИ «ВДОВЬЯ ЯГОДА»

* * *

Огонь в печи. Ребенок в зыбке.
Хлеб на столе.
Бормочут вещи калитки
В кремешной мгле.

Как миротворно в моей квартире!
Уют какой!
Как будто в целом подлунном мире
Царит покой.

Но как тревожно, как это зыбко –
По всей земле:
Огонь в печи. Ребенок в зыбке.
Хлеб на столе.

1976

МОГИЛА РУСИЧА

Кони во поле протопали,
Ржали, рвали удила...
Отыскал я камень во поле
За околицей села.

Белый камень, черны трещины –
Верный знак заречных мест.
Что на нем за стрелы скрещены?
Православный это крест.

Крест мечом булатным выбили
Или сталинским штыком?
Камень знает тайну гибели,
Только он лежит молчком.

Впрочем, есть ли в том значение –
Кто здесь пал, в который век.
Важно то, что, без сомнения,
Был он русский человек.

Пусть вели его в последний бой
Князь иль красный генерал, –
Для России жил тот предок мой,
За Россию умирал!

Потому в народной памяти
Побратались навсегда
Ратный крест далеких прадедов
И армейская звезда.

1968

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Дурман прошлогодней ботвы.
Казан прошлогодней картошки.
Наохлившись вроде совы,
Шурую в костре головешки.

И мудро молчат пацаны –
Мы верим счастливо и слепо,
Что больше не будет войны,
И всем хватит соли и хлеба.

Какая сошла благодать!
Какие возникли орбиты!
Вот только отцов неубитых
На всех нас не будет хватать.

1980

ДЕТСТВО. МОНОЛОГИ РОВЕСНИКА

1

Снова детство мне снится. Там качает иссохший плетень
Ветер голода. Пять оборванцев. Ночное.
И встревоженной птицы высокая светлая тень
Одиноко и скорбно плывет под осенней луною.

Там достаточно было закрыть на мгновение глаза –
И в один этот миг десять раз умереть и родиться!
И, колени поджав, невесомо взлететь в небеса,
И парить под луной рядом с этой встревоженной птицей.

Как мечтал я тогда превратиться в большого орла
И, крылами взмахнувши, нестись в поднебесье со свистом.
И, представьте, летал! И меня уносили крыла
К тем неведомым землям, где батя сражался с фашистом.

И с крутой вышины упал я в кипенье свинца,
И бежали враги, перепуганно спины горбятя.
Я когтями терзал их поганые злые сердца,
Я глаза им клевал, чтоб стрелять не могли они в батю.

И у этих видений был один неизбежный конец –
Мы побили фашиста весной, немислимо шалой!
И вернулся домой, и живет вместе с нами отец –
В трех словах похоронки, от времени обветшалой.

Детство, детство... Года отгорели, как день!
И другие мальчишки табун угоняют в ночное.
И встревоженной птицы высокая светлая тень,
Как отцова душа, одиноко плывет под луною.

2

Сподоблены древним летам,
К себе безучастны и глухи,
Но, голос подаст Левитан, –
Внучат своих крестят старухи.

Да разве понять пацану
Запечные бабкины страхи?
В линючей сельповской рубахе
Играть убегал я в войну.

Дышала неровно братва
Над шапкой в тенечке овина –
Ведь надо делиться сперва
На вражеских две половины.

Коль красный достанется цвет,
Становишься русским солдатом,
А вытянешь черный билет –
И станешь фашистом проклятым.

В жестоких боях за селом
Кровавые шишки сносил я:
Давал мне терпенья и силы
Отец, что погиб под Орлом.

И каждому силы несла
Такая ж отцова могила...
Большая беда закалила
И души, и наши тела.

Но всяк поносил белый свет
И плакал – нестыдно, пречисто! –
Коль брал тогда черный билет
С проклятою маской фашиста.

1975-1980

ВДОВЬЯ ЯГОДА

В войну был обычай таков,
Что женщины Латъева Дола
За павших своих мужиков
Рябину садили у школы.

И я о победе одно
Запомнил – что может быть проще? –
Как женщины пили вино
В просторной рябиновой роще.

Доныне стоит она здесь,
Средь нашей заречной станицы,
Чтоб в праздник победы зацвезть,
А осенью алым залиться.

Не трогают даже дрозды
Рябинник, отмеченный кровью, –
Горьки наливные плоды,
Российское горюшко вдовье.

1980

ОЖИДАНИЕ

Облокотясь на подоконник,
Молчит Мария. А вдали,
Как тот солдатский треугольник,
Проходят клином журавли.

Вот так же, с запада к востоку
Горючим клинышком скользя,
Летели к ней косые строки:
«Мужайтесь. Без вести. Друзья».

И, вмиг затяжелев годами,
Она согнулась до земли!
А над подворьем пролетали
С высоким плачем журавли.

И с той поры, едва таежка
Махнет ей зеленью ветвей,
Она садится у окошка,
Она встречает журавлей.

В живые взглядываясь строчья,
Все что-то силится прочесть...
А в них одна лишь только весть:
Лишь «без вести». И – многоточья!

1980

ЕНИСЕЙСКИЕ СТРАДАНИЯ

У колодца, как ведется, девки песни водят:

– Припаромок остается,
А паром уходит!

– Провожала я солдата,
Целовать устала!

Дальше повели девчата – сердцу больно стало.

– Парни плыли на пароме
Биться за Расею!

Нет другой дороги, кроме как по Енисею.

– Заиграй, гармошка-хромка,
Планка золотая!

И стоит у припаромка женщина седая.

– Ждет кого-то, не дождется
Уж который годик!

...Припаромок остается, а паром уходит.

1980

БРАТСКАЯ МОГИЛА

Туман бинтует перелески
В свои стерильные бинты.
И с неземным хрустальным плеском
Ложатся росы на цветы.

Стрижи над степью взмыли круто
И растворились в полумгле.
И тишина, и веришь в чудо —
В бессрочность мира на земле.

И вдаль ты смотришь без опаски,
Но вдруг заметишь: на меже
Лежит простреленная каска,
Полуистлевшая уже.

А в зарослях полыни серой,
На незапаханном лугу —
Закоченевшая «пантера»
С крестом могильным на боку.

И, провожая в путь неблизкий
Косяк пролетных журавлей,
Седая птица обелиска
Взлететь пытается с полей.

Рванулась и опять застыла,
Как у родимого гнезда,
Где пять птенцов ее убило...
Свой пост над братскою могилой
Она не бросит никогда.

1975

СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ

Отсырели за́полночь стога.
Пена отбелила перекаты.
И, как будто сестры медсанбата,
Разбрелись березы по логам.

Двигутся они за перевал,
Мягким светом озаряя полночь,
Будто кто-то их в беде позвал,
И они спешат ему на помощь.

И спасут. И — жертвенно щедры —
На крутых метельных перекрестках
Падают безропотно березы
В поздние походные костры.

И не раз у гибельной черты
Мы другого средства и не знали —
И в бересту раны пеленали,
Словно в госпитальные бинты.

А когда уже совсем без сил
Мы валились с ног в пути жестоком,
Березняк нам щедро подносил
Туесок живой с целебным соком.

И опять к заветным берегам
Шли мы от зари и до заката.
...Будто рядовые медсанбата
Разбрелись березы по логам.

1975

ПРЕДАТЕЛЬ

Искал забвения в предательстве.

Глотал ночами люминал.

А днем, как в тихом помешательстве,

Все вспоминал и вспоминал...

А вспомнив, называл карателям

Друзей вчерашних имена.

Но сделали его предателем

Не страх, не голод, не война.

Друзей своих – еще со школьных лет –

Он ненавидел все лютей:

Он знал: у них путей окольных нет,

А он был чужд прямых путей.

Все доброе в душе повымарав,

Всегда он был ничтожней их.

И предавал он лишь по выбору –

Прекрасных, гордых, молодых.

Вот если б кто-то, жизнь спасаючи,

Еще ничтожней стал, чем он!

Вот если б запетлял по-заячьи

И покатился под уклон...

Как он мечтал хоть на мгновение

Увидеть пред собою страх!

Но лишь спокойное презрение

Ловил в их сумрачных глазах.

Все выверялось точной меркою,

И уходили сквозь былье

Друзья – прямым путем в бессмертие,

А он – в ничтожество свое.

ПЛАЧ РОДИНЫ

Разгулялась к ночи непогодина

На тишайшем Марьином Затоне.

За окном в колодезной колодине

Кто-то тяжело охает и стонет.

Это в час суровой непогодины,

Когда ночь опалена грозой,

О сынах погибших плачет родина

Родниковой светлою слезою.

1980

ПОПРАВКА

Нет! Не двадцать, а двести

Миллионов солдат

По родимые веси

Не вернулись назад.

Мы ведем нашим близким

Свой, особенный счет:

В к а ж д о м сердце российском

Боль тех павших живет.

1979

ВСТРЕЧА

Сомкнулись челюсти капкана.
Зверь затаился, недвижим.
Из буреломного урмана
Дохнуло запахом чужим.

И волк с тревогой человеческой
Следил, как сквозь летучий снег,
Укрывшись шкурою овечьей,
По-волчьи крался человек.

Уже потусторонне воя,
Зверь знал, что беспощаден тот,
Что он однажды все живое
Под корень самый изведет.

А человек смотрел с тоскою,
Пред зверем чувствуя вину.
Потом взял нож сухой рукою,
Поискалеченной в плену,

И сделал добрую работу –
Сорвал с капкана сторожок.
И волк, почуявший свободу,
Свершил спасательный прыжок.

И скрылся в сумраке урмана...
Смотрел печально инвалид:
Он знал, что зверь позор капкана
До смерти людям не простит.

1985

* * *

Вновь заречье. Пихтачи да избы.
Да ключи звенят из лопухов.
Горделиво вскинули карнизы
Гребни рукодельных петухов.

Обмолот закончен. Нивы голы.
Тишина живет на большаке.
Голубым продрогшим частоколом
Ежится осинник вдалеке.

И другим подобьем частокола –
Непоколебимы и строги –
На мемориале возле школы
Голубеют мраморно штыки.

Мирно мрамор тех штыков искрится,
А ведь есть стальное острие,
Что внезапно может погрузиться
В сердце обнаженное мое.

1974

БОГ РЕКИ

1

Я подниму повыше воротник
И выйду за порог лесного дома.
Обрыв. Река. На палубе парома
Латает сеть морщинистый старик

И курит трубку. В рыжем парике
Грустит ветла за высохшим болотом.
Кувшинки проплывают по реке
И гаснут за ближайшим поворотом.

Ушастый жеребенок на лугу
Призывно вскрикнул. Замер в ожиданье.
И за селом на мглистом берегу
Табун ему ответил долгим ржаньем.

И жеребенок трудно ищет брод –
Перемахнуть на дальний берег, правый...
Транзитный припозднившийся народ
Поспешно покидает переправу.

И захожу я, будто невзначай,
В паромную бревенчатую рубку.
И наливает мне брусничный чай
Тот самый дед, раздымливая трубку.

Уж так оно ведется с давних пор:
Не может человек – без человека!
Течет неторопливый разговор,
Как теплый дождь по пересохшим веткам.

А в паузах – на крохотном столе –
Бормочет самовар сквозь полудрему.
И с речкою беседует во мгле
Усталый трос таежного парома.

2

Паром скрипит, как инвалид
Протезом... Дует. Моросит.
И пассажиров это злит –
Они клянут речной транзит,
Районную разносят власть,
Что новый мост не возвела!
Потом, наматерившись власть,
Сопят угрюмо на узлах.

И среди всех одна душа
Полна смиреньем и добром:
Душе мосты – острее ножа,
Душа приветствует паром.
И у нее хозяин есть,
И руки у него сильны!
Он 30 лет отплавал здесь,
Все 30 лет после войны.

Паромщик славный – бог реки!
И бог уж с ним – что нет ноги.

Скрипит протезом инвалид
И у него глаза грустят,
И у него душа болит:
Построят мост – и упразднят!
Ему и видится с трудом –
Зачем он будет жить потом?

А старожилам здешних мест
Еще припомнятся добром
И дождь, и старенький паром,
Скрипучий, как его протез.

3

Вот бакен месяца меж тучами
Затеplился. Дымится мгла.
Скрепя протезом, как уключиной,
Идет паромщик вдоль села.
И месяц вслед плывет. Над хатою,
Качаясь, ждет он старика.
Совсем как мина та рогатая!
Как в море Черном...где нога...

– А-а... мать твою! Да что ж ты мечешься?! –
Потом, припавши к городьбе:
– Прости меня, родимый месячко,
За слово злое о тебе!
И вспомнил вдруг он тех, горластеньких,
Что костерили райсовет.
И горько думалось: «Эх, ластыньки!
Чего шумим? Беды-то нет.
Что – мост? Уже вон строят зувцам
И нам, поди, начнут с весны.
Все помаленьку образуется,
Вот только не было б войны!
Вот только бы...» – он повторял еще,
Бредя вдоль ветхой городьбы,
И вслед шагам его ныряющим
Протез стонал: – Вот только бы...

1974-1975

ОТМЕТИНЫ

*О Господи!..и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...
Ф. Тютчев*

1

Он появлялся в дни базарные –
Тот музыкант с глазами мертвыми,
Он меж кривыми тротуарами
Садился на шинель потертую.

Рюкзак развязывал он медленно
И доставал баян с заплатами,
И кружку бритвенную медную
На ощупь ставил в щель за плахами.

И над базарной грязной площадью
Взлетала песня в небо сальное
О том, как боевые лошади
Несли отряд в походе сабельном.

Закатной степью, росным лугом ли
Стелились кони огнегривые!
...А бабы слушали и лузгали
Орешки. И бренчали гривнами.

Играл баян. Плясали клавиши.
Певец толпу в свой мир заманивал.
А под конец, слегка откланявшись,
Просил: «Минуточку внимания!

Хоть не горазд я в нотной грамоте
И не учил уроков пения,
Я сочинил произведение –
Я вам его сыграю, граждане».

Как он играл, я не поведаю –
 Не передать мгновенья эти!
 Страна жила большой победою,
 И пел солдат, как шел к победе.

И полыхал рассвет задымленный
 Невдалеке от Молодечна.
 Мешались в траках танков вздыбленных
 Земля, металл и человечина.

И вспыхивал огонь горячечный
 В глазах, сведенных мертвой выбелью:
 Он видел то, чего не видели
 Все мы – ходячие и зрячие.

...Сочились струйкою бескровною
 Те пятаки и серебрушки.
 И музыку похоронной
 Гудела медь незрячей кружки.

Когда ж он шел с базара, сгорбившись,
 В такт батожку стуча медалями,
 Мы все, нисколько не загорившись,
 Ему свои глаза отдали бы.

Да что – глаза? В ту кружку медную
 Спускал я всю наличность скудную,
 А булка тридцатимонетная
 В который раз была не куплена.

2

В двенадцать умер он в застолье опустелом,
 Назавтра утром вскрыл его хирург
 И, вздрогнув, скальпель выронил из рук:
 Как снег январский, сердце было белым.

Врач закурил и отошел к окну:
 Седое сердце! Как в крови берёста!
 Любую в жизни видел седину,
 Но чтобы так... А дело было просто.

Не получился лагерный побег –
 Иуда выдал братьев спецконторе.
 А утром все тринадцать человек
 Сомкнули строй у входа в крематорий.

Крестом сложивши руки на груди,
 Пытал их комендант с глазами рака:
 «Ну, кто из вас зачинщик? Выходи!
 Всех остальных распустим по баракам».

Его не расстреляли, не сожгли,
 Солдата, что шагнул тогда из строя, –
 Ему другую казнь изобрели,
 Достойную былинного героя:

Десятки раз с друзьями шел к печи,
 Но в миг последний получал отсрочку!
 Ему дарили пепел палачи,
 Когда он возвращался в одиночку.

Дымился пепел, как январский снег,
 Визжали петли раскаленной дверцы.
 И эту пытку вынес человек –
 Остался жив! Лишь поседело сердце.

...Врач скомкал сигарету. Сел к столу.
 Очки никак не мог надеть в волненьи.
 Потом взял акт и записал в углу:
 «Иван Багров. Погиб при исполнении».

1965-1980

РАЗГОВОР С ПОЛЕМ

А. Жигулину

1

Легла дорога – от порога
 За кромку дня, в простор земли.
 Светло, торжественно и строго
 Зарю встречают ковыли.

Какая тишь! Какая нега!
 Неужто эти ковыли
 Топтали кони печенег,
 Гудериана танки жгли?

Молчат задумчивые доли,
 Но слышу, нервы горяча,
 И хищный свист стрелы монгола,
 И охлест русского меча.

2

О поля ратная усталость!
 И возрождалось ты, скорбя.
 И сколько здесь навек осталось
 Поднявших руку на тебя.

И не укажет вещей ворон
 На ветер брошенных костей.
 И так же будет встречен враг
 Любых наречий и мастей.

3

А разве в мирную годину
 Не знал страданий твой народ?
 То град повыхлестал житину,
 То суховой и недород.

Да, было так... О, сколько боли
 Взрастило поле у реки!
 Знать, потому во чистом поле
 И ветры солоно горьки.

4

Стою с повинной головою?
 Нет! Поднимаюсь над быльем
 Твоей горючею травой,
 Седым от боли ковылем.

Судьбой твоею причастился,
 Чего могу желать и сметь?
 Здесь я нечаянно родился
 И здесь я чаю умереть:

Здесь наша воля и неволя –
 За падью падь, за пядью пядь.
 ...Стоит на боли это поле,
 А мне всю жизнь на нем стоять!

5

Шумят березовые колки.
Туман пророс сквозь поле ржи.
Захлопотали перепелки,
Перекликаясь у межи.

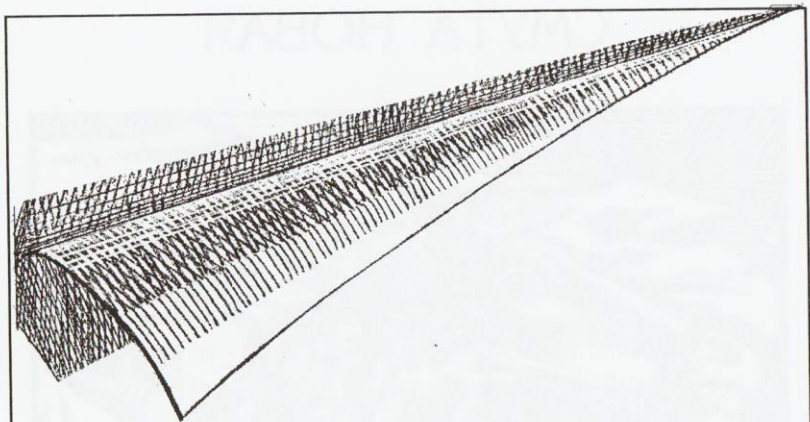
Струится меж землей и небом
Прозрачный оклик журавля.
И снова пахнет свежим хлебом
Заматеревшая земля.

И снова нежностью и болью
Вольются в душу поутру
И этот ровный свет над полем,
И птичий посвист на ветру.

1975

СМУТА НОВАЯ

Доверяли бесхитростным басенкам,
 Пережили крутой перелом.
 И считался уродливым пасынком,
 Кто назвал эти басенки злом.

Одержимые верой упрямою,
 Замахнулись на весь белый свет!
 Обернулся кровавою драмою
 Старых басен прогнивший сюжет.

А теперь вот одни междометия
 Оглашают наш дьявольский пир.
 И крадется за нами трагедия,
 От которой бы вздрогнул Шекспир.

* * *

Встал я вчера на заре,
 Высунул морду в окно,
 А за окном во дворе
 Граждан орущих полно.

Пораскалясь добела,
 Митинг открыли чуть свет.
 – К нам перестройка пришла! –
 Мне возвещает сосед.

– Всех перетопим в квашне,
 Кто нам затыкивал рот!
 В новой свободной стране
 Будет хозяин народ.

Замер я в грязном окне,
 Вниз не упавши едва:
 Что-то напомнили мне
 Граждан орущих слова.

Все это было уже
 С нами когда-то давно.
 ...И помутилось в душе,
 И затворил я окно.

1991

* * *

В. Ткачеву

Дурака поманили орехом –
 В руку сунули спелый орех,
 А потом с издевательским смехом
 В околоток тащили при всех.

Зачитав обвинение в краже,
 Дали дурню внушительный срок!
 Отсидел он и вышел, но даже
 Не усвоил печальный урок.

Будто птахи, срока полетели –
 Из барака да в новый барак.
 Люди добрые парня жалели,
 А дурак был совсем не дурак.

Разобрался он с формулой четкой
 И усвоил под грохот замков:
 Лучше жить за тюремной решеткой,
 Чем на воле в стране дураков.

... Только знает барачная бражка,
 Что, горбатого к стенке лепя,
 Лютой болью страдает дурашка
 За страну, за людей, за себя.

1991

* * *

Обыскали и ушли –
 От поэта что за прибыль?
 Диссидентом нарекли,
 Обрекая на погибель.

Не загнали на тот свет,
 Не сгноили в одиночке,
 Но за много долгих лет
 Не издал поэт ни строчки.

Был он сказочно богат,
 Был последним нищим света,
 Все прошел – и рай, и ад –
 С честью русского поэта.

А когда подналегли
 Перестроечные сроки,
 Демократом нарекли
 И прорабом перестройки.

Подсказали много тем –
 Напечатаем, отметим!
 ...Не желал служить он *тем*,
 А теперь не служит *этим*.

Страх нет. Обиды нет.
 ...Как цветок в чертополохе,
 Доживает век поэт –
 Диссидент любой эпохи.

1998

* * *

Снова встала страна на дыбы,
 Обнажив безобразные раны.
 Снова лучшей взыскуем судьбы,
 Накипая на телеэкраны.

Заседает парламент страны,
 Площадь прет в митинговые сети:
 Выявляем приметы вины –
 На соседе своем, на соседе.

Только я одного не пойму
 В разрушительных наших дебатах:
 Сообща насвинячив в дому,
 Разве можно искать виноватых?

Говорили одно, а потом
 Сообща вытворяли иное,
 Сатанински виляли хвостом,
 Похваляясь великой страной.

Сообща идеалы блюли,
 Погружаясь в застойную тину,
 И лукавили, будто нашли
 Золотую свою середину.

А теперь вот стоим на краю,
 Ужасаемся тьмой ледяною!
 ...Это мы за двуликость свою
 Платим нынешней страшной ценою.

1991

КАПКАН

У каждого детства считалки свои,
 Пословицы и поговорки...
 А я возвращаюсь в далекие дни –
 В бараки у Каменной горки.

Свезли нас со всей необъятной страны
 В углярках и скотских вагонах.
 Дурною травой цвели пацаны
 При «няньках» в солдатских погонах.

Мы впроголодь жили, а все же росли
 И в зоне сплошной лесосеки
 Тайгу изводили с сибирской земли
 Не хуже, чем взрослые ээки.

Забытые Богом в юдоли земной,
 Свыкаясь с жестокою былью,
 Мы здесь становились отпетой шпаной –
 Той самую лагерной пылью.

Учились мы жить у матерых блатных,
 Кололи срамные наколки
 И стали коситься на «нянек» своих,
 Как юные дерзкие волки.

Но э т и опасность учуяли враз
 И в пару ходов облапошили нас.

...Вот ты размахался всюю топором –
 Кряжуешь пихтач на деляне,
 И тут-то к тебе деликатным бобром
 Подкатит усатая «няня».

Блудливо кивнет на язык топора,
 Сощурит похмельные веки:
 – Ты пашешь, а эти сидят у костра,
 Хитрющие, падла, чучмеки.

Словечко всего, а ты втянут в игру:
 – Сачкуют, поганые суки! –
 И вот уже руки ползут к топору,
 Хмельно задрожавшие руки.

А вот подмечает солдатик другой:
 Осели хохлы в хлеборезке
 И, ясное дело, хозяйской рукой
 С в о и м нарезают довески.

Иной постращает голодные рты
 Жидовским базаром в каптёрке:
 Уж больно наваристо просят жида
 За пачку казенной махорки.

А этот бакинец обкурен и пьян,
 Чем он прополаскивал глотку?
 Да он же, гадюка, стучит на армян,
 Ему и подкинули водку.

И все! Перехлестнут последний предел –
 Звериное в людях поперло!
 И горе тому, кто прикрыть не успел
 Худое немывтое горло.

Краснеют снега от кровавых соплей,
 Мозги отшибают жердины:
 Вот крепко побили хохлы москалей,
 А вот осетинцев – грузины.

Еще и сегодня воротит с души,
 Лишь вспомню, как лезут меж ребер ножи.

В итоге нам «няньки» ломали бока,
 Бессильным уже от разлада,
 Пока не додумалась чья-то башка:
 – Ребята, кому это надо?

Нам правда иная открылась тогда –
 Когда шевельнули мозгами:
 Да э т и же нас подомнут навсегда,
 И нашими, кстати, руками.

Мы бросили драться и сбились гуртом
 Без всякой на то директивы,
 И лишь потому, стало ясно потом,
 Остались мы все-таки живы.

А нынче вражда полыхает опять,
 Не дети враждуют – народы!
 О Боже, дай людям всю правду понять,
 Как нам в те далекие годы.

О Боже, не дай никому никогда
 Забыть хоть на самую малость,
 С чего начиналась такая вражда
 И чем это после кончалось.

С тревогой смотрю на бурлящий Союз
 И вижу приметы распада.
 И детским вопросом опять задаюсь:
 – Ребята, кому это надо?

1990

БЕСЫ

Что там выползло из темноты? –
 Это памяти аспидный полоз.
 Захлестнула петля немоты
 Грузом прошлого
 сорванный голос.

Да и есть ли какой-нибудь толк
 В том, что я прорычу и пролаю?
 Офлажкованный временем волк,
 Я уже ничего не желаю.

Застревают в гортани слова,
 Будто я нажевался махорки.
 Нас опять обманули, братва, –
 Королей записали в шестерки.

А шестерки поперли в тузы
 По законам испытанной пьесы:
 Снова тянут страну на весы
 Всевозможные мелкие бесы.

Снова сходит на них благодать –
 Повсеместно вылазят на сцену,
 Душу черту готовы отдать,
 Если даст он хорошую цену.

Что за вой, что за стук на дворе? –
 Это бесы, как рѣдные братья,
 Ладят крест на высокой горе,
 Тащат гвозди к подножью распятыя.

1991

* * *

Сломали памятник в момент,
 Гремя отбойным инструментом –
 Снесли гранитный монумент,
 Повоевали с постаментом.

Хохмили, пьяно гогоча,
 Тянули за ноги тросами –
 Пострадовали сгоряча,
 Того не сознавая сами,

Что в эти смутные часы
 Свихнулись мы, отвагой бредя!
 Так трусоватенькие псы
 Дерут убитого медведя.

Так мы, подобие людей,
 Гремя клыками и когтями,
 Страшась живых своих вождей,
 Воюем с мертвыми вождями.

1991

* * *

Кроликов подопытное стадо,
 Что же над собою мы творим?
 С нами даже воевать не надо:
 Мы себя и сами победим.

Сумрачные призраки разрухи
 Полонили наши города,
 И живьем ложатся в гроб старухи,
 Скорой смерти просят у Христа.

От столиц до крохотных селений
 Снова правит нами чистоган,
 А в загылок хрипло дышит Ленин
 И Дзержинский чистит свой наган.

5 декабря 1998

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Он по грязной столешне гоняет стакан
 Самогонно-вонючего зелья.
 Он не трезв, но еще и не очень-то пьян,
 Просто руки трясутся с похмелья.

Вот он ловит стакан. Вот шарахнул вина.
 Вот сейчас он рванется в атаку!
 ...Вот с гранатой бежит молодой старшина
 Вперехват оборзевшему танку.

– Загорелся, гадюка! – и новый стакан
 Полыхнул самопальной отравой.
 ...Вот Звездой награжден молодой капитан
 После госпиталя под Варшавой.

И уже он охотником прет за бугор,
 Ходко гонит зверюгу по следу!
 ...До Берлина дошел поседевший майор,
 Жив-живёхонек встретил победу.

Что же вдруг приуныли его ордена,
 Преклонясь пред буфетною стойкой?
 Победила его дорогая страна,
 Добивает своей перестройкой.

В долг он просит еще хоть бутылку вина,
 Величает буфетчика старшим.
 ...И летит он под стол! И гудят ордена –
 Похоронным заходятся маршем.

9 мая 2002

* * *

Уходя, он сказал: – Не нужна!
Я не верил тебе и не верю. –
Ничего не сказала жена,
Просто молча захлопнула двери.

И стране он сказал: – Не нужна!
Ты надежды мои не щадила. –
Ничего не сказала страна,
Просто молча его проводила.

Сгоряча пнул он верного пса
Густопсовым забористым матом –
Пес отвел виновато глаза,
Хотя не был ни в чем виноватым.

– Демократия! Лохи! Жлобы! –
И лицо его злобой светилось.
...Покатилось колечко судьбы,
За большие моря покатилось.

В Сан-Франциско живет он теперь –
Ни звонков из России, ни писем.
...И никто не стучит в его дверь –
Он теперь от всего независим.

2002

СМУТНАЯ БАЛЛАДА

Было так! Почти что с колыбели
Я узнал народную беду:
Под рыданье северной метели
Жили мы в концлагерном аду.

Только что мне, малому, тревоги?
У ребенка свой, Особый, суд:
Люди, как прекраснейшие боги,
Явятся и вовремя спасут.

И с тех самых пор в любой остуде,
Как святая кровная родня,
Даже в снах ко мне являлись люди –
Приходили, чтоб спасти меня.

И страшусь я к прошлому возврата,
И оно глядит на нас в упор,
Если брат над головою брата
Вскинул окровавленный топор.

Я боюсь, что юную свободу
Поглотит страстей водоворот,
Если вдруг прекрасному народу
Может быть врагом другой народ.

Как у материнского надгробья,
Всем святым поклониться я готов:
Не туда глядим мы исподлобья,
И не там находим мы врагов.

И покуда, злобой истекая,
 На народ вздымается народ,
 Сыщется всегда рука такая,
 Что к рукам народы приберет.

А когда последние оплоты
 Потеряет бывшая семья,
 Вновь поедут целые народы
 Обживать холодные края.

Я и верю в это, и не верю,
 Но, приметой нынешнего дня,
 Мне все чаще снятся люди-звери,
 И они идут сожрать меня.

1989

БАЛ САТАНЫ

Хоронились они, словно тати ночные в пещере, –
 В Беловежских лесах – три старателя Тайной Вечери.

Жди пришествия Зверя.

Фигуры хитроумные лепя,
 Схарчив довольно водки да икорки,
 Тузами *трое* числили себя –
 Чужой игры зловещие *шестерки*.

Вот и число *ббб*.

И учинился воровской дележ,
 И каждый был на сладенькое падок,
 И родине моей разбойный нож
 По рукоять вогнали меж лопаток.

Мать отошла.

А на площади Красной юродивый бился при всех,
 Божью кару пророча за смертоубийственный грех.

Напророчил.

Беспроглядная тьма на просторах российских повисла,
 Будто в пропасть без дна наугад сиганула страна.
 И куда ни взгляни – ни просвета, ни здравого смысла,
 Всё в традициях лучших: сума, да тюрьма, да война.

А на бал Сатаны прибывают его кавалеры,
 На балу Сатаны пляшут дамы в чем мать родила,
 А в глазах россиян – ни любви, ни надежды, ни веры.
 В них – последняя искорка божья сгорает дотла.

Снова Ванька безродный погряз в непотребстве и сраме,
 Снова молит, болезный, прощенья неясной вины.
 А служители божьи лениво витийствуют в храме,
 Запродав свою паству на барщину слуг Сатаны.

И в державных стенах –
 всё витийство, витийство, витийство...
 Неужели и вправду народ мой – слепая толпа?
 Каждый день в новостях –
 все убийство, убийство, убийство...
 За какие грехи нам упала такая судьба?

Вьюга плачет навзрыд безутешной вдовой на погосте,
 Страх в оконца стучится, тоска сторожит у ворот.
 А в державных палатах пируют заморские гости,
 Хлебосольно встречают их наши борцы за народ.

Балыки. Ананасы. Икорка в серебряном блюде.
 Суперзвездный певец убажает кремлевский кабак.
 А в российской глубинке больные, голодные люди
 Доедают без хлеба больных и голодных собак.

25 февраля 1998

* * *

Эх ты, жизнь! Всё сума да тюрьма!
 Сплошь истлевшие сирые кости!
 ...Приняла, приняла Колыма
 В долгосрочные честные гости:

Отрубил от звонка до звонка
 Двадцать лет да ещё три годка.

Битый волк. Сухопар и плечист.
 Ходит волчьей убродной походкой.
 ...Пил «хрущевку» крестьянский троцкист!
 ...Похмеляется ельцинской водкой.

27 апреля 2002

* * *

Открестился брезгливой рукой,
Отмахнулся бунтарскою челкой:
«Мир вокруг нестабильный такой,
А ты лезешь ко мне с мелочевкой».

Проповедник великих идей,
Отягченный проблемами века,
Ты страдаешь за судьбы людей,
Равнодушный к судьбе человека.

Без проблем ты поладил с толпой –
Свел течения разных потоков
На последний, решительный бой
За счастливую долю потомков.

Победил и в угаре лихом,
Когда стихла вокруг канонада,
Обернулся ты злым пастухом
Бессловесно мычащего стада.

Что ж, признаем логичный конец,
Изначальный расклад соизмеря:
Трудно волку при стаде овец
Укротить в себе хищного зверя.

1991

* * *

Будто смотрит он в калейдоскоп,
А страна будто стала мишенью.
Аж взопрел у родимого лоб:
Мельтешенье вокруг,
мельтешенье!

Будто некий безумный пастух
Бросил стадо овец волчьей стае!
Завихряется дьявольский дух,
В опустевшие души влетая,

Все как будто наладилось в ад
В состоянии некого транса.
И бегут, и ползут, и летят,
Исчезая в пучине пространства.

Вкривь и вкось потекли времена –
Даже в дрожь от испуга бросает:
Вот уже исчезает страна,
Непонятно, куда исчезает.

Крутит, вертит он калейдоскоп,
Рыщет взглядом затравленной рыси!
...Он страшится: расхлябятся выси –
И начнется Всемирный потоп.

10 мая 2002

НЕОКОНЧЕННАЯ БАЛЛАДА

Я родился на знойной молдавской земле,
 Я родился с полынной звездой на челе,
 Так что с первого дня и поныне
 Я дыхание злое ловлю за спиной:
 Будто кровные братья кочуют со мной –
 Жар ознобный и горечь полыни.

...Как-то полночью к нам постучали в окно –
 Это был наш дебют в эпохальном кино,
 Где нам роли заглавные дали:
 Без суда повязали всю нашу семью,
 Припаяли полсотни восьмую статью
 И погнали в лазурные дали.

Гнали нас в Магадан, только нам повезло:
 Наш этап в Красноярске южнее снесло,
 К знаменитым предгорьям Алтая.
 В золотом руднике золотили мы лбы,
 Так что юность моя по капризу судьбы
 В полном смысле была золотая.

Отпечатал мой след Таштагольский вокзал,
 Я на нем именную страницу вписал
 В коллективный роман о Сиблаге,
 Я его окропил поминальным вином:
 Здесь родные мои спят мучительным сном,
 Вечным сном в золотом саркофаге.

Дорогие родители, мать и отец!
 Я не вправе носить ваш терновый венец –
 Скорбный знак без вины виноватых.
 Я лишь верю, что в том заповедном краю,
 Где несете вы честную вахту свою,
 Вам не хуже, чем в здешних пенатах.

Здесь всю колосится вселенское зло,
 С каждым часом растет роковое число
 Убиенных безвинно и сирот,
 Снова кровушкой пахнет, как пахло *тогда*,
 И трехпалою дланью сгоняет стада
 Бесноватый дряхлеющий Ирод.

Впрочем, хватит! Зажглась над кладбищем звезда.
 Будто Гамлет, я в полночь пробрался сюда,
 Чтоб увидеть любимые тени, –
 Ближе... Ближе... О черт! Розовеет восток,
 И уходят они в свой небесный чертог,
 В облаках вырубая ступени...

1991, 1998

* * *

Запивали. Запевали
 Про веселые года
 И в прокуренном подвале
 Оставались навсегда.

Медик, педик, скоморохи,
 Правдолюбы и вральи –
 Отработка злой эпохи,
 Господа своей земли.

Академики, мессии,
 Хохмачи и рифмачи –
 Божьи пасынки России,
 Достославные бичи.

Погружаясь в море водки,
 Все здесь счастливы вполне!
 ...Как в затопленной подлодке –
 Глубоко. На самом дне.

25 ноября 1998

* * *

Здесь когда-то была черневая тайга.
 Выше крыши снега наметала пурга.
 Здесь в соседстве тропились от века
 След медведя и след человека.

Жили здесь справедливым законом тайги:
 Без вины человека убить не могли.
 Среди вселенской вражды и раздоров
 Здесь не знали замков и запоров.

А в тридцатых кроваво набухла заря,
 Как грибы, выросли в тайге лагеря.
 Кряжи вольных саянских угоров
 Осквернились колючкой заборов.

С той поры здесь забыты законы тайги:
 Затуманились водкой и страхом мозги.
 Озверели и люди, и звери,
 И замками окрысились двери.

И охотник, что белку выцеливал в глаз,
 Переносье людское дырявил не раз:
 Наловчились в ежовских стражбатах
 Убивать без вины виноватых.

А теперь эти люди прекрасной души –
 Беспросветные зэки и сплошь алкаши.
 Их горючая песенка спета.
 И никто не ответит за это.

1991

* * *

Кабырза. Кочура. Калтарак. Каура.
 Арестантские тракты. Медвежья тропа.
 Для кого-то – словесная это игра,
 Для меня – это жизнь и судьба.

Завезли меня в дикие эти места
 На пожизненный срок, до конечной черты.
 Полновесною пайкой тянула беда,
 Мне досталась краюха от этой беды.

Бог не выдаст – свинья, как известно, не съест!
 Жрали звери меня поклыкастей свиней.
 Дал свободы глоточек двадцатый партсъезд,
 А потом стало горше еще и тошней.

Я в начальство не лез, не сражался за пост,
 За деньгу не чинил тараканьи бега.
 Я старался стоять в свой естественный рост,
 Чтоб никто не плевал на меня свысока.

Вот за это меня ненавидели ТЕ,
 Да и ЭТИ за то же не любят меня.
 Я всю жизнь продымил на пихтовом кресте,
 Остаюсь на кресте до последнего дня.

Дай мне, Господи, силы с него не упасть
 И в паденье не вляпаться в бездну говна:
 Ведь известно давно, что поэты и власть
 Антиподами были во все времена.

Дай, Господь, не ужиться с царем и с толпой,
 Лучше пусть меня примет мой старый барак,
 Лучше пусть повторятся моею судьбой
 Кочура, Кабырза, Каура, Калтарак.

1990

* * *

Заскок Прокудина Егора
 В поселке знают стар и мал:
 – Когда б имел златые горы... –
 Он, напиваясь, запевал.

А горы – золотые горы! –
 Без края дыбились хребтом:
 Вся жизнь Прокудина Егора
 Прошла в забое золотом.

– Всю жизнь в рыжье купался, гадство,
 Здоровье кинул на распыл,
 А никакого, бля, богатства –
 Штанов приличных не добыл.

И, тычась в пьяные заборы,
 Он оглашал окрестный лес:
 – Когда б имел златые горы,
 Я б поимел капэээс!

Дооглашался он до точки
 И поимел солидный срок.
 ...Прошли тюремные годочки,
 Да не пошли Егорше впрок.

Закинув водочки за ворот,
 Хохмит он, белый весь, как мел:
 – Когда б имел златые горы,
 Я б демократов поимел!

28 ноября 1998

СЛОВО К ЛЮДЯМ

До утра просидев
Над архивною папкой доносов,
Средь которых и тот,
Где отец мой объявлен врагом,

Я себя истязал
Самым жгучим из вечных вопросов:
Как же мы умудрились
Погрязнуть в таком?

Я хотел бы узнать,
Не кивая на Сталина с кликой:
Сколько мы запихали
В сырую утробу земли?

Ведь не кто-то чужой,
А мы сами с жестокостью дикой
Без вины виноватых,
Родимых своих извели.

А живых разогнали
По диким краям и темницам,
И в конечном итоге
Нам выпал печальный удел:

Поделится народ
Только нам и понятной границей
На сидевших уже
И на тех, кто еще не сидел.

Разве кто-то чужой
Братьям нашим дырявил затылки,
Разве это не мы возводили
В тайге лагеря?

Это ж наш человек
За глоток из «хозяйской» бутылки
Беглых эзков гонял,
Записавшись спяна в егеря!

Догонял и вязал,
И тащил их к тяжелым воротам,
За которыми гнил
Номерной человеческий вал.

Что хочу я сказать?
Все мы были советским народом –
Те, кого убивали,
И те, кто других убивал.

Потому мне сегодня
Так страшно в родимых пенатах! –
Человек сатанеет,
Пещерному зверю сродни.

И кровавым зрачком
Ищет он без вины виноватых,
А виновные вновь остаются
В надежной тени.

На больших площадях
Митингуют людские громады,
Но куда занесет
Разношерстную грозную рать? –

Если в нашей стране
Остаются былые расклады:
Есть к о м у убивать,
А тем паче к о г о убивать.

* * *

Колокола звонят, колокола –
 То величальные, то поминальные!
 И Русь моя, не помнящая зла,
 Глядит, скорбя, в глаза Христа печальные:

Поодичала русская земля,
 В гнездовьях аистов плодятся вороны,
 Дурной травой поросли поля
 Да стон стоит – во все четыре стороны.

Россия! Русь! Душа моя и плоть!
 В своем дому живешь ты, как в изгнании.
 И я хриплю тебе, как заклинание:
 – Россия, Русь, храни тебя Господь!

Откуда пала тяжкая беда
 России-дэвице, России-женщине?
 Свирепо топчет русская орда
 Святую Русь – на радость иноземщине.

Как в страшном сне, запутаны пути,
 Душа кричит во мне, как птица взаперти,
 И я хриплю юродивым на паперти:
 – Россия, Русь, прости меня, прости!

Прости за униженье и за тлен,
 За стыд, за страх, за боль до иступления,
 И что пройдут года и поколения,
 Пока ты встанешь с дрогнувших колен.

Колокола звонят, колокола,
 На иноземные так непохожие!
 Скликают нас на добрые дела
 Россия-мать да вера в слово Божие.

И я вперед смотрю, и вижу я
 Орла двуглавого – не птаху серую!
 Ты возродишься, Родина моя,
 Тобой живу, в тебя едино верую.

Россия! Русь! Душа моя и плоть!
 Ты бьешь крылом больным, как птица взаперти,
 И я целую след Христа на паперти:
 – Россия, Русь! Храни тебя Господь!

1995

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Я б хотел, но уже не смогу
 Безмятежно купаться в обмане,
 Я стою на пустом берегу,
 Словно каменный идол в тумане.

А вокруг ни жилья, ни огня.
 Будто мамонт, весь мир беспробуден.
 Хищный ветер свистит сквозь меня,
 Как стрела сквозь простреленный бубен.

Это жизнь просвистела у глаз
 Непонятной чередой измерений,
 Капля крови на лбу запеклась –
 Жалкий след мимолётных прозрений.

Я хватался за призрачный миг,
 Я в пространство втекал, как в плотину,
 Но, увы, ничего не постиг
 И уже никогда не постигну.

Остается смотреть на Восток,
 Отмечая восхода усталость...
 Жизнью я, будто кровью, истек –
 Что же мне напоследок осталось?

Остаются химеры и дичь,
 Вроде тех мимолетных прозрений,
 Что пространство и время постичь
 Ни дурак не умеет, ни гений.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРОЛОГА	5
БОЛЬ ПОКАЯННАЯ	7
Вот бы взять да упразднить	8
Алый плат да простенькое платьице... ..	9
Стук колес. Людская смесь... ..	10
Одеялко смятое откину... ..	11
В логу ручей. По берегам... ..	12
Полночь. У маминых ног... ..	13
Что так жалобно птицы поют	14
Уходят из дерева соки... ..	15
Я скучаю об отце... ..	16
Этот снег не растает уже никогда... ..	17
Как собираемся долго мы... ..	18
Ушла подруга. Прёдал друг... ..	19
Зачем я прихожу сюда?... ..	20
Дочери Инге... ..	21
О, если бы имел такую власть я... ..	22
Когда во тьме осенней ты до костей продрог... ..	23
Задудли сизые ветра... ..	23
Распогодилось. Вдоль берегов... ..	24
Здесь все осталось на местах... ..	25
Песня земли	26
Летят они, скрываясь с глаз	27
Восходят над лесом ночные светила... ..	28
Дождались и мы! Пришел мороз... ..	29
Вот это расходились холода... ..	30
– Ну-ка, сынку, повернись!... ..	31
Как строптивый азартный щегол... ..	32
Бог мой, как это убит? Нет, не верю я! Не верю... ..	33
Хоть зарыдайся, хоть криком кричи... ..	34
Как страшен поминальный стол... ..	35
Мальчик в затоне купает коня... ..	36
БАРАК АНТИПОДОВ	37
Непонятных теней пантомима... ..	38

Ворон угрюмо присел на стожок.....	39
Безмятежно любясь собою	40
Землю пеше пересек.....	41
Топал малый ниоткуда	42
Матушку рѳдную рак убивал	43
Дух здоровый в здоровое тело	44
А прозрев, свою душу он вскрыл	45
В стихах был и царь он, и бог	46
То ли взлез к ней в советчики черт.....	47
Будто на сердце высыпал соль.....	48
То ли давней поры Казанова	49
Жизнь, темна и неприкаянна	50
– Так, так, так... Значит, ты, не любя.....	51
Лгать он попросту не мог	52
Он был стрелок. Он бил наверняка.....	53
Не Аполлон, не безобразен.....	54
Глаза глядят, как два ствола.....	55
– Да как же так? Ведь я им все отдал!	56
– Значит, так... Я любил ее! Да.....	57
Он упал меж репеем и мятою	58
Есть вождя крутая стать	59
Ах, как сладко быть рабом	60
– Полюби меня или убей!	61
А когда покидала она мужика.....	62
Швырнул ошметок мыла	63
Отстрелялся и бросил в траву автомат	64
Он, как лосось, икру метал	65
Он ушел под Новый год	66
Без цинизма, без предубеждения.....	67
Не виделись порядком лет.....	68
А мужик себе пашет да пашет	69
– Вот если б можно было вспять.....	70
И набрякли мешки под глазами.....	71
– Что ж ты делаешь, гад!	72
Сердце занялось. Качнулась хага.....	73
Пес бродячий влетел на газон.....	74
Он наступил на древний мох.....	75
Хрустнет в чаще кедровая ветка.....	76
Жил один в небогатой квартире.....	77
– Свободы ты просил, не так ли?.....	78
Хорохорился Петруха.....	79
Одиноко входила в роддом.....	80
От всех больших земных забот.....	81
И сказала Она: «Улетаю, мой друг».....	82

Кричали люди, звери, птицы	83
Он проснулся, а лето ушло!	84
Будто тяжелый осколок.....	85
Она глядела на меня.....	86

КРАСНЫЙ ХОЛОД	87
Затянулась жара к сухоною.....	88
Вот и снова – отчий дом.....	89
Как у самой у воды.....	90
Хозяин	91
Обида	92
Как тихо утром на реке!	93
Списанная	94
Сдобрен застойной осиною.....	95
Элегия	96
Живица	97
Листочек последний ветла.....	98
Жажда	99
День оползал к подножью холма.....	100
Вызревает пора холодов.....	101
Бобыль	102
Бобылка	103
Слух и зрение	104
Плач по счастью	105
Ещё плач	106
Хватит! Больше не могу.....	107
Сосняк в суровом куржаке.....	108
Родник	109
Красный холод	110

НЕ СОТВОРИ	111
– Не говори о Боге всеу.....	112
Из года в год, из века в новый век.....	113
Он уже не поверит бесстрашью и страху.....	114
Бражничал, жрал, не шадя живота.....	115
Гипотеза	116
Белая дева на белом коне.....	118
Неистребимое стремленье.....	119
...А был он обличьем похож на сатира.....	120
Наклонясь над зеркальной водой.....	122
Он сотворил себе кумира.....	123
Баллада о вождях	124
– За что не любишь ты меня.....	126
Оттолкнувшись ленивой ногой.....	127

Второе пришествие	128
Дух захватила внезапная робость.....	130
Жизнь качнулась, надломилась.....	131
Здесь есть о чем загоревать.....	132
Как явились сюда мужики на заре.....	133
Белая лошадь почует свое отраженье в воде.....	134
Песня юродивого	135
Все презреть, чью-то душу изгадить.....	137
И вошел он под храмовый свод.....	138
Змейкой ласковой петля.....	139
То ль его попутал бес.....	140
Слава Богу! Я живой.....	141
Прости мне, Господи, прости.....	142
Голос детства	143

ПЛОТ СУДЬБЫ	145
Цените человека в человеке!	146
Первая память мальнишеских лет.....	147
Встреча	148
Плот судьбы	152
Баллада о друзьях	154
Хозяин тайги	156
Когда к нам за полночь пришли.....	157
Солончак	158
А рубили мы лес – только щепки летели!	161
Песня	162
Классика	163
– Разойдись, разгуляйся, народ!	165
Реквием	166
За магазином, в лопухах.....	168
Эта белая дорога сквозь тайгу	169
Амнистия	171
За что ж такое наказание?.....	172

ЗОНА СЕРДЦА	173
Так что же? Молодость прошла.....	174
Вхожу в ручей, не зная броду.....	175
Запламенела волчья ягода.....	176
О чем задумалась, душа?	177
И видно далеко. И слышится далёко	178
Замри и жди!	179
Отскрежетали бензопилы.....	180
Тонкий голос на том берегу.....	181
Снова ловят бездомных собак.....	182

Роняют литые искрины.....	183
В день рождения	184
Красный волк.....	185
Память, память... В хмельной пирушке.....	186
Вовек мне такого не знать бы.....	187
Кормились желтым молоком.....	188
Как долго он терпел в себе раба.....	189
И вновь с ослепшей высоты.....	190
Как трудно умирают сентябри!.....	190
Маленький человек, что ты в себе таишь.....	191
То ли ведро, то ли дождь.....	192
Какой заостренный мрак!	193
Дождь со снегом. Гнилая пора!	194
Всю ночь кричали гуси за рекой.....	195
Что случилось? Назрела такая пора.....	196
На износившихся снегах.....	197
Да! Дерево пело с утра.....	198
Ни огней. Ни дорог. Все сокрыто метелью замаятью.....	199
Пробился мотылек сквозь тьму.....	200
Холодное солнце упало в реку.....	201
Стихотворец	202
Художник	203
Не мог он докричаться. Нет!	204
Отдача	205
Забываются лица ушедших друзей.....	207
Сон в зимовье	208
Кто из нас не плакал под березами.....	209
Заклинание	210
Должна же быть хоть капля сострадания.....	212
Не популярный капитал.....	213
Сквозь память скользнул он в Начало.....	214
Все! Сентябрь на исходе.....	215
Будто еловая плаха.....	216
Я не скажу, что многое постиг.....	217
Вот в чем дело: я оглох.....	218
Как гигантская стрекоза.....	219
Закружилась в затоне листва.....	220
Взрастить бы иную надежду.....	221
Завещение	222
В час ночной, когда лишь крики совы.....	223
Кустарник. Кладбище. Кресты.....	224
Лунная песня	225
Горят костры. Деревня травит волка.....	226
Однажды нахлынет и – точка!	227

Разлады	228
Воля, что ли, моя оскудела.....	229
О, как преобразился мир!	230
Жизнь	231
Письмо к другу	233
А когда и последние силы.....	234
ПОД ЗНАКОМ ЛЮБВИ	235
Мощных кльков металлический стук.....	236
Часть первая ТЕРПКАЯ РЯБИНА	
В экстазе ты кричала «да!»	237
Эта ночь плыла в никуда.....	238
Девочка! Гитарная струна!	239
Блаженна дачная страна.....	240
Снова гаснет свет в домах.....	241
Вползала машина на пик крутяка.....	242
Ты все круче забираешь власть.....	243
Уже отрезвляясь, еще во хмелю	244
Мы жили в просторной кедровой избе.....	245
Девочка с рябиновыми бусами.....	246
Вот и скатился в ночь еще один денек.....	247
Скорбный крик лишил тебя покоя	248
С восторгом безумья луна хохотала во мраке	249
Мой ангел прилетел ко мне во сне.....	250
– Ну, а вдруг я и вправду уйду?	251
Терпкая рябина	252
О, как же я тебя любил.....	253
Ты всюю теснишь меня.....	254
Ярился високосный год.....	255
Забурлила, встревожилась пена.....	256
Она ушла и народилась тьма.....	257
Ах, какое было лето.....	258
Обманулась осень бабьим летом.....	260
Мы жили все в той же кедровой избе.....	261
О чем грустишь, о чем печалишь бровь.....	262
Мерзким запахом бьет креозот.....	263
Как два альпиниста, мы шли по судьбе.....	264
Ласки. Добрые слова.....	265
Нервный тик электронных китайских часов.....	266
Время за полночь. Зажгу свечи я.....	267
Сбежала под вечер куда-то.....	268
А в полуночной тишине.....	269
Ждал тебя, а дождался другую.....	270
А в ночь полнолуния.....	271

Есть полночи в начале марта	272
Говорили мне: «Сверни в леву сторону».....	273
Я сегодня играю по краю.....	275
Скрипела, сползая, короста.....	276
Она уходила, как кровь.....	277
Расстались! Да. Расстались мы с тобой.....	278
Зимняя песня	279
Ледяная пустыня. Не верится.....	281
Вот это да! Какие холода!	282
О, Господи! За что мне эта мука?	283
Стылый мрак. Седой мороз.....	284
И этот пес, что воет за окном.....	285
Снова ночь и опять не могу я уснуть.....	286
Как варнак в тюрьме.....	287
Она еще придет, придет к тебе та ночь.....	289
Часть вторая «ЗОЛОТАЯ СТРЕЛА»	
Зернышко до зернышка	290
Обмерла и сдержат не смогла.....	291
Кололись, как ежи!.....	292
Сказал, как отрубил.....	293
Отстранилась, как от огня.....	294
Расставались без крика, без слез.....	295
Это будет. Так случится! Что случится?	296
Он безмерно устал. Зачастила к нему седина.....	297
Хорохорились герои.....	298
И черна, как вран пред Гамаюном.....	299
Открывалось. Аукнулось. Замерло.....	300
– Любить? Согласен! Но страдать.....	301
Часть третья ВОЗВРАЩЕНИЕ ФАВОРИТА	
Память дней первоначальных.....	302
Был табунным конем я, и такого коня.....	303
Волки сходу мне кинулись наперерез.....	305
Вот и свершилось, чего я давно ожидал.....	307
Залетный ветер крылья распростер.....	309
Эта женщина, словно безудержный шквал.....	311
Загустела река.....	312
Сказание о любви	313
В заботах дневных и в гульбе.....	317
Когда встают страданья на крыло.....	318
Да что ж я так? Какая ты колдовка?	319
Ночная гостья, бывшая жена.....	320
Вот и финита, вот и все дела.....	321
Песня фаворита	322
В часы душевного недуга.....	324

Трещат в печи смолистые дрова.....	325
Под луной, как под мертвой водой.....	326
Камнем падал я в черную пасть.....	327
Молитва.....	328
Как в дни златые, облетаю я.....	330
МОЯ РОССИЯ	331
За огородами, за выпасом, за большаком.....	332
Из книги “ЗА ЖУРАВЛЕМ”	
Посох.....	333
Знакомые таежные места.....	334
Больно жалится? Экое диво!.....	335
Я рос в березовой стране!.....	336
Позажгло березняки.....	337
Какие чудные погоды.....	338
Звенят от зноя колокольчики.....	339
Крестный ход.....	340
С полсотни дворов на заречном бугре.....	341
Сиреневый куст за сосновой избушкой.....	342
Свет олуненных берез вызрел над тающим летом.....	343
Кончился сенокос.....	344
Белый домик. Тишина.....	345
Песня остячки.....	346
Предчувствие холода сводит ключицы.....	347
Под утро лечь. И тут же встать.....	348
Печь хлеба. Ребятишек рожать.....	349
С вечера задуло, замело!.....	350
Октябрь. Суровая береза.....	351
Ветры мчатся над озимью.....	352
За окошком кошка плачет.....	353
Заоседело. Дождик раскосый.....	354
ТАЕЖИНА	
Весна.....	355
Лето.....	355
Осень.....	356
Зима.....	356
Зажглась золотая звезда.....	357
В лесах моих тихо и пусто.....	358
Холодный ветер. Лай собак.....	359
Вовсю летят опальные листья.....	360
В опрокинутую бочку.....	361
Потянуло севером с полей.....	362
Тонко свистят на рябинах дрозды.....	363
И вот уже остудой ноября.....	364

Конец сезона. Крик картавый.....	365
Утром выглянул и – на тебе!.....	366
Снегири летят с утра.....	367
Река остановилась...Ребятня.....	368
Все реже слышен скрип телег.....	369
Зима вошла в мой дом сквозь щель в двери.....	370
Время.....	371
Зарезали Зорьку на зорьке.....	372
Январь смотрел сквозь прорубь на меня.....	373
Лютует крещенский мороз!.....	374
Опять ударит ветер в двери.....	375
Ветер за стеной – свирепый зверь!.....	376
Еще далече до тепла.....	377
В прутьях клетки, как в зубьях вил.....	378
Затих в трубе залетный леший.....	379
Отгадка.....	380
Вскрылатился разбойный свист.....	381
Крути своя.....	382
Из книги “ВДОВЬЯ ЯГОДА”	
Огонь в печи. Ребенок в зыбке.....	386
Могила русича.....	387
День Победы.....	388
Детство. Монологи ровесника.....	389
Вдовья ягода.....	391
Ожидание.....	392
Енисейские страдания.....	393
Братская могила.....	394
Сестры милосердия.....	395
Предатель.....	396
Плач Родины.....	397
Поправка.....	397
Встреча.....	398
Вновь заречье. Пихтачи да избы.....	399
Бог реки.....	400
Отметины.....	403
Разговор с полем.....	406
Шумят березовые колки.....	408
СМУТА НОВАЯ	409
Доверяли бесхитростным басенкам.....	410
Встал я вчера на заре.....	411
Дурака поманили орехом.....	412
Обыскали и ушли.....	413
Снова встала страна на дыбы.....	414

Капкан	415
Бесы	418
Сломали памятник в момент... ..	419
Кроликов подопытное стадо... ..	420
День Победы	421
Уходя, он сказал: – Не нужна!.....	422
Смутная баллада	423
Бал сатаны	425
Эх ты, жизнь! Всё сума да тюрьма!.. ..	427
Открестился брезгливой рукой... ..	428
Будто смотрит он в калейдоскоп... ..	429
Неоконченная баллада	430
Запивали. Запевали... ..	432
Здесь когда-то была черневая тайга... ..	433
Кабырза. Кочура. Калтарак. Каура... ..	434
Заскок Прокудина Егора... ..	435
Слово к людям	436
Колокола звонят, колокола... ..	438
Вместо эпилога	440

Олег Ефимович Максимов

ПЛОТ СУДЬБЫ

Книга стихов

Компьютерный набор **Т. Артемьева**

Компьютерная верстка **Т. Кушнир**

Дизайн **К. Салошин**

Отпечатано в ООО «Полиграфист»,
654005, г. Новокузнецк, ул. Орджоникидзе, 11.

Сдано в печать 26.10.2009. Печать офсетная.
Формат 60x84 1/16. Объем 28 п. л. Заказ 11750 . Тираж 3000